

"Неоспоримая любовь (ЛП)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

Мэдэлин Шиэн

Неоспоримая любовь

Посвящается неоспоримой любви.

Всегда есть причина, почему ты встречаешь людей. Либо ты нуждаешься в них, чтобы изменить свою жизнь, либо ты тот самый, кто изменит их жизни.

— Angel Flonis Harefa

Пролог

Марк Твен сказал: «Два самых важных дня в твоей жизни — это день, когда ты был рожден, и день, когда ты понял зачем».

Я не помню день, когда я родилась, но я помню день, когда я поняла зачем.

Его звали Дьюс. И он был моим «зачем». И это наша история. Она не из очаровательных. Местами она откровенно уродлива. Но она наша.

И, поскольку, я верю, что на все есть свои причины, я не изменила бы в ней ничего.

Глава 1

Мне было пять лет, когда я впервые встретила Дьюса, ему было двадцать три, и это был день посещений в тюрьме Рикерс Айлэнд.

Мой отец, Дэймон Фокс или Проповедник, — президент печально известного мотоклуба «Серебряные Демоны», базировавшегося в Ист Виллэджд, Нью-Йорк, отбывал пять лет за вооруженное нападение и нанесение побоев. Отец не первый раз был в тюрьме и точно не последний. Клуб «Серебряные Демоны» был известной криминальной группировкой, жившей согласно кодексу дороги и показывающей современному обществу и всему сопутствующему большое «Пошли на хер».

Мой отец был могущественным и опасным человеком, управлявшим всеми отделениями Серебряных Демонов, и был уважаем другими клубами, хотя по большей части они его просто боялись. У него были связи в правительстве и мафии, но что действительно делало его очень опасным и устрашающим, так это его знакомства с обычными людьми, не хватавшими звезд во власти.

С людьми, которые не принадлежали его кругу и выпадали из системы. С людьми, которые могли тихо сделать грязную работу.

Разговорами и убийственной улыбкой он находил друзей везде, где ни появлялся, а в дороге он оставался с того момента, как появился в утробе моей бабушки. И когда я говорю, что он находил друзей и союзников везде, я именно это и имею в виду — во всех слоях общества.

Недостатки отца, постоянная преступность и образ жизни Серебряных Демонов не были чем-то странным для меня. Это было всё, что я знала в жизни.

Я сжимала руку моего дяди Одноглазого Джо, когда мы шли через комнату посещений в

Рикерс. Поскольку отец был моим единственным родителем, дядя Джо и тетя Сильвия временно опекали меня. Моя мать, Дебора «Милашка» Рейнольдс, пропала через несколько недель после моего рождения. Многих мужчин ответственность за новорожденную малышку сломала бы, особенно байкера, байкера, который не мог продержаться и пары недель без дороги. Но только не Проповедника. Не считая периодических отсидок, он был хорошим отцом, и я никогда ни в чем не нуждалась.

Одетый в оранжевый комбинезон, длинные темные волосы собраны в хвост на затылке, Проповедник немедленно заметил нас и подскочил. Его запястья и лодыжки были закованы и закованы вместе одной цепью. Охранник, стоящий позади, толкнул его обратно вниз.

— Ева, — сказал он мягко, улыбаясь мне, пока я забиралась на неудобный пластиковый стул. Мои ноги, обутые в кеды, не доставали до пола, а мой подбородок едва не протирает стол. Дядя Джо присел на стул позади и обнял меня одной рукой, пододвигая мой стул ближе к себе.

— Папочка, — прошептала я, изо всех сил стараясь не плакать, — я хочу тебя обнять. Дядя Джо говорит, что я не могу этого сделать. Почему мне нельзя?

Отец моргнул. Затем моргнул снова. Я тогда не понимала, что мой большой, сильный, грубый и крепкий отец пытался не заплакать.

Дядя Джо сжал мое плечо.

— Малыш, — сказал он хрипло, — расскажи папочке о соревнованиях.

Волнение взяло верх над слезами.

— Я выиграла соревнование по правописанию, пап! Моя учительница, Миссис Фредерик, она сказала, что, несмотря на то, что я всего лишь в детском саду, я пишу также хорошо, как и третьеклассники!

Мой отец усмехнулся. Видя эту улыбку и опасаясь потерять ее, я продолжала говорить.

— Ты знаешь, сколько лет третьеклассникам, пап?

— Сколько, малыш? — спросил отец, смеясь.

— Им восемь, — прошептала я взволнованно, — иногда даже девять!

— Так горжусь тобой, детка, — ответил отец, его глаза сияли.

Я была счастлива. Когда ты мал, твои родители — это весь твой мир. Мой отец был моим миром. Если он был счастлив, то и я была.

Дядя Джо снова сжал мое плечо.

— Ева, дорогая, почему бы тебе не сходить до автомата со снеками, пока мы с папочкой переговорим.

Обычное дело. В клубе от каждого можно услышать это: «Давай переговорим». Мне не позволяли слышать содержание таких разговоров. И по большей части мне было все равно, ведь парни из клуба меня любили, обнимали, катали на плечах и всегда дарили подарки.

Для байкера-пятилетки мотоклуб, заполненный своего рода «большими братьями» и «папами»,

был примерно тем же, что и ежедневное празднование Рождества для обычного ребенка.

Я взяла деньги дяди Джо и съехала со стула. Двое стояли передо мной в очереди у автомата, поэтому я сделала то, что всегда делала, когда скучала. Я начала петь. В отличие от большинства детей моего возраста, слушавших New Kids of the Block и Дэбби Гибсон, я слушала музыку, которую крутили в клубе. Моей любимой была песня Дженис Джоплин «Летнее время». Итак, я стояла в комнате для семейных посещений тюрьмы Рикерс Айленд, крутила попой и распевала «Летнее время», ожидая своей очереди, чтобы купить залежавшиеся в автомате картофельные чипсы, когда я вдруг услышала:

— Хендрикса ты тоже любишь, малыш?

Я повернулась кругом и встретила с парой ног, одетых в джинсы, протертые на коленях. Я посмотрела вверх, и мои глаза расширились от восторга. Он был высоким и загорелым, его руки и ноги были мускулистыми, а талия была тонкой. Широкий лоб, сильная квадратная челюсть. Голова побрита, был виден лишь небольшой ежик волос. На его предплечьях были густо вытатуированы драконы. Я никогда не видела более красивого мужчины. В целом он выглядел так, будто сошел со страниц книги.

В этом мире есть три разных типа мужчин. Есть слабые мужчины: мужчины, которые бегут и прячутся, когда жизнь раздает им пинки. Вторые — мужчины, у которых есть хребет, но иногда, когда все катится в задницу, они сваливают свои проблемы на окружающих. И еще есть настоящие мужчины, которые не плачут и не жалуются, у них не просто есть хребет, они сами тверды, как камень. Мужчины, которые принимают собственные решения и живут с их последствиями, которые берут ответственность за свои слова и действия. Мужчины, в ответ на пинок от жизни дающие сдачи идвигающиеся дальше. Мужчины, живущие жестко и еще более жестко принимающие смерть.

Мужчины, как мой отец и мой дядя. Мужчины, которых я любила всем сердцем. Такие, как Дьюс.

— Мне нравится Хендрикс, — ответила я, — но Дженис крутая. Я слушаю ее «Розу» почти каждый день!

Он улыбнулся, глядя вниз на меня, и на его щеках появились ямочки.

— Ты нравишься мне, малыш, — ответил он, все еще улыбаясь, — у тебя хороший вкус в музыке и отличная пара чаксов, [1] а не эти гребаные высоченные кеды, которые носят все подряд.

Я нравилась ему. Это был определенно лучший день в моей жизни.

— Ненавижу высокие, — я сморщила нос.

— Я тоже, — подмигнул он.

Я собиралась выкинуть все мои завышенные кеды по возвращении домой.

Подошла моя очередь, стоя на цыпочках, я вставила мелочь в машину, помедлила, разглядывая лотки, и остановилась на соленых орешках. Отойдя из очереди, я наблюдала, как мужчина покупает два пакета чипсов, три шоколадных батончика и большое шоколадное печенье.

— Ого, ты действительно проголодался.

— Не для меня, — он засмеялся и указал через всю комнату, — для моего старика.

вернуться

1

Кеды «Конверс Чак Тейлор»

Я глянула на отца и дядю Джо. Они склонили головы над столом и все еще говорили.

— Могу я с ним познакомиться?

Его брови подскочили вверх.

— Ээм, с ним тяжело общаться...

Я засмеялась. Все мужчины, которых я знала, были своенравными и трудными в общении.

Я положила свою руку в его ладонь и посмотрела наверх, готовая к встрече с его отцом. Его рука была теплой, и мне было так уютно, будто я лежала в своей кровати после ночи хорошего сна.

Он уставился на наши руки, выглядя смущенным.

— Готова, — сказала я, потянув его за руку. Пожав плечами, он повел меня к недалеко стоящему столику, за которым сидел старый мужчина с длинной седой бородой и бритой головой, закованный, как и мой отец. Он отпустил мою руку и присел, я забралась на ближайший к нему стул.

— Привет, — жизнерадостно поздоровалась я.

— Ничего не хочешь пояснить? — обратился он к сыну.

— Ей нравится Дженис.

Старик внимательно изучал меня.

— Значит, Дженис, малыш?

Я кивнула.

— Еще Steppinwolf [2] и Three Dog Night [3], и Роллинг Стоунз, и Билли Холидэй...

— Билли Холидэй? — он перебил, явно удивленный.

Я отправила несколько орешков в рот и кивнула.

— Она крутая.

Старик улыбнулся, и его лицо преобразилось. Я ни минуты не сомневалась, что когда-то давно он был красив так же, как и его сын.

— Мне нравится Билли Холидэй, — ответил он хрипло.

— А мне нравишься ты, — вылетело спонтанно, я всегда болтала не задумываясь, — хочешь орешков?

— Конечно, малыш, — он улыбнулся, — не откажусь.

Я высыпала остатки в его ладонь, и в следующий момент он забросил орешки себе в рот.

— Ева!

Я подскочила на звук голоса дяди Джо. Он быстро и резко прошел через всю комнату прямо ко мне. Когда он поравнялся со столом, не только он выглядел взбешенным, но и двое моих новых приятелей.

— Желаешь себе смерти? — прошептал Джо старику. — Всадники ладят с Демонами. Давай блять будем и дальше держаться таких отношений.

— А, — оглянулся старик на меня, — ты должно быть маленькая девочка Проповедника. Он говорил о тебе. Охрененно гордится тобой.

Я важно кивнула.

— Я его девочка. И буду такой же, как он, когда вырасту. Я собираюсь ездить на собственном Фэтбое [4], но он должен быть блестящим, и я хочу розовый шлем с черепами. Вместо того чтобы стать Президентом, я буду Королевой клуба, сразу как выйду замуж за самого большого и страшного байкера во всем мире, и он позволит мне творить все, что я захочу, ведь он будет, как сумасшедший, влюблен в меня.

Дядя Джо захохотал, а старик покачал головой, улыбаясь. Мой красавчик наклонился ко мне.

— Я прослежу за этим, — прошептал он.

Я не ответила. Очарованная, я смотрела в его ярко-синие, со светлыми крапинками глаза. Они напоминали мне озеро, покрывшееся льдом. Его красивые, ледяного синего оттенка глаза засасывали меня куда-то в тепло и безопасность. И я хотела остаться там навсегда.

Он подал мне руку, разрушая чары.

— Меня зовут Дьюс, дорогая. Мой старик — Потрошитель. Был рад поболтать с тобой.

Я протянула ему руку, и его большие пальцы охватили ее.

— Ева, — прошептала я, — это мое имя, и было очень, очень здорово познакомиться с тобой.

Он улыбался, как и его глаза. Я снова потерялась в них.

Затем дядя Джо подхватил меня и забросил себе на плечо.

— Это в той охуенно дорогой частной школе тебя учат болтать с незнакомцами? Стоит переговорить с этими чопорными мудаками. Поговорят с моим кулаком...

— Пока! — крикнула я, отчаянно махая рукой, удаляясь от стола.

Потрошитель махнул мне обеими скованными руками и широко улыбнулся вслед.

Дьюс поднялся и, улыбаясь, отсалютовал:

— Пока, дорогая.

Дорогая.

Теперь это было официально. Я по уши влюбилась.

Дьюс наблюдал за Одноглазым Джо из Серебряных Демонов, отчалившим с дочкой Проповедника, перекинутой через его плечо, она улыбалась ему и, как сумасшедшая, махала рукой. Он покачал головой и улыбнулся. Когда девчонка исчезла из виду, улыбка пропала с его лица, и он повернулся к своему старику.

Он тоже более не улыбался.

— Милый ребенок, — проворчал Потрошитель, — лучше бы растил одну девчонку, чем вас двоих придурков.

Дьюс смотрел на отца, не отрываясь, и не упустил долгий момент, когда тот улыбался девочке и говорил с ней так, как должен был говорить со своими детьми. Он никогда этого не делал. Был слишком занят, избивая его и его брата.

Хорошие времена были.

— Проповедник в деле, — прорычал он, — заключает эту ебаную сделку с русскими прямо под твоим носом. Почему, мать твою, ты не разобрался с этим дерьмом, когда у тебя был шанс?

Ага, вот и оно. Он был вице-президентом, и собственно это всё, чем он был для своего старика. Он был кем-то, кому можно передать клуб, когда Потрошитель — и это могло произойти очень скоро — снимет с себя всю ответственность.

— Его люди опередили меня. Разрулили это дерьмо еще до того, как я впервые услышал о сделке.

От Потрошителя повеяло холодом.

— Ты такой ебанный мудака. Надо было назначить вице-президентом Кэса, надо было избавиться от тебя, пока ты еще был в пизде у этой шлюхи.

Его мать была шалавой. Не из тех, кого снимают на улице, а клубной шлюшкой. Ей было шестнадцать, когда отец подцепил ее. Кажется, ему было около тридцати тогда. Когда он родился, отец выгнал ее на улицу ни с чем, не считая той одежды, что она носила. Все воспоминания о матери заключались в нечеткой картинке: юная девушка сидит на Харлее его старика, на ее спине написано «Оливия Мартин».

Ему нравилось думать, что она начала новую жизнь где-то еще, с кем-то, кто не был похож на его отца. Обрела мир и семью, которая ее любила.

Его младший брат Кэс был результатом связи с еще одной подцепленной шлюхой. Та же история, но в разные времена.

Двадцать три года он справлялся с этим дерьмом. С него было достаточно. Он оттолкнулся от стула, уперся ладонями в стол и подался вперед.

— Никого, и когда я говорю никого, я имею в виду вообще блядь никого, не ебет, что с тобой случилось, убогое ты дерьмо. Клуб уважает своего Президента, но нет ни одного среди твоих парней, кому не было бы похуй — жив ты или сдох. У тебя есть лишь жизнь, старик, а я разбираюсь со всем прочим дерьмом в твое отсутствие. И как посмотреть — я разгребаю это все намного лучше тебя. Я не обязан навещать тебя, но я блять делаю это из гребаного уважения, и сейчас я потерял последний его клочок.

— Ты маленький говнюк, — прошипел Потрошитель, — ты заплатишь за...

— Нет. Это ты заплатишь. Я предложу цену сразу, как только уйду отсюда.

Страх промелькнул в глазах его старика. Дьюс никогда не видел ничего приятней.

— Помни, говнюк, когда ты будешь истекать кровью, это я — тот, кто заказал тебя.

Он отвернулся, прежде чем старик успел сказать хоть слово, и зашагал через комнату посещений, тяжело дыша. Его сердце бешено колотилось в груди, и он принял решение покончить с этим.

— Дьюс! — пропищал тонкий голос. Он обернулся.

Ева Фокс не поспевала за ним. Едва догнав его, она притормозила, отдышалась и протянула ему руку.

— Не сообразила поделиться с тобой, — сказала Ева, все еще задыхаясь.

Он присел и забрал маленький пакетик орешков.

Дьюс сглотнул.

Этот ребенок, этот маленький чертов ребенок, едва познакомившийся с ним, только что вручил ему его первый подарок, ничего не ожидая взамен, никаких благодарностей, никаких условий, вообще ничего. Он ошибался. Было нечто намного более приятное, чем видеть страх в глазах его старика. Ева Фокс была намного лучше этого. Если когда-нибудь у него будет ребенок, пусть он будет таким, как эта девочка.

вернуться

2

Американская группа, игравшая тяжелый блюз.

вернуться

3

Американская группа, игравшая легкий рок.

вернуться

Фэтбой — мотоцикл Харлей Дэвидсон Фэтбой.

— Спасибо, дорогая, — его голос был сиплым.

— Увижу ли я тебя снова? — она склонила голову в сторону, глаза расширены, ожидая его ответа. Он не отрывался от ее глаз. От ее охрененно необычных глаз, слишком больших для ее лица. Большие, дымчато-серые, как грозовое небо. Охуенно красивые.

— Надеюсь, так и будет, милая, — он улыбнулся.

Она ответила ему убийственно милой улыбочкой и пошла обратно к ее старику и дяде, впившимися в него взглядами и в негодовании трясущими хвостами на их затылках.

Запихнув орешки в карман, он ушел. В первом же увиденном уличном таксофоне он написал цель. Понадобился час, чтобы нашелся покупатель. Три дня позже его старик истек кровью на полу душевой.

Глава 2

Прошло семь лет, прежде чем наши с Дьюсом пути снова пересеклись.

В течение этих лет мой отец вышел из тюрьмы, и я получила старшего брата и занозу в заднице — Фрэнки.

Фрэнклин Дэлуга-старший был Дорожным Капитаном моего отца. Он погиб в лобовом столкновении с грузовиком-тяжеловозом несколько лет назад, а его подруга умерла несколькими годами раньше от рака груди. Как и в случае со многими другими детьми байкеров, у Фрэнки не было другой семьи, готовой позаботиться о нем. Поскольку у моего отца не было сына, он взял Фрэнки под свое крыло и планировал его будущее, как байкера из Серебряных Демонов. Мой отец дал ясно ему понять: если Фрэнки не собьется с курса и не выкинет что-нибудь, то однажды он передаст ему власть в клубе. Это все было замечательно, просто обалденно, правда была одна большая проблема — Фрэнки был зол. Все время.

Разъярен настолько, что все, что он делал, вело к дракам. В школе, в клубе, на улице, в бакалейной лавке. Фрэнки стал бы драться даже с кирпичной стеной, если бы она вывела его из себя. И вы не поверите, сколько раз стены выводили Фрэнки из себя.

Его худое пятнадцатилетнее тело было покрыто шрамами от уличных драк. С того момента, как он жил с нами, он был шестнадцать раз госпитализирован по самым разным причинам: переломы, ножевые раны и бесчисленные сотрясения.

У Фрэнки были и другие серьезные заброшенные проблемы.

Когда он только въехал к нам с отцом, у него были жуткие ночные кошмары. Он просыпался в ужасе, покрытый потом, крича во всю мощь легких. Кошмары оборачивались ночными приступами, в которых Фрэнки метался во сне, бил себя по голове кулаками, крича и плача. Мой отец удерживал его, пока он не успокаивался или не приходил в себя.

Однажды, когда отец отсутствовал ночью по своим делам, Фрэнки пробрался в мою комнату и залез ко мне в кровать. Впервые с того момента, как он жил с нами, Фрэнки спал крепко. С тех

пор он всегда был в моей кровати.

И жизнь шла дальше.

Через две недели после моего двенадцатого дня рождения отец решил, что для Фрэнки настало время ехать в колонне клуба на своем байке. Когда Фрэнки узнал, что я не поеду, он был в ярости и срывался до тех пор, пока отец не прогнулся. Когда дело доходило до Фрэнки, отец всегда сдавал.

Сидя за спиной Фрэнки, на его байке, я покидала Манхэттен, следуя в Северный Иллинойс. Нашей первой остановкой должна была стать тыквенная ферма. Если твой отец и его когорта вовлечены в нелегальный бизнес и нуждаются в неприметных местах для встреч, уголовные посиделки на тыквенных фермах — дело намного более распространенное, чем можно было бы подумать.

Такие встречи обычно занимали пару дней. Взрослые оставались внутри, дети снаружи. Всегда было много криков, много драк и много выпивки. И много распутных женщин.

Я начала развиваться рано и выглядела неуклюжей — тощая и высокая, с острыми локтями и коленками. Несколько мальчишек, сопровождавших своих отцов на встречах, болтались за мной по округе, дергая меня за лямки бюстгальтера и называя меня «Пуш-аперша» [5]. Вот так я и оказалась спрятавшейся на дереве, воткнув наушники и слушая Роллинг Стоунз, болтая ногами, качая головой и распевая.

Я почувствовала, что меня тянут за носок чаксов и отдернула ногу.

— Вали отсюда, Фрэнки!

Фрэнки снова потянул меня за чаксы, я сняла наушники и посмотрела вниз на него.

Это был не Фрэнки.

Не считая его волос, которые теперь были густыми, светло песочного оттенка, спускавшимися на его плечи, он выглядел точно также. По-прежнему убийственно красив.

Он ухмылялся, и я снова увидела эти ямочки.

— Слышал, что ты где-то здесь, дорогая. Помнишь меня?

— Дьюс, — прошептала я, глядя на него, — из Рикерс.

Он захохотал.

— Вообще я не оттуда. «Дом, любимый дом» у меня в Монтане. Я просто навещал своего старика, как и ты. Помнишь?

— Потрошитель, он мне понравился, — кивнула я.

Его улыбка исчезла.

— Он умер.

Никогда не знала, что говорить людям, которые потеряли близких. Никакие слова не будут звучать правильно.

Видя отсутствующий взгляд в синих глазах Дьюса, я обязана была что-нибудь сказать.

— У него была потрясающая улыбка, — сказала я мягко, — совсем, как твоя.

Его глаза сфокусировались на мне, и он улыбнулся.

И я улыбнулась.

— Знаешь, — сказал он, вытаскивая тонкую золотую цепочку из-под грязной белой футболки и снимая ее через голову, — ты должна носить это.

Он взял мою руку и положил в нее цепочку.

— Она принадлежала моему старику. Никто и никогда не сказал ничего хорошего об этом ублюдке. Ни разу. Даже его собственная мать. До этого момента. Думаю, это теперь твое.

Я держала цепочку и рассматривала маленький круглый медальон, висящий на ней. Эмблема Всадников была на одной стороне. Слова «Всадники Ада» окружали мрачную фигуру в капюшоне, оседлавшую Харлей и сжимавшую косу в руке.

На обороте значилось «Потрошитель».

— В этот день, семь лет назад, я впервые увидел, как этот мудака улыбается. Это же был и последний раз.

Я не знала, что сказать. Поэтому ничего не ответила, просто надела цепочку на шею.

— Спасибо, — сказала я и спрятала медальон под мою футболку с Джимми Хендриксом, — мне нравится.

Кивнув, он посмотрел вдаль.

— Прогуляюсь по ферме, дорогая. Присоединишься?

Я повесила наушники вокруг шеи, засунула свой Walkman [6] в карман джинсов и спрыгнула вниз.

Не слишком задумываясь, я просто положила свою руку в его, как если бы это был отец или Фрэнки. Он посмотрел на меня сверху вниз, но не отдернул руку, его большие теплые пальцы охватили мои, и мы пошли.

Пока мы шли, Дьюс смотрел на облачное серое небо, выкуривая одну за другой сигареты, ничего не говоря.

— Тебе грустно? — спросила я.

Он взглянул на меня, нахмурившись. Я прикусила губу. Я сказала что-то не то? Может, он не хотел, чтобы кто-нибудь знал, что ему грустно. Мое сердце начало биться быстрее и быстрее, я чувствовала, как моя ладонь становится влажной, и, поскольку, моя рука была в руке Дьюса, я смутилась, и пот выступил еще сильнее.

— Младший брат умер, дорогая. Несколько дней назад.

Я остановилась и обняла его за талию так крепко, как могла.

— Мне очень, очень жаль, — прошептала я.

— Дорогая, — Дьюс отрывисто вздохнул.

Затем он опустился на колени и обнял меня так, что стало тяжело дышать, но мне было все равно, это было так здорово, и я знала — он нуждался в этом.

— Ты славный ребенок, дорогая. Славный, милый ребенок, — он прошептал мне на ухо.

Он отодвинулся и посмотрел мне в глаза.

— Обещай, что такой и останешься, хорошо? В этой гребаной жизни ты и я, малыш, были возвращены дорогой и колесами. Это то, что мы знаем и то, чему мы принадлежим, но это еще не значит, что такая жизнь не возьмет с нас своё. Обещай мне! Неважно с чем ты столкнешься, неважно какая херня случится с тобой, не дай этой жизни сломать тебя и озлобить.

Я смотрела в его ледяные синие глаза, очарованная, чувствуя себя в безопасности и комфорте, окутывавшем меня, согревавшим меня. Я не могла оторваться. Хотелось спрятать это чувство в задний карман, принести домой и спрятать под подушкой, пока не наступит момент, когда я буду в нем нуждаться.

вернуться

5

Видимо, мальчики предполагали, что не по годам развитая грудь Евы — лишь визуальный эффект от ношения пуш-ап бюстгалтера (push up).

вернуться

6

Марка плеера Walkman

В конце концов, когда я вернулась к его словам, я кивнула.

Он провел костяшками пальцев по моей щеке и встал. Я взяла его обратно за руку, и мы продолжили прогулку. Дьюс курил, а я показывала на удивительно большие тыквы.

— Ты когда-нибудь смотрела «Это огромная тыква, Чарли Браун» [7]? — спросил Дьюс, — Этот придурак всегда меня смешит.

Я решила, что тоже очень люблю этого придурка, Чарли Брауна, и должна непременно посмотреть все, что найду о нем, как только доберусь до дома.

— Ты собираешься переодеваться в костюм на Хэллоуин, дорогая?

— Еще не решила, — ответила я ему, — Хэллоуин — тот еще праздник. Раз в год можно переодеться и притвориться кем-то или чем-то, не имеющим к тебе отношения. Другой такой возможности не будет. Не хочется, чтобы все пошло наперекосяк, понимаешь? Нужно выбирать осторожно, чтобы потом остались великолепные воспоминания, а не сожаления.

Дьюс остановился и посмотрел на меня.

— И кем ты подумываешь быть?

— Майя Энджелу [8], - тут же ответила я, — или Элеонора Рузвельт [9].

Он подавился дымом.

— Но, — поспешно продолжила я, — чтобы переодеться в Майю Энджелу, мне нужно как-то сделать кожу черной, не оскорбив при этом афроамериканское сообщество. Наверное, я все-таки остановлюсь на Элеоноре Рузвельт. Но я не имею в виду ничего такого. Майя была потрясающей женщиной.

— Сколько тебе лет? — спросил он резко, постукивая себя кулаком по груди.

— Двенадцать.

— Двенадцать?

В замешательстве он покачал головой.

— Я подумал, что ты очаровательный и умный ребенок, когда впервые встретил тебя, но теперь я в этом точно уверен.

Я покраснела. Дьюс — Президент, учитывая смерть его брата, «Всадников Ада» — считал, что я умная. Что могло быть круче?!

— Сколько тебе лет? — спросила я.

— Тридцать, дорогая, — он посмотрел сверху вниз на меня, поморщив нос, — староват?

Я пожала плечами.

— Папе тридцать семь. И он все еще классный.

Его глаза были близки к тому, чтобы полезть на лоб.

— Давай-ка уточним. Тебе двенадцать, скорее всего на Хэллоуин ты оденешься Элеонорой Рузвельт, и ты считаешь, что твой старик классный?

Я кивнула.

— Вот черт, — он снова покачал головой, ухмыляясь.

У меня внутри что-то рухнуло. Он смеялся надо мной.

Я выдернула свою ладонь и скрестила руки на груди.

— Я знаю, что я странная. В школе мне все это говорят. Все кроме моей подруги Ками. Они ненавидят музыку, которую я слушаю, потому что она старая. Они ненавидят мою одежду, потому что она мальчишечья. Они все считают меня уродом. Ну, давай, скажи это. Ты тоже думаешь, что я такая?

Дьюс встал на колени передо мной.

— Дорогая, ты не странная. Тебе двенадцать. И они не ненавидят тебя, даже близко нет. Девчонки завидуют, потому что ты чертовски очаровательна. Парни остаются парнями — пытаются флиртовать, но понятия не имеют, как это делается.

Ты чертовски очаровательна.

— Очаровательна?

Его губы искривились в усмешке.

— Всего двенадцать, а уже закидываешь удочки. Да, дорогая, ты очаровательна. Станешь красивой однажды. Любой парень рядом с тобой будет счастливей, чем свинья, валяющаяся в дерьме.

Я ухмыльнулась. Кто бы подумал, что слова свинья и дерьмо, использованные в одном предложении, могут сделать девушку блаженно счастливой?

— Вот так, — сказал он тихо, — вот это мне нравится видеть. Нет ничего лучше, чем очаровательная улыбающаяся девочка.

Я смотрела на него, он смотрел сверху вниз на меня. Его твердый взгляд смягчился, и я ощутила мягкость и слабость в своем теле. Что-то происходило со мной, что-то важное, почти монументальное.

Сдвиг — от ребенка к подростку. Хотя я этого и не поняла, пока не стала старше, что случилось и почему это случилось. Стоя здесь посреди тыквенного поля, я точно знала одно — я изменилась бесповоротно. И причиной тому был этот мужчина.

— ЕВА! ЧТО ЗА НАХЕР!

Я повернулась. Фрэнки неся прямо к нам, пиная на своем пути несчастные, ни в чем неповинные тыквы.

— Прекрасно, — я простонала, — Фрэнки нашел меня.

— Твой парень? — спросил Дьюс, с интересом наблюдая за тем, как Фрэнки теряет самообладание.

Я закатила глаза.

— Фуу! Он мне, как брат.

Длинные темные волосы Фрэнки были растрепаны, его карие глаза потемнели, выдавая растущую ярость. Всего пятнадцать лет, а он уже почти шесть футов ростом, и телосложением с квоттербека [10]. Он не был таким огромным, как Дьюс, но станет однажды.

— Я тебя знаю? — прошипел Фрэнки, останавливаясь всего в нескольких дюймах от Дьюса.

Дьюс поднял брови и ухмыльнулся.

— Нет, малыш. Боюсь, не имел удовольствия познакомиться раньше.

Фрэнки ненавидел, когда его называли малышом, особенно в моем присутствии. Я заметила, что его руки сжались в кулаки.

Дьюс больше не улыбался.

— Хочешь вляпаться? Я не проглатываю все это дерьмо от взрослых, и, будь уверен, не проглочу от такого мудака, как ты, прикидывающегося взрослым, только для того, чтобы стянуть с девчонки трусы.

Я закрыла глаза. Дьюс не знал Фрэнки и не был в курсе, что он просто пытается впечатлить меня, что это было обычное для него поведение.

Не дожидаясь, пока Фрэнки кинется на Дьюса и останется в итоге с надранной задницей, я встала между ними и положила руки Фрэнки на грудь.

— Я потеряла тебя, — сказала я торопливо, — искала тебя везде и не могла найти. Я попросила Дьюса помочь мне поискать тебя.

Фрэнки обнял меня и его крепкое тело обмякло, соприкоснувшись с моим. Одна его рука потерялась в моих волосах, другая крепко обнимала талию.

— Извини, — он пробормотал, — я просто думал... я не знал... ты должна оставаться рядом со мной. Я ни хрена не способен защитить тебя, если не знаю, где ты. Если с тобой что-то случится, малышка, я сдохну. Не могу без тебя в этом мире. Блять, меня сводит с ума даже мысль о том, что ты можешь уйти.

— Фрэнки, — прошептала я, — тебе надо перестать беспокоиться. Со мной ничего не случится, и я никогда тебя не покину.

Дьюс колебался, оставляя Еву наедине с этим маленьким чокнутым говнюком. Но, похоже, она была единственным человеком, способным влиять на него. И он оставил ее разбираться с этим самой.

Он знал таких, как Фрэнки, когда рос. Ударенные на голову, никому неподконтрольные, слетавшие с катушек в секунды и не доживавшие обычно до своего тридцатилетия.

Дать ему право на клуб в будущем было огромной ошибкой со стороны Проповедника. Он сам не понимал, насколько сильна была его любовь к этому мальчишке. В тот момент, когда сраные проблемы ползут одна за другой, а они ползут, как и всегда, ему будет нужен сильный лидер, чтобы вести клуб дальше.

— Давай, потрогай ее за сиськи.

Дьюс остановился рядом с захудалым сараем на границе фермы.

— Или лучше трахни ее.

— Проповедник убьет тебя, если узнает.

Он замер. Маленькие засранцы говорили о Еве.

— Я не боюсь Проповедника. К тому же она тут единственная сучка, которую уже можно трахать.

— Она же блять страшная. Ну, не считая ее сисек, да, у этой сучки отличные сиськи. Я бы трахнул ее просто, чтоб посмотреть на них.

Дьюсу будто махнули красной тряпкой. Он был в бешенстве. Еве двенадцать лет. Да, сиськи у нее уже были. Сиськи двенадцатилетней девочки. А этим уебкам уже по шестнадцать или семнадцать лет. Он щелкнул суставами на пальцах и шагнул в сарай.

Пять мелких говнюков расселись, привалившись к пустым лошадиным загонам, и курили, изображая из себя взрослых парней.

— Дьюс, — сказал один из говнюков, — в чем дело, приятель?

Он не ответил, просто приблизился к первому из них и пнул его в лицо, затем двинулся к следующему. Держа за шиворот говнюка номер два, он плюнул ему в лицо, наградил ударом в живот и отбросил в сторону.

вернуться

7

It's the great pumpkin Charlie Brown — спецсерия анимационного мультфильма Peanuts, посвященная Хэллоуину, вышла в 1966 г. Главные герои мультфильма — Чарли Браун, Шерми, Патти и Снуппи. Peanuts очень популярен в Америке, Снуппи — культовый персонаж в нынешнее время.

вернуться

8

Майя Энджелу — американская писательница и поэтесса. Писала о проблемах расизма, семьи, личности.

вернуться

9

Элеонора Рузвельт — жена президента США Франклина Рузвельта, занималась общественной деятельностью и сыграла не последнюю роль в карьере своего мужа.

вернуться

10

Позиция игрока команды в американском футболе. Подразумевается, что квоттербек — физически очень крепкий парень.

Оставшиеся три забрались на спрессованные тюки сена.

— Спускайте сюда свои задницы, — сказал Дьюс, доставая из-за спины пистолет, — и принимайте свое ебаное наказание, как мужчины, которыми вы не являетесь. В противном

случае у меня есть несколько пуль с вашими ебаными именами на них.

— Какого хрена мы сделали? — взвизгнул один них, прыщавый нескладный засранец.

— Спускайтесь. Блять. Вниз, — Дьюс указал пистолетом на место, где они сидели всего несколько минут назад.

Они спустились.

— Я слышал, вы болтали о Еве. Увижу, что вы смотрите на нее, увижу вас ближе, чем за сотню футов от нее, считайте, что вы все — покойники. Доступно?

Вытаращив глаза, они закивали.

— Я собираюсь найти ваших отцов после, чтобы рассказать, каких ублюдков они растят. И я ожидаю, что они выбьют все это дерьмо из вас, но для начала вы будете иметь дело со мной.

Он схватил третьего говнюка за его маслянистые волосы и ударил его головой о свое колено. Сохраняя спокойствие, он отшвырнул его в сторону.

Номер четыре нассал под себя в тот момент, когда Дьюс сделал шаг к нему. Смеясь, он двинулся к последнему. Тот, что назвал Еву страшной. Сжимая его шею, Дьюс засунул ствол пистолета в рот мальчишке.

— Точно знаю, что у тебя есть пара сестер. Еще знаю, что одна из них всего на год старше Евы. Может, найдем твою младшую сестренку и трахнем ее? Как думаешь, мне стоит позвать кого-нибудь из своих ребят, тоже трахнуть ее? Мы могли бы делать это одновременно. Выебать ее в рот, в ее киску, в ее задницу? Звучит неплохо?

Плача, парень мотал головой.

— Ты будешь уважать женщин, маленькое дерьмо. Это блять была женщина, что заботилась о тебе, когда ты был в ее теле, когда рожала тебя и блять любила тебя, и это будет женщина, что согреет тебя ночью, допустит к своему телу, и это снова будет женщина, что позаботится о твоих ебанных детях. Прояви гребаное уважение, понимаешь? Прояви гребаное уважение к каждой из них, или я прикончу тебя.

Он ослабил хватку, и парень упал на колени, сдерживая рвотные спазмы.

— Маленькие уебки, — пробормотал Дьюс. Он уходил, убирая пистолет обратно за джинсы.

Глава 3

Мне было шестнадцать. Это было лето на Манхэттене. И это было первое воскресенье месяца.

Посередине, между баром «Мориссей» и Восточным продуктовым магазином, на крыше пятиэтажного здания, построенного из портлендского песчаника и принадлежавшего клубу Демонов, в самом разгаре было ежемесячное «семейное» барбекю клуба. Подруги и жены, дети, кузены, друзья семей и бизнес-партнеры, все они болтали и смеялись, пили и танцевали, а хотдоги и бургеры переворачивались на гриле также быстро, как опустошались кеги пива.

Во главе общего стола сидели я и Фрэнки, прислонившись друг к другу, разделяя пару наушников. Мой плеер был зажат между нами, наши головы соприкасались, пока мы кайфовали под Лед Зеппелин. Моя рука повисла на широких плечах Фрэнки, его рука

скользила вверх-вниз по моему бедру, и его пальцы отбивали ритм песни.

— Держим ухо остро, братья, Всадники здесь!

Я повернула голову направо.

— Прячьте своих женщин! — последовал еще один крик, на этот раз сопровождаемый громким хохотом и женским хихиканьем.

Я смотрела, как большая группа мужчин, одетых в кожу, присоединялась к толпе на крыше. На их спинах были нашивки с символикой клуба Всадников Ада.

В точности такая же была на моем медальоне.

Мое сердце забилося сильнее. Был ли Дьюс среди них? Я просматривала толпу, но Всадники уже растворились в море людей.

Фрэнки сжал мое бедро, привлекая внимание. Я вытащила наушник и встретила с ним взглядом.

— Хочешь, принесу выпивки на потом? Может сигарет?

Барбекю Демонов были известны тем, как безумно они заканчивались. Чаще всего последние из оставшихся байкеров вырубались до полуночи. В это время их потомство начинало свою вечеринку, довольствуясь остатками выпивки и дури.

— Ага, — я улыбнулась ему.

Фрэнки поднялся, пробежался пальцами по моим длинным темным волосам и притянул мою голову к своему твердому животу.

— Скоро вернусь, — прошептал он. — И Ева?

Я посмотрела вверх.

— Никуда блять не уходи, пока я не приду.

Закатив глаза, я воткнула наушники и продолжила качать головой, отстукивая ритм ногами, слишком громко распевая и счастливо игнорируя открытые рты, появлявшиеся в ответ на мое пение.

Средняя школа была непростым временем для меня, но я оставалась собой вместе со всеми своими странностями. Я приняла себя и была в согласии вместе со всеми своими сдвигами. Я была тем, кем была, и меня не заботило, что на этот счет может прийти в головы окружающих. Старшие классы, в итоге, были удачными для меня. Я была очаровательной, я была популярной, и у меня была прорва друзей. Я полагала, что большинство моих подружек терлись рядом только из-за Фрэнки, пытаясь захомутать его. Фрэнки был хорош собой, крупный, с аккуратными мелкими чертами лица. Он был чистокровного итальянского происхождения со своими карими глазами цвета темного шоколада и густыми растрепанными волосами, которые он не обрезал.

Девчонки стекались к нему, и он коллекционировал их, никогда не повторяясь с одной и той же. Так что, не считая необходимости слушать, как все девчонки в школе ноют и чахнут по Фрэнки, жизнь была хороша. Все было весело и незамысловато, и я была счастлива.

Мой взгляд блуждал по напольному покрытию, на меня упала тень, и пара кожаных ботинок вошла в поле моего зрения. Я разглядывала их. Черная зернистая кожа, прорезиненная подошва. Ближе к лодыжкам обнаружились металлические пряжки, их контуры были резкими, четкими. Сексуально.

Я посмотрела вверх.

— Вижу, все еще носишь чаксы и поешь, не попадая в ноты.

Да. Резкие и сексуальные. В точности, как мужчина, носящий их.

Дьюс улыбался, показывая ямочки, и все было идеально в нем — его ледяные синие глаза, его светлые волосы, собранные в короткий хвост. Он был таким же крупным, каким я запомнила его, широкоплечим, прекрасно сложенным, и он возвышался надо мной, став, наверное, вполнину мощнее. В обтягивающей белой футболке, отделанных кожей, низко сидящих джинсах, он выглядел возбуждающе. Когда я улыбнулась ему в этот раз — это не был восторг маленькой девочки. Это было сексуальное влечение моих шестнадцати лет.

— Ева, мать ее, Фокс, — протянул он. — Ты выросла.

— Дьюс, — ответила я, озорно улыбаясь, — ты постарел.

Он засмеялся, закинув голову назад. Его смех — низкий, гулкий, как гроза — заставил мой желудок сжаться, и мои соски затвердели. Я была не единственной сраженной женщиной. Несколько дамочек на крыше открыто и заискивающе смотрели на него.

Пошарив под жилетом, Дьюс вытащил пачку сигарет. Он не отводил взгляда от меня, пока закуривал.

— Сколько тебе сейчас лет, дорогая? Восемнадцать, девятнадцать?

— Шестнадцать, — прошипел Фрэнки, появляясь рядом со мной, — шестнадцать гребаных лет.

Глаза Дьюса впились в Фрэнки, и я наблюдала, как постепенно в них появляется узнавание. Радости в этом узнавании не было.

— «Чокнутый нахрен Фрэнки», — сказал Дьюс, ухмыльнувшись. — Такой блять молодой собрат, и уже такая впечатляющая репутация.

Фрэнки уже заклеили «Чокнутым Фрэнки» несколько лет назад... потому что он был чокнутым.

— Лучше отъебись от Евы, Всадник, — Фрэнки смотрел на Дьюса, сжав руки в кулаки.

Я подергала его за жилет.

— Остынь. Они с папой друзья.

Фрэнки перевел взгляд на меня.

— Нет, детка, не друзья. Они вместе в деле. А это охуенно большая разница. Ты не должна с ним общаться, он блять опасен. Если бы Проповедник мог, то давно отправил его в могилу.

Я изумленно уставилась на Фрэнки.

— Так, как оно есть, малыш, — пожал он плечами.

Совершенно не впечатлённый болтовней Фрэнки о его смерти Дьюс глубоко затаился и выпустил длинную струю дыма прямо в лицо Фрэнки. Тот побагровел от ярости.

— Грохнул двоих парней Бэннона на прошлой неделе, да, Фрэнки? Слухи быстро разлетаются. Говорят, он охотится на тебя. Ты все время держишь Еву рядом, пораскинь, может теперь это опасно для нее?

Я разинула рот.

— Ты убил кого-то? — прошептала я, шокированная тем, что Фрэнки был способен на убийство. Я знала, такое случалось, когда в делах клуба все шло не очень гладко, но напрямую об этом мне никто не говорил, и я едва могла представить, что мой девятнадцатилетний брат мог в такое вляпаться.

— Уебок, — тихо и яростно сказал Фрэнки, сфокусировав потемневшие глаза на Дьюсе и раздув ноздри.

— Так, как оно есть, собрат, — Дьюс бросил Фрэнки обратно его же слова, пожимая плечами.

— Фрэнки, — прошептала я, — Бэннон убьет тебя.

Микки Бэннон был плохим парнем. Настолько плохим, насколько плохой была ирландская мафия. Большей частью своего бизнеса он распоряжался в Питтсбурге, но его связи шли дальше, даже за океан. Я знала, что у отца были проблемы с ним, срывались сделки, но я не думала, что все пойдет так далеко и закончится убийством.

Не отрывая глаз от Дьюса, Фрэнки сжал мое плечо.

— Нет, детка. Я уже обо всем позаботился. Я и Трэй. Никто блять не явится.

Трэй, старший сын дяди Джо, был моим кузеном и весьма неприятным парнем. Ну... он был добр ко мне и к своей матери, но на этом его хорошее отношение к людям заканчивалось. Трэй, замешанный в убийстве, — это даже не звучало, как новость, для меня.

Дьюс хмыкнул.

— Твоей кровати скоро понадобится новый столбик в изголовье, чтобы продолжить делать насечки на нем. Ты сгребаешь трупы быстрее, чем немцы вывозили евреев в лагеря.

Рефлекторно я дернулась в сторону от Фрэнки.

— Что?!

— Ева, — он потянулся ко мне.

— Нет! Я хочу, чтобы ты ушел прямо сейчас.

— Можешь беситься и дальше, Ева, мне насрать! Но даже не думай, что я оставляю тебя одну с этим мудаком.

— Как долго ты таскаешься за ней, Фрэнки? Защищая ее от охуенно страшного «ничего»?

— Десять лет, — подсказала я Дьюсу. Фрэнки посмотрел на меня сверху вниз.

— Поташись за ней в ее светлое будущее? Съедешь с ней и ее мужчиной? Будешь их сраной нянькой?

Вместо того чтобы смотреть ему в лицо, Дьюс наблюдал за руками Фрэнки, ожидая его броска, готовый скрутить его. Раз он знал о репутации Фрэнки, то и понимал, что режима предохранителя у него нет, и значит, он целенаправленно провоцировал его.

— Я. Ее. Мужчина, — Фрэнки сплюнул сквозь зубы. — Любые ебаные дети, которые у нее появятся, будут моими.

Ну, Боже мой.

— Фрэнки, — сказала я сурово, — во-первых, ты не мой мужчина. У меня нет мужчины вообще. И в планах на ближайшее время у меня не стоит поиск такого. Особенно перетрававшего всю мою школу. Во-вторых, я не желаю говорить о гипотетической свадьбе или детях. Вообще никогда. И третье, если ты еще раз ввяжешься в спор с одним из папиных партнеров, с которым у него все налажено, я скажу ему, и он прибьет тебя. Не просто отправит полежать в госпиталь с небольшим сотрясением мозга, а отправит в могилу. Так что сделай одолжение, иди, возьми пива, прогуляйся, найди того, кто тебе отсосет, неважно. Просто успокойся, черт возьми. И наконец, мне нужно время, чтобы все это уложилось в моей голове. Так что, пожалуйста, дай мне отдохнуть от тебя.

Фрэнки зарычал на меня. Серьезно, он зарычал.

— Я скажу папе, — предупредила я.

— Ты блять хоть немного представляешь, насколько этот говнюк опасен?

Я взглянула на Дьюса. Наши глаза встретились, и эта синева засосала меня куда-то внутрь. Ох, он был красив.

— Думаю, он опасен не более твоего, — ответила я, все еще смотря на Дьюса, не в силах отвести взгляд. — Так что уходи, — потребовала я.

— Мы поговорим позже, Ева, — сказал Фрэнки, все еще взбешенный, — рассчитывай на это.

Он ушел в толпу.

— Парень влип по уши, дорогая, не отрывается от тебя, — сказал Дьюс, присаживаясь рядом со мной. Я закинула правую ногу на стол и повернула голову к нему. Неожиданно все мои органы чувств пришли в состояние сверх готовности. Его близость позволяла мне почувствовать запах пота летнего дня на его коже и алкоголя в его дыхании. Все вместе это не был неприятный запах. Он напоминал мне... о чем-то по-настоящему мужском.

— Не то чтобы я виню его. Если бы я был в его возрасте, и ты была моей, я бы тоже так подскакивал и кидался.

Если бы я был в его возрасте, и ты была моей. Ох. Просто... Ох.

— Я ничья, — бросила я в ответ.

Он поднял бровь.

— Не думаю, что Фрэнки согласен с этим.

Я хмыкнула.

— Фрэнки — шлюха.

— Он трахает твоих подружек?

— Ага. Всех их кроме Ками, она моя лучшая подруга. Она к нему никогда не прикоснулась бы.

Мы с Ками пошли вместе в подготовительную школу сразу после детского сада. Она была дочерью бывшего сенатора и его наследницей. Ее растили няни, и она проводила большую часть своего времени со мной, но избегая Фрэнки. Он ей не нравился, и, если честно, думаю, она побаивалась его.

Ухмыляясь, Дьюс покачал головой.

— Он пытается привлечь твоё внимание. Пытается заставить тебя ревновать. Слепой бы блять заметил, как сильно мальчишка желает стянуть твои трусы.

Выругавшись, я поморщила нос.

— Этого не случится. Он мне, как брат. Кроме того я не собираюсь заводить себе бойфренда. Парни мне даже не нравятся.

Кроме него. Только Дьюс не был парнем, он был мужчиной, таким взрослым. Нелепо было испытывать подобные чувства, но я ничего не могла поделать. Каждая клеточка всего моего существа была одурманена его присутствием. Я продолжала ловить себя на том, что тянулась в его личное пространство.

— Дорогая, ты просто не встретила правильного парня, — сказал он, улыбаясь, — если бы ты была чуть старше...

Он прекратил говорить и покачал головой.

— Если бы я была старше... — продолжила я, нуждаясь в том, чтобы услышать несказанное.

Он наклонился в сторону и склонил голову ко мне. Его губы скользнули по моей щеке.

— Будь ты старше, дорогая, ты была бы на заднем сиденье моего байка и в моей чертовой постели, и тебе это не просто понравилось бы, ты бы это обожала и молила меня о большем.

Мои губы приоткрылись, и я втянула в грудь так нужный мне воздух. Срань Господня. Я чувствовала сказанное всем телом, до пальчиков ног и обратно наверх.

И я хотела чувствовать это снова. И снова. Только голой и обвивающей тело Дьюса.

— Вот оно, дорогая, — сказал он мягко, его губы медленно изогнулись в сексуальную ухмылку, — ничто не сравнится с очаровательной возбуждающейся девушкой.

Я. Просто. Смотрела.

— Заднее сиденье байка ждет тебя и уже скоро, малыш, потому что то, как ты смотришь на меня, говорит мне, что ты хочешь этого. И ты хочешь этого сильно.

Отталкиваясь от скамьи, он подмигнул мне и исчез в толпе.

Мое сердце колотилось, я оглянулась по сторонам, чувствуя себя смущенной и беззащитной, но никто не обращал на меня внимания.

Я воткнула обратно наушники и снова начала петь, хотя и не так громко, как обычно, поскольку мой голос дрожал.

Дьюс долго стоял на крыше после того, как все двинули внутрь клуба, чтобы продолжить вечеринку — трахаться или отключаться по углам.

Внутри него горел ад внутренней битвы, и он уже наполовину прикончил бутылку Ягермайстера и две пачки сигарет, пока сражался.

Ева. Эта гребаная девчонка. Она должна была оставаться неуклюжей и тощей, с этими коленками и локтями, и ногами, слишком длинными для ее тела, и неуверенностью, плававшей в ее больших серых глазах.

Теперь она была чертовски красива. Черты ее лица были изящно выточены, детский жирок сошел, кожа была цвета слоновой кости везде, где видел его глаз, темные вьющиеся волосы спадали на спину, блять, и эти пухлые губы. Ее отвратное пение. Эти чертовы чаксы. Эти ебаные сиськи. Охуенно полные и тяжелые, с твердыми сосками, давящими на потертую футболку Харлей Дэвидсон. Джинсы, большеватые и мешковатые, очень низко повисшие на ее бедрах, достаточно низко, чтобы видеть ее бедренные кости.

Он хотел внутрь нее. Это было ненормально, и он знал это. Прямо как его старик. Но что поделать, так и было.

И он был не единственным. Фрэнки хотел ее безумно, с каким-то нездоровым стремлением. Парень ебнулся. В его глазах рождалось сумасшествие каждый раз, когда он смотрел на нее. Дьюс ревновал. Ева была лакомым куском. Такая сладкая, такая сообразительная, и то, что ей было похер на все это мейнстримовое дерьмо, делало ее только желанней.

— Блять, — пробормотал он. Надо было убираться отсюда. Садиться на байк и уезжать подальше с Манхэттена. Подальше от Евы, блять, Фокс и ее глаз, засасывающих его душу.

Он твердо держался своего решения до четвертого этажа, где услышал ругань, идущую на площадке ниже. Притормозив, он перегнулся через перила.

— Что со мной не так? — требовал ответа Фрэнки.

— Ничего, — ответила Ева, — не в тебе дело. Я не хочу ни с кем связываться... в этом смысле.

— Ты выглядела охуенно втянувшейся в это там, на крыше, разговаривая с этим ебаным Всадником! Я наблюдал за тобой и этим мудаком! Ты блять с ним флиртовала! Ты позволила ему коснуться твоего ебаного лица!

— Да, Фрэнки, я флиртовала с ним, не засовывая свой язык ему в глотку. Он горяч, что с того? Да ему дважды насрать на какую-то шестнадцатилетнюю девчонку, которую он едва знает!

Она считала, что он горяч? Женщины так не думали. Они считали, что он производит охуенно пугающее впечатление. Но эта красивая, юная, чертовски сладкая девушка находила его сексуальным.

Его член дернулся.

Блять.

Обойдемся без этого, придурок. Обойдемся блять без этого.

— Хуевая точка зрения, детка! Что я тебе блять говорил? ЧТО Я ТЕБЕ БЛЯТЬ ГОВОРИЛ НАСЧЕТ ДРУГИХ ПАРНЕЙ?

Ева шумно вздохнула.

— Ты сказал, что они причинят мне боль. Они используют меня и выбросят.

— Да, детка, — тон Фрэнки терял угрозу и становился мягче. — Что еще я сказал?

— Господи, Фрэнки, какой черт тебя дернул сегодня?

— Что. Еще. Я. Сказал.

— Что они никогда не полюбят меня. Что только ты будешь любить меня.

Черт, мальчишка свихнулся.

— Я хочу тебя на моем члене, Ева. Достало ждать.

Дьюс стиснул зубы. Если бы Фрэнки не был «золотым мальчиком» Проповедника, он бы прикончил его.

— Тогда прекрати ждать! — сказала она. — Потому что этого не случится! Ты мне как брат, Фрэнки! Мой брат!

— Ты продолжаешь повторять это, — прорычал он, — но мы блять спим вместе каждую ночь, твои сиськи прижимаются к моей руке, а твоя задница к моему члену с таким жестким стояком, что у меня глаза в кучу собираются, а тебе совершенно насрать на это. Вынуждаешь меня цеплять и трахать других сучек, хотя знаешь, что я хочу только тебя. Знай, что я никому нахер не позволю ошиваться рядом с тобой. Никогда. Никогда, Ева. Либо я, либо не получишь ничего. Дошло? Если ты не со мной, то и ни с кем больше.

Ну и мудак.

— Фрэнки, — сказала она ровно, — перестань буйствовать. Ничем там я к тебе не прижимаюсь. Ты обвиваешься вокруг меня, как чертово одеяло, и это ты всегда трешься об меня и лапаешь. И если ты продолжишь вываливать всю эту чушь на меня дальше, я скажу папе, что ты спишь в моей кровати каждую ночь. И я скажу ему о том, что ты дронишь прямо за моей спиной.

Он услышал, как тяжелые ботинки Фрэнки застучали по деревянному полу, затем хлопнула дверь. Он подождал мгновение, затем продолжил спускаться по лестнице.

Ева сидела в углу площадки третьего этажа, поджав колени к груди, куря сигарету. Ее голова повернулась в его направлении, и она улыбнулась. Он улыбнулся в ответ.

— Эй, — сказала она мягко. — Я думала, ты ушел.

Он пытался уйти. Все еще должен был пытаться уйти.

— Я слышал тебя с этим психом, — сказал он резко.

Она сжала губы и отвела взгляд.

— Он просто чрезмерно заботлив.

— То есть твое определение чрезмерной заботы — это убедиться, что ни один мужчина не появится рядом с тобой, и принудить тебя быть с ним?

Она пожала плечами.

— Когда-нибудь мой отец передаст ему власть. Фрэнки и я вместе — это был бы идеальный вариант для него.

Он понимал это. Проповедник присматривал за своей девочкой. В этом был смысл. Связать своего вице-президента и дочь вместе означает уверенность, что клуб будет стоять за ее спиной, когда сам он уже будет не в силах этого делать. Чего он не понимал, так это почему Проповедник, будучи в своем уме, хочет отдать свою девочку этому двинутому парню.

— По мне так это не то, чего ты хочешь.

Он смотрел на нее, посасывающую нижнюю губу, прикусывающую ее. Черт. Блять. Ему действительно стоит лучше управляться с реакциями своего члена.

— Да, не то, — прошептала она, наклоняя голову вниз и смотря на него из-под ресниц.

«Уходи отсюда, — сказал он самому себе. — Сваливай нахер отсюда».

Он присел перед ней.

— Чего ты хочешь, малыш?

Она отвернулась от него, скрывая лицо за волосами, но не успела, он видел, как сильно она покраснела.

Первобытное чувство мужского превосходства наполняло его. Она хотела его. Она, гребаный ангел, спутавшийся с демонами, хотела его, одного из самых чудовищных демонов, что он знал.

— Скажи это, — его голос был груб.

Блять. Какого хера он делал?

Она повернулась к нему и убрала волосы за уши. Боже, это лицо. Это нежное, совершенное личико.

— Ты девственница, Ева? — он уже знал ответ.

— Да, — прошептала она. Иисусе.

Он придвинулся ближе, достаточно близко, чтобы почувствовать в ее дыхании запах никотина

и пива.

— Тебя когда-нибудь целовали, дорогая?

Оно резко вдохнула.

— Нет, — и выдохнула.

Хорошо. Так охуенно хорошо.

Он повернул голову и щекой потерся о ее щеку, вдыхая запах клубники в ее волосах.

— Ты хочешь быть поцелованной? — прошептал он ей на ухо.

Он лизнул кожу прямо за ее ухом, и она вздрогнула. Он посасывал ее кожу, слегка прикусывая ее, проводя ее между зубами.

Она тяжело дышала, пульс на ее шее дико бился прямо под его ртом. Он продолжил с большим усилием, и ее ноги опустились на пол, раздвигаясь. Он воспользовался возможностью и втиснулся между них.

Он оставлял поцелуи на ее шее, под подбородком и выше к щеке, целуя линию ее рта. Его губы встретились с ее губами. Она дрожала.

— Я спрошу еще один раз, малыш, — сказал он тихо и хрипло, — ты хочешь быть поцелованной?

— Да, — хныкнула она.

В мгновение он был на ногах, поднимая ее вместе с собой. Схватив ее за талию, он встряхнул ее и прижал к стене.

— Ноги, малыш, — прохрипел он.

Ногами она обхватила его талию, его эрекция была зажата между ее бедер, и он протолкнул язык в ее ждущий рот.

Он потерял разум. Ничто из этого не должно было случиться.

Но вот оно происходило.

...дорога в ад вымощена благими намерениями, и он только что купил билет в один конец.

Меня никогда прежде не целовали, и я понятия не имела, что делать, так что я не делала ничего вообще. Одна рука Дьюса была в моих волосах, пока другая приподняла мою челюсть и сжала мои щеки, заставляя рот раскрыться.

Его язык погрузился внутрь, скользнул вдоль моего и начал исследовать мой рот. Нет, «исследовать» — не то слово. Это была осада, с ограблением и присвоением трофеев, пока у меня не осталось никаких сомнений, никакого выбора кроме как целовать его, и я целовала его

в ответ со всей страстью и пылкостью шестнадцати лет, не знавших прежде поцелуев, как только можно было целовать мужчину своей мечты.

Со страстью, которой не было границ.

Не знаю, как долго мы целовались, ты теряешь счет времени, когда ты юна и восторженна. Но, как и во всем, что в природе сексуальности, поцелуев вскоре стало недостаточно.

Я отчаянно пыталась стать еще ближе. Сгорая, чувствуя, что вот-вот взорвусь, я оторвала его руку от моих волос и отправила ее на свою грудь, тихо хныкая прямо в его рот. Я нуждалась в большем, намного большем. Я хотела чувствовать его руки на себе, касания, я хотела чувствовать обнаженную кожу на коже.

Перемещая меня в своих руках, он поднял меня чуть выше и засунул руку прямо в мои трусики. Одна его рука сжимала мой зад, другая была под футболкой, проделывая то же самое с моей грудью, и я задыхалась, он проклинал все, и это было самое восхитительное, что когда-либо случалось со мной. Если бы он попросил меня, я бы запрыгнула на его байк и гнала бы вместе с ним до самого края земли.

— Дьюс, — тихо взмолилась я, — Бог мой, Дьюс. Его бедра были между моих, и он вдавливал свое тело в мое. Трение наших джинсов, и ощущение его рук на мне, и его языка в моем рту... Что-то происходило, что-то, что было правильным и неверным, и было слишком много и так недостаточно. Что-то, чего я хотела больше, чем следующего вдоха.

Он снова сдвинул меня и втиснул руку спереди в мои джинсы.

— Тшшш, — он прохрипел в мой рот, — я понимаю, я охуенно тебя понимаю. Расслабься, девочка, просто блять расслабься.

Его пальцы заскользили внутрь меня, и теперь там мое тело было туго ими занято. Всё, чего он касался во мне, сжалось и взорвалось, пульсируя сквозь удивительные ощущения.

Он склонил голову и прижался лбом ко мне.

— Хотел бы я почувствовать это все на члене.

О, Боже.

Он убрал руку из моих трусов, только чтоб вернуться под мою футболку и продолжить ласкать мои груди. Его рука двигалась от одной к другой, и его пальцы зацепили мое украшение. Держа медальон на ладони, он посмотрел наверх на меня.

— Малыш, — выдохнул он, — что за хрень?

— Ты дал его мне, — ответила я, запнувшись. Я пропустила ту часть, про «Я обожаю его, никогда не снимала, иногда сжимала его в руках и часами пялилась на него».

— Да... — прошептал он. Его палец был на моем соске, сжимая и растирая плоть вокруг. Его пах жестче вдавился в меня. Его дыхание участилось. Мое дыхание участилось.

— Поцелуй меня, — сказала я, едва дыша, нуждаясь в близости его рта, — пожалуйста...

Нежнее прежнего он потянул мою нижнюю губу в свой рот, всасывая ее, легко облизывая ее, и моя голова снова была у стены. Его рот снова нашел мою шею, и мое тело загорелось, как

фейерверк. Я двинулась вперед между нами, потянувшись к нему, моя округленная ладонь охватила его внизу. Застонав, он подался вперед в мою руку. Мир исчез. Были только Дьюс и я, и этот прекрасный, идеальный момент.

Все закончилось внезапно.

— Блять, — пробормотал он, проводя руками по своим волосам, отступая от меня, — блять, я облажался.

Я сделала шаг к нему, потянувшись, желая все вернуть, он споткнулся, удерживая дистанцию между нами. Я опустила руку.

— Мне жаль, — прошептала я, совершенно не чувствуя сожаления.

Он махнул головой.

— Нет, дорогая, ты не сделала ничего неправильного. Это только на мне, я лучше знал, что происходит, и все равно допустил это.

Мы смотрели друг на друга. Он все еще хотел меня, я видела это в его глазах. Фрэнки так смотрел на меня, как будто хотел сожрать заживо.

— Я женат, — сказал он тихо.

Я знала. Отец собирал заметки обо всех, кто представлял хоть небольшую угрозу. О тех, кто был глобальной угрозой, о таких, как Дьюс, он собрал намного более подробную информацию.

— Я знаю об этом, — ответила я также тихо.

— И тебе шестнадцать... И мне тридцать четыре.

Это я тоже знала.

— Блять, — сказал он тихо, запуская руки в свои волосы. — Блять!

Мгновением дольше он смотрел на меня, его нерешительность была очевидна, как божий день.

Все, что я увидела потом, была дверь на лестницу, захлопывающаяся за ним, и я осталась одна. Я села обратно на пол и закурила следующую. И я ухмылялась.

Дьюс сваливал от Евы так быстро, как мог, перешагивая по две ступени за раз. Он вырвался наружу из клуба и оперся о стену здания, тяжело дыша.

Он облажался. Грандиозно облажался. Он был более чем просто омерзителен сам себе, но его член был тверд, как камень, застыв в мучительном ожидании шестнадцатилетней киски.

Иисусе. Да... Он был один в один, как его старик. Пал на самое ебучее дно.

Он даже не пытался оправдываться своим развалившимся к ебням браком, поскольку эта проблема решалась с помощью клубных шлюшек. Это было что-то совсем другое, что-то блять

другое, пиздец, как смущавшее его.

Единственный раз, когда у него была девушка шестнадцати лет, был, когда ему самому было шестнадцать, может восемнадцать. Но он хотел Еву, и сейчас, распробовав ее, он хотел ее еще более ожесточенно.

Девчонка была готова дать это ему. И не потому, что он принудил ее, а потому, что она вполне ясно хотела его. Она понятия не имела, как целоваться, но вместо того, чтобы робеть, как все девочки-тинейджеры, она дала ему все, что могла, и кончила на его руке, блять... но это было прекрасно.

Твою мать! Какого хера. Как он мог полностью потерять контроль? Он полностью сосредотачивался на контроле. Как шестнадцатилетка могла смести это все?

— Заебись, — проговорил он, протирая глаза ладонями. — Заебись. Я охуительно облажался.

— Да, именно так.

Он убрал руки. Проповедник стоял в нескольких шагах от него. Один.

Ничего хорошего. Ни одного свидетеля, который мог сдать Проповедника, если бы его, Дьюса, тело вообще нашли.

— Камеры висят по всему клубу, — проинформировал он его, — даже на лестницах.

Он кивнул. Если бы он включил голову, то сообразил бы и свалил оттуда. По всему его клубу тоже были вмонтированы камеры. Безопасность в этом бизнесе была гребаной необходимостью.

— Готов? — спросил Проповедник, доставая оружие. Он наблюдал, как тот спускает предохранитель.

Готов ли он был умереть? Нет.

Заслуживал ли он умереть? Да. Уже давно.

Собирался ли он поджечь хвост и дать Проповеднику убить себя? Нет блять.

— В переулок, Дьюс. Сейчас, — Проповедник указал пистолетом.

Якобы сворачивая в сторону переулочка, он потянулся за своим пистолетом, но не был достаточно проворен, и первая пуля Проповедника вошла в его правую ногу. Он попятился и упал на кучу мусора.

Ботинки Проповедника глухо ударялись об асфальт. Он собрался для последнего смертельного удара. Чертовски логично, сдохнуть здесь в ебаной куче мусора. Его старик всегда говорил, что он отброс. Так он себя и чувствовал.

Его тело дернулось, и боль взорвалась в его плече.

— Блять, — прохрипел он. Он ненавидел ловить пули. Вот дерьмо, все жгло и болело.

— Я позову твоих парней, чтобы они забрали тебя, — сказал Проповедник, удивив его, — к сожалению, ты нужен мне живым. Наши парни слишком увязли вместе, слишком много

дерьма, с которым надо разобраться, к которому ты приложил руку. Первое, появишься рядом с моей девочкой снова — первый выстрел будет в твой хуй, второй — в голову. Второе, попытаешься мстить, и я выпотрошу каждого в твоём подразделении в Квинсе.

— Ясно, — прохрипел он. Поскольку его хуй и мозги нравились ему такими, какие они были, и ни один из его парней не заслуживал расплачиваться за его сраные грехи, он собирался никогда больше не появляться рядом с Евой Фокс.

Но судьба была той ещё сукой.

И двумя годами позже она вlepила ему пощечину.

Глава 4

Я обожала танцевать. Я обожала клуб «Красный». И я обожала мою лучшую подругу Ками. Она была при деньгах, я была при деньгах. Она была избалована, и я была избалована. Ей было безумно скучно, и меня все это достало до смерти.

Избалованные, заскучавшие, подавленные девчонки. С помощью такого же скучающего, избалованного и богатого паренька мы раздобыли поддельные водительские удостоверения и могли вырываться в наше счастливое место каждую субботнюю ночь, в клуб «Красный».

Лучшим в этом было то, что Фрэнки понятия не имел, где я.

У нас получалось проделывать этот номер с помощью соблазнительного шофера Ками, Джейкоба. Ками «сдали» ему под присмотр с тех пор, как ей исполнилось тринадцать, а Джейкобу — восемнадцать. Я была абсолютно уверена, что Джейкоб по уши влюблен в нее, но он уже давно бросил попытки добиться от Ками чего-либо большего, чем секс. Ками убедила себя, что переспать с множеством разных мужчин — это отличный способ дополучить то внимание, которого она была катастрофически лишена дома. Разумеется, это не сработало, но она не оставляла попыток.

Словом, вот как проходили мои субботы. Фрэнки высаживал меня у пентхауса Ками. Если ее родители были дома, мы прихорашивались, пока они не отправлялись в спальню, затем прошмыгивали по лестнице вниз на подземную парковку, где Джейкоб встречал нас и выводил через запасной выезд, который использовался исключительно жильцами. Ловко ускользая от наблюдателей, приставленных ко мне Фрэнки, мы исчезали.

Свобода.

Дьюс люто ненавидел Нью-Йорк. Так всегда было и будет.

Даже больше, чем он ненавидел Нью-Йорк, он ненавидел нью-йоркцев, населявших его. И больше, чем он ненавидел нью-йоркцев, он ненавидел нью-йоркские ночные клубы, заполненные нью-йоркцами.

Двое его парней прибыли с ним по делам. Они хотели сходить на вечеринку и выпить по киске. И поскольку он тоже не отказался бы подцепить киску для себя, он увязался за ними. Лучше бы остался дожидаться их.

Он стоял у стены в забитом клубе, увешанном по всем стенам красным шелком, с гребным красным дискоболом, вертящимся под потолком, окруженный от стены до стены пьяными дебилами, вертящими задницами друг перед другом под то, что, как он полагал, должно было называться музыкой. Хотя больше звучало, как телевизионный канал на профилактике, разбавленный дерьмовым битом.

Он был простым человеком. Ему нравилась кантри-музыка, мысль о том, что дома его ждет своя киска, и когда бочонки доверху заполнены пивом. Он не видел необходимости выражаться для того, чтобы напиться и потрахаться. В итоге все выглядит примерно одинаково — слишком слюнявые поцелуи, шлепки кожи о кожу и мерзкое похмелье. Нахрена приукрашивать все это?

Его парни сделали свой выбор в пользу каких-то бледоватых сучек с танцпола, бросив его около часа назад. Он видел, как Кокс исчез с двумя едва одетыми латиноамериканками, Мик пошел танцевать с женщиной, которая под своей очень короткой юбкой наверняка прятала член. Он чувствовал себя так охуенно тоскливо, что на мгновение даже подумал сделать пару фоток Мика и Кокса с их шлюхами и послать их женам в качестве расплаты за то, что заставили его терпеть это дерьмо.

— Эй, — женский голос был невнятным. Он повернул голову налево.

Иисусе.

Ебанные тощие сучки на каждом углу в этом городе. Ни сисек, ни задницы! Все, как одна, носят тонкие обтягивающие вещички, которые только подчеркивают факт отсутствия сисек и задницы. Конкретно эта сука, высоченная, худая, обесцвеченная блондинка, была настолько блять тощей, что ее грудные кости были видны через кожу. Эта салфетка, которой она прикрылась, видимо, работала платьем, при том настолько прозрачным, что он мог разглядеть полное отсутствие белья под ним.

— Отъебись, — сказал он.

Ее глаза расширились.

— Что?

— Ты оглохла? — спросил он. — Я сказал — отъебись.

Она разинула рот.

— Что? — прошептала она.

Иисусе.

— Сука, у меня нет желания трахать тебя, я не собираюсь покупать тебе выпивку и плести тебе, как ты охуенно горяча в надежде, что ты раздвинешь свои костлявые ноги передо мной. Во-первых, ты не горяча. Может, и будешь когда-нибудь, если начнешь есть, но прямо сейчас — нет. И во-вторых, я не хочу тебя трахать и потому говорю сразу: отъебись.

Она моргнула. Затем она потянулась вперед и положила костлявую руку ему на грудь. И улынулась. Он смотрел на нее сверху вниз, раздумывая, стоит сломать ей пальцы или нет.

— Где бы ты ни захотел этого, как бы ты ни захотел этого, — выдохнула она, — прямо здесь, в уборной, за клубом. Там. Где. Ты. Захочешь.

Его брови поехали на лоб. У нее были либо серьезные проблемы с самооценкой, либо проблемы с папочкой родом из детства, либо она просто была ебанутой.

— Ками! — раздался женский визг. — Ками!

Сучка рядом с ним вытянулась и стала оглядываться вокруг.

— Ев? — крикнула она.

Хихикающая масса темно-коричневых волос прорвалась через толпу и рванула прямо к блондинке. Они обе были в жопу пьяные. Вместо объятий они просто повисли друг на друге, падая на него. Раздраженный, он толкнул обеих назад, и коктейль блондинки полетел в сторону. Люди разбежались, как только послышался звон стекла.

Истерически смеясь и держась друг за друга, они обе встали прямо. Он, застыв, наблюдал, как медальон Всадника выскользнул из-под футболки брюнетки. Футболки, имитирующей задачи футболки.

Затем она отбросила волосы с лица, и его кровь застыла, а после — горячо погнала по венам. Действительно охуенно горячо.

В последнюю встречу с Евой Фокс он без двух секунд был готов пристроить свои яйца поглубже в нее, и за это он получил две пули.

— Ками, — прокричала Ева рассеянно, не замечая его присутствия, — где ты была? Я везде искала тебя!

Рассеянность — это было не про него. Он заметил, что эта дрянь была одета в какое-то подобие футболки, хотя выглядело на самом деле как треугольник из блесток, держащийся на ней только за счет запутанно завязанных ниток. Эта херь едва прикрывала ее сиськи. Ее полные, тяжелые, совершенные сиськи. Вся ее спина и живот были обнажены, ее пупок был пирсингован какой-то блестящей хуйней, все, что ниже, было упаковано в обтягивающие черные кожаные штаны. Настолько обтягивающие, что, он был чертовски уверен, ей понадобился лубрикант, чтобы натянуть их на ее ноги и охрененно сочную задницу. На ее ногах — черные чаксы.

В груди у него стянуло.

Она вернула медальон его старика обратно под ее совсем-не-футболку. Слегка качнулась на ногах, ее сиськи подпрыгнули, пока она растягивала и расправляла ее топ, который в общем и топом-то не был.

У него встал. Просто встал. Как будто ему снова было ебанных семнадцать лет.

Все еще смеясь, она осмотрелась по сторонам, наконец-то ловя его взглядом. Ее — созданные, чтобы сосать член — губы приоткрылись, ее глаза, цвета надвигающегося шторма, расширились, и она немного покачнулась вправо.

— Дьюс! — прошептала она.

Ни одной ебаной мысли, что ответить. Поэтому он сказал первое, что мелькнуло в голове.

— Малыш.

Ками посмотрела на них.

— Ты его знаешь?

— Да, — ответила она, не отводя глаз.

Господи Иисусе, эти глаза! Она была чертовски красива.

— Представь нас!

— Дьюс, это моя подруга Ками, Ками — это мой... друг Дьюс. Но... — она повернулась к подруге, — он женат. Дети тоже есть. Так что убери от него руки.

Он смотрел на нее, растерянный. Он был женат?! Дети?! Ах, да. Он, вроде как, был женат. Ага, и дети были. Он любил своих детей, а вот их мать... не особо.

— Жаль, что ничего не выйдет, — промурлыкала Ками, — вся эта фигня в духе «страшный и агрессивный байкер» тебе так идет.

Его губы изогнулись в отвращении. Он только что сказал этой суке, что считает ее непривлекательной, в недвусмысленных выражениях дал понять, что ему от нее ничего не нужно, и она все еще хочет этого. Гребаная шлюха! Ебнутая на всю голову тупая шлюха.

— Он не страшный, — отчитала ее Ева, — он красивый.

Ебать... его.

Никто и никогда не называл его красивым, и он был совершенно уверен, что никогда и не захочет услышать это в свой адрес. Пока Ева Фокс не назвала его красивым. И теперь он хотел услышать, как она скажет это снова. Но в этот раз он хотел, чтобы его яйца были глубоко в ней, когда она повторит свои слова.

— Хочешь потанцевать? — спросила Ева.

Его глаза сфокусировались.

— Что?

— Танцы. Хочешь?

— Нет.

— Нет?

— Это не музыка, и я не танцую.

Ева прикусила губу, и он видел, что она пыталась не смеяться над ним. Обычно, когда люди смеялись над ним или пытались не выдать смех, что случалось нечасто, поскольку он не был забавным парнем, он бил им морды. Смеющаяся над ним Ева заставила его член резко дернуться вперед. Эта сука творила что-то странное с ним. Его ебанный мозг отключался, когда она была рядом, и его яйца раздувались, готовые заново перенаселять мир так долго, как долго он сможет оставаться внутри ее киски.

— Каждый может танцевать, — хихикнула она.

Он покачал головой.

— Я не могу. Я как бревно. Жена говорит, что двигаюсь я неуклюже.

Она поморщилась.

— Твоя жена — тупая пизда!

Он поперхнулся. Похлопал себя по груди, закашлявшись. Сделал долгий глоток пива. Прокашлялся.

— Дорогая, ты и представить себе не можешь, насколько.

Усмехнувшись, она вытянулась рядом с ним, оперлась плечом о стену так, что ее тело было рядом с ним, почти напротив него, и сделала глоток своего коктейля. Ее ярко-розового коктейля с розовым зонтиком и множеством плавающих вишенки, провонявших текилой.

Он прищурился. Сколько времени прошло с того момента, когда он последний раз видел ее, с того момента, как он получил две пули, потому что вел себя как ебанный дебил?

Пяти лет еще не прошло, значит, двадцати одного года ей еще не было.

— Сколько тебе лет, дорогая?

Ее губы искривились.

— Согласно моему удостоверению — двадцать один год.

Он приподнял бровь и улыбнулся.

— А что говорит твое свидетельство о рождении?

Не выдавая ни единой эмоции, она пристально смотрела ему в глаза, и он почувствовал, как тянется к ней.

— Мне восемнадцать, — сказала она тихо, и ее взгляд стал мягче. Он знал этот взгляд. Поимев множество женщин за свою жизнь, он видел эти знаки, он легко узнавал их.

Восемнадцатилетняя Ева Фокс отдавала ему свою киску на серебряном блюде.

И он охуенно изголодался по ней.

Блять.

— Дьюс? — она придвинулась ближе, прижимаясь сиськами к его руке.

Он смотрел на нее сверху вниз.

— Да?

Не разрывая зрительного контакта, она обхватила его бицепс насколько могла и начала медленно спускаться пальчиками вниз по внутренней стороне его руки. Дойдя до его ладони, она провела свои пальцы между его пальцами. Ее рука замкнулась поверх его руки. Он замкнул это сплетение.

— Давай потанцуем, — прошептала она.

— Хорошо, — прошептал он в ответ, потому что блять не понимал, что в этот момент с ними происходило.

Ее пухлые, недостижимые для него губы расплылись в улыбке. Возбуждение в его члене было таким, что он почти потерял остатки своей вменяемости. Если бы она не повела его вглубь клуба, он бы швырнул ее к стене и силой пробил свой путь внутрь нее.

Она провела его в самый центр танцпола, забитого телами. Потными, извивающимися телами. Он чувствовал себя не в своей стихии.

Затем Ева начала двигаться, и он забыл, откуда он произошел, и тощих сучек, и дурацкие красные дискоболы... Ева была единственной, кого он видел. Ничего больше не существовало, только Ева и все то, что она с ним творила.

Прижимаясь к нему спиной и задом, она подняла руки за голову и охватила его за шею.

Он сгреб ее, грубее, чем собирался, и глубже вдавил пальцы в кости на ее бедрах. У него вырвался стон, когда задницей она задела его член.

— Просто двигайся со мной! — крикнула она сквозь оглушающую музыку.

Он не двигался, он не мог, он был слишком занят, пытаясь убедить себя, что это не лучшая идея взять ее прямо здесь и сейчас, на танцполе.

Ее задница шлифовала его твердый, как камень, член сквозь джинсы. Ее голова откинута на его грудь, и ее руки...

Она схватила его руки, сплела свои и его пальцы и вела их по своему обнаженному животу, по бедрам, поглаживания перемещались ниже, намного ниже ее живота, потом обратно к ее ебаным сиськам. Когда он не смог больше выносить этого, он проскользнул ладонью вниз в ее штаны и дал ей то, о чем она бессловесно умоляла его.

Она снова откинула голову на его грудь и смотрела на него, с трудом фокусируя свои серые глаза, ее ноздри раздувались от тяжелых глубоких вдохов, ее влажные губы приоткрыты.

Он получил две пули из-за этой суки. Если он закончит эту ночь так, как хочет ее закончить, Проповедник лично закопает его. Он должен был думать об этом. Его дети нуждались в отце, его клуб нуждался в своем Президенте. У него были незаконченные дела, и он пиздец как был уверен в том, что еще не готов распрощаться со всем этим.

Он должен был заботиться обо всем этом дерьме. Но ему было все равно. И поскольку ему было плевать, поскольку он хотел ее до безумия, до ебаной невыносимой нужды, вкус которой был таким явным, чувствуя в своем ебаном желудке ток оголенных проводов, он наклонился к ней и поцеловал ее — грубо и быстро, все еще проталкивая свои пальцы внутрь нее и обратно, проглатывая ее крики, пока тела вокруг прижимались к ним, толкая их в ритме басов, долбящих по его ушам.

Хлестал ливень, мы насквозь промокли, аллея пропахла так, будто месяц простояла в старом

мусоре, Дьюс пытался добраться до ширинки своих джинсов, и я полностью потеряла голову. В исступлении я заползла на его мощное, напряженное тело, как озабоченная обезьянка в течке, и целовала его до ебанных звезд из глаз, отдаваясь ему так же, как он мне. Каждый поцелуй был обжигающим, заполненным влажными языками, иногда попадающими в цель, иногда промахивающимися. Зубы сталкивались, губы были прокушены, носы мешали. Я терзала его, не заботясь, где был его или мой рот, или какую часть его лица я целовала, облизывала, прикусывала. Его щеки, его лоб, его подбородок, его шея — это все было моей законной добычей. Его руки занимала моя задница, мои руки занимали его волосы, наши рты занимали друг друга, и я понятия не имела, куда подевалась моя одежда. И мне было все равно.

Я хотела этого мужчину внутри меня. Так далеко и глубоко во мне, чтобы он никогда не смог выбраться.

— Дай мне то, в чем я нуждаюсь, малыш, я так мечтал об этой сладкой киске.

О Боже.

Подумать не могла, что можно хотеть его больше, чем я уже хотела. Он только что доказал, что я не права.

— Пожалуйста, пожалуйста, просто блять возьми ее, — я едва могла связать слова, нуждаясь в нем отчаянно больше.

Мы смотрим друг другу в глаза, тяжело дышим, дождь льет стеной между нами, сквозь нас, везде, и он начинает входить в меня.

— Блять, да, — выдыхает он, — ты охуенно влажная. Ты ведь блять хочешь этого, так?

— Да, — всхлипнула я.

— Да, ты хочешь, — прохрипел он и толкнул жестче, — охуенно тугая, детка, ты просто охуительно тугая.

На то была причина. Причина, о которой он догадается секунды через две.

— Давай, Ева, расслабься для меня, откройся, — с растущим нетерпением он крепче схватил мой зад и потянул меня вниз, прорываясь в меня. Я вскрикнула, и он застыл.

Просто застыл живой статуей.

— Ебаное дерьмо! — выругался он. — Блять, Ева! Черт тебя, блять, побери!

О Бог мой, он выходил из меня.

— Нет! Пожалуйста! Я хочу этого! — я вцепилась ногтями в его спину и сжала ноги вокруг его талии. — Я хотела, чтобы это был ты! Я столько мечтала об этом! О нас с тобой! С того момента, как ты поцеловал меня! Даже намного раньше, чем это случилось!

Он обмяк передо мной.

— Блять, — прошептал он.

Он все еще был внутри меня, и я была так наполнена им. Это было такое прекрасное ощущение. И когда я попыталась продолжить, потому что я должна была продолжить, я хотела

этого, нуждалась в этом движении, он застонал. Мне нравилось слышать этот стон почти также, как и чувствовать его внутри меня, и я хотела больше, хотела, чтобы он продолжил вместе со мной. Я сказала ему это, сказала все, что чувствовала и все, что хотела почувствовать с ним, меня словно прорвало, все эти чувства и желания были высказаны, потому что я жаждала, чтобы он знал, знал, как много значит для меня, что это он был тем, кого я ждала, ему я хотела отдаться. Что только его я когда-либо хотела пустить в себя, и только его я хочу теперь, когда это случилось.

Его глаза встретились с моими. Синие, как Арктика, красивые.

— Пожалуйста, — умоляла я, — Дьюс, пожалуйста.

— Я в ебаном браке, Ева. Двое детей. Блять. Это должен был быть не я.

Что?! Здесь и сейчас он был во мне, потому что я так захотела, потому что он был единственным мужчиной, которого я когда-либо собиралась подпустить к себе так близко, и он смел сказать мне, что это не он должен был быть?! После того, как я умоляла его?

— Да пошел ты нахер! — рявкнула я. — Мне насрать на твою жену, как и тебе, или ты не трахал бы меня пальцами там, в клубе, и ты уж точно не увел бы меня оттуда с ясным намерением поиметь меня! Ты не можешь говорить мне, что это не ты должен стоять тут! Не тебе принимать это решение, только мне! Я так решила и сделала это! И я не заберу свои слова назад!

Вспышка гнева мелькнула в его взгляде.

— Я ни хрена тебе не могу дать! — прошипел он. — Все, что я могу предложить — это мой ебанный член, и этого недостаточно! Только не для тебя! Даже блять близко недостаточно, ты заслуживаешь лучшего! Лучшего, чем ебанный засранный переулок, и определенно лучшего, чем я!

Вот и оно. Боль, которую я улавливала каждый раз, когда мы встречались. Тоска, которая, кажется, никогда не оставляла его.

— Ты лучше, чем ты думаешь, — прошептала я, — я не осознавала этого, когда была маленькой, не могла понять этот взгляд в твоих глазах, почему ты всегда выглядел печальным, но сейчас вижу. Кто-то, пробравшийся внутрь тебя, перевернул в тебе все с ног на голову, сделал черное белым, навел бардак в твоей душе, и теперь ты думаешь, что ты ничтожен, но ты совсем не такой. Не отмахивайся от моих слов, когда я говорю, что ты лучше, чем думаешь. Ты даже лучше этого. Для меня ты самый лучший!

— Ева, — его ноздри расширились, когда он тяжело вдохнул.

— Что?

— Заткнись.

Его рот накрыл мой, и мы целовались медленно, глубоко, так сладко-лениво.

— Собираюсь трахнуть тебя прямо сейчас, малыш, — проговорил он в мой рот.

Ох. Хорошо. Офигительно.

— Ладно, — выдохнула я.

И он сделал это. Прямо у грязной кирпичной стены, в переулке, забросанном мусором, служившим домом для крыс и одичавших кошек, пока летний дождь лил на нас. И это было идеально. Лучше, чем я представляла. Лучше, чем что-либо сравнимое. Просто лучшее.

Следующие четыре года я провела в колледже, тратя время на учебу, на шоппинг с Ками, пытаясь отделаться от Фрэнки и наслаждаясь жизнью. Ночи я проводила, переживая заново мои мгновения с Дьюсом. Все те четыре.

На следующий день после выпускной церемонии я упаковала рюкзак, сгребла Ками, оставила отцу записку и села на самолет, направлявшийся в Майлс-сити, штат Монтана.

Направлявшийся к Дьюсу.

Глава 5

Если бы мне еще понадобились доказательства того, что Всадники Ада были связаны с нелегальным дерьмом, помимо их альянса с моим отцом, то все, что мне нужно было сделать, так это посмотреть на здание их клуба.

Точно посередине между Монтана-холмами, вниз по едва просматриваемой грунтовой дороге, располагался их клубный дом — побеленный ангар, огромный, занимавший площадь около 30 000 квадратных футов [11], территория огорожена железным забором, по которому был пущен ток, колючая проволока шла по верху. Огромная эмблема Всадников была нарисована на фронтальной части здания. Снаружи был припаркован ряд Харлеев, еще несколько пикапов и красных сверкающих спортивных машин.

Я направила нашу арендованную машину к воротам и посмотрела на камеру. Из домофона под ней раздался характерный технический треск, свидетельствующий о том, что на нас обратили внимание.

— Помочь чем-нибудь, дорогая?

Я прокашлялась. Я так нервничала.

— Я... эммм.... Хотела... ну...

— Спокойно, Ев, — прошептала Ками, — оставайся спокойной.

Я глянула на нее.

— Вы на вечеринку? — протрещал динамик нам.

— Эээ... — протянула я и снова посмотрела на Ками. Она вытаращила глаза на меня.

— Скажи «да», идиотка!

— Ммм, да.

Ворота щелкнули и медленно разъехались перед нами. Ками начала взволнованно вертеться на сиденье.

Я только припарковалась, как двое парней уже быстро подходили к нам. Ками расплылась в

улыбке.

— Го-ря-чо, — по слогам, с чувством, произнесла она. — Хочется облизнуть.

Я нервно засмеялась. Мой желудок стянуло в узел. Я не видела Дьюса четыре года. С той ночи, когда я отдала ему свою девственность. Я не знала, как он отреагирует, если я просто так появлюсь тут.

Первый — латинос, прекрасно сложенный, симпатичный, с бритой головой, кучей пирсинга и татуировок, покрывавших его везде, где можно было разглядеть, ухмыльнулся нам обеим.

— Кокс, — он назвал свое имя, осматривая меня сверху до низу. — Это Рипер, — он указал большим пальцем на мужчину, стоявшего за его спиной. Такого восхитительного мужчину, что дух захватывало. Он мог бы быть серфером откуда-нибудь из солнечной Калифорнии. Длинные светлые волосы, темно-голубые глаза. Весь он был, как конфетка для сладкоежки.

— Эй, — Рипер приветствовал нас, не сводя глаз с Ками, — вы двое уже бывали здесь?

Я отрицательно покачала головой.

— Я ищу Дьюса.

— А я нет, — сказала Ками, — я ищу тебя.

Я прикрыла рот, душа вырывающийся смех.

— Или тебя, — сказала она Коксу, пожимая плечами. — Особо неважно кого из вас.

Кокс и Рипер переглянулись.

— Не хочу драться с тобой, брат, — сказал Рипер, — но блять придется.

— И проиграешь, — проворчал Кокс.

— Мальчики? — Ками перекинула свои длинные светлые волосы через плечо и маняще повела бедром. — Это последнее лето моей свободы. Мой отец — богатый говнюк, заставляющий меня выйти замуж за другого богатого говнюка. У меня есть три месяца, прежде чем я стану образцовой маленькой Джеки О [12] и вынуждена буду нанимать ебаную прислугу, просто чтобы отвязаться от этих обязанностей. Так что, если вы, парни, не против поделиться друг с другом, то у меня для вас много всего припасено.

— Ничего не имею против, — сказал Кокс быстро.

— И у меня никаких возражений, — сказал Рипер.

— Замечательно, а теперь скажите, в этом вашем жутком здании найдется ликер?

Рипер схватил ее за локоть, Кокс повесил руку на ее плечо, и они повели ее прямо в клуб.

Блин, будто я была невидимой.

Закатив глаза, я последовала за ними внутрь.

Повсюду вокруг меня были байкеры от восемнадцати до восьмидесяти и шлюшки, обожавшие

их. Я поняла, что у Всадников Ада было в разгаре веселье, которое мои мальчики в Нью-Йорке называли «вечеринка для кисок», и это, несомненно, была единственная причина, по которой Ками и я были допущены внутрь. Я просматривала помещение, ища Дьюса.

Изнутри здание не имело ничего общего с видом на фасад. Все помещение было перепланировано, реконструировано и переоборудовано. По всей длине ангар был одной гигантской мужской берлогой с пятнадцатью или шестнадцатью футовыми в высоту стенами, а современные панорамные люки на потолке придавали ему соборный вид.

Полностью укомплектованный бар занял всю правую стену, рядом с ним соседствовали несколько барных столов и стульев, приличную часть комнаты перед ними занимали пять больших бильярдных столов. Пространство у стены напротив бара производило впечатление высококлассного мужского клуба, укомплектованного мебелью из темной кожи, плоскими телевизионными панелями и новейшей стерео системой. С обоих краев дальней стены были входы в коридоры, ведущие вглубь клуба, а прямо по центру было множество дверей, каждая была завешена фотографиями членов клуба. Среди этих дверей была одна, над которой висела деревянная планка с надписью «Офис Президента». Мое сердцебиение участилось, и руки стали липкими.

Я заставила ноги двигаться и направилась прямо в его офис. Сделав глубокий вдох, я сначала стукнула по двери.

— НУ, ЧТО ТАМ?

О Боже, этот голос. Этот жесткий, грубый, прекрасный голос.

Я сглотнула и повернула ручку.

Первой я увидела женщину. Высокая блондинка, очень загорелая, чертовски выразительные изгибы тела. Красивая. Она носила обтягивающую джинсовую юбку, потертую на заднице, и сексуальный розовый топ без рукавов, демонстрирующий богатое содержимое ее декольте. Моя грудь была больше, но я почти никогда не выставляла себя напоказ, только если не собиралась в клуб или куда-нибудь еще повеселиться. Я просто не видела в этом смысла.

Я опустила взгляд на мою укороченную футболку с эмблемой Лед Зеппелин, мешковатые джинсы, низко свисавшие с моих бедер, и мои чаксы. Футболка когда-то принадлежала моей матери, и я немного изменила ее под себя, обрезав низ так, что было заметно колечко в моем пупке и вытатуированные вокруг черные и розовые звезды. Эти джинсы я, кажется, носила целую вечность, я толком не могла вспомнить, как они мне достались, может, у Фрэнки забрала? Это была главная фишка моих подростковых лет — красть его вещи. Они были удобными и такими приятными на ощупь, будто шелк, касавшийся моей кожи. Самое главное, они волочились по земле, когда я шагала. Мне нравилось, что я могла полностью скрыть ступни в своих штанах. Странно, знаю. Но я была единственным ребенком, и девочкой к тому же, выросшей с отцом-одиночкой, Президентом мотоклуба, его бригадой и Чокнутым Фрэнки. Думаю, все могло бы быть куда более странным во мне, чем просто слабость к длинным свободным джинсам.

вернуться

11

Примерно 2800 квадратных метров

вернуться

12

Джеки О — Жаклин Кеннеди. Образцовая первая леди и жена.

Но, стоя напротив этой женщины, я чувствовала себя бродяжкой. Эта женщина с внешностью супер модели, более чем вероятно, была его женой.

Дьюс сидел за своим столом, отвернувшись от меня, даря проклятья телефонной трубке у его уха. Голубые папки были свалены на краю стола позади ноутбука. Разные бумаги, листы, записи были разбросаны по столу и на полу перед ним.

Кто бы ни занимался интерьером этого офиса, он явно был либо конспирировавшийся гей, либо очень женоподобный парень. Хотя рабочий стол из темного дуба, комод и переговорный стол явно были сделаны в мужском стиле, ни один мужчина, вернее, ни один байкер не смог бы выбрать такие прекрасно сочетающиеся друг с другом предметы мебели. Они были слишком совершенны. Каждая деталь по-своему индивидуальна и отличалась от других, но вместе они выглядели модным мебельным ансамблем. Женщина, предположила я, определенно это была женщина, приложившая руку к обстановке. Эта мысль окончательно выбила меня из зоны комфорта.

Блондинка взглянула на меня, оценивая, и ее окрашенные розовой помадой губы изогнулись в усмешке.

— Ты кто нахуй такая?

— Я... ммм... искала Дьюса...

— Что ж, ты... ммм... точно блять его нашла.

Ну и пренебрежение.

— Ты блять издеваешься надо мной? — прорычал Дьюс в телефон. — Скажи Стриту, чтобы тащил свою задницу в доки и занялся отгрузкой, или я к ебаной матери похороню твой чаптер! [13] Понял меня? Я развею твоих парней по ветру и тебя закопаю лично! Не связывайся нахер с Буонаротти! Я дал ебанные обещания, и я собираюсь держать их. Мое ебаное слово стоит блять дорого. Ты думаешь, я тут играю с тобой? Нет? Хорошо. Давай блять шевели задницей, займись делом.

Он повернулся кругом, прищурившись, посмотрел на блондинку, затем оглядел всю комнату и, наконец, остановился на мне. И застыл. Он позволил себе отрастить небольшую бороду, я видела серые нити в его светлых волосах и несколько морщин у глаз. Я не дышала. Он становился еще красивей с возрастом.

— Мне надо идти, — сказал он в телефон и положил его на стол.

Я откашлялась.

— Я была неподалеку, — звучало глуповато, — подумала заехать.

— Ты была неподалеку, — повторил он за мной.

Я кивнула. Эх. Идиотка. Если бы Ками услышала эту хрень, я бы огребла от нее.

— Коул, — прошипела женщина, — что это блять за девчонка?

Я никогда не слышала прежде, чтобы кто-нибудь называл Дьюса как-то иначе, чем Дьюс. Я знала его настоящее имя, Коул Уэст, но это было не то, оно не подходило ему. Дьюс значит «Дьявол», и это было его имя.

Дьюс моргнул и посмотрел на блондинку.

— Кристин, убирайся нахер. Ты получила свои гребаные деньги, теперь уходи.

Он вернул взгляд ко мне, и я видела, как эта ледяная синева впивается в меня от головы до пальчиков ног и снова наверх, останавливаясь на медальоне его отца. Его губы искривились в улыбке.

В моем ослабевшем теле родилась нужда, тепло побежало по венам. Он сделал это, просто посмотрев на меня. Его власть надо мной была невероятной, неопишуемой, всегда была такой. Четыре года, что я не видела его, ничего не изменили. Каждой клеткой своего тела я желала его также сильно, как и в последний раз, как и в предшествующий ему, даже больше. Ведь в последний раз я получила его, и я страстно нуждалась в нем с тех пор.

Он видел эти изменения во мне, заметил в ту же секунду. Его ноздри расширились, и голод сделал его глаза темнее. Я знала этот взгляд. Дьюс оголодал. И едой была я.

Я любила этот взгляд. Под ним я чувствовала себя красивой, сильной и необыкновенно женственной.

Я втянула воздух через нос, заставляя себя стоять на месте, хотя больше всего хотелось побежать к нему, раздеть его догола и затрахать.

— Ты одна здесь? — грубо спросил он.

Я отрицательно покачала.

— Взяла Ками с собой.

Его глаза сузились, и я подавила смешок. Он определенно запомнил ее.

— Где она?

— Развлекается с твоими мальчиками.

Он хмыкнул.

— Кокс?

— И Рипер.

Он закатил глаза.

— Прекрасно.

— Коул! Кто эта сука, и почему блять она носит жетон Всадника?

Он повернул голову к Кристин.

— Что я нахрен сказал тебе? Уебывай отсюда!

Выражение ее лица стало холодным. Ледяным.

— Нет, — шипела она, — скажи мне, почему эта маленькая девчонка стоит в твоём кабинете, а на ее шее — жетон Всадника! Олд Леди [14] не получают такие, мальчики не носят их, пока не получают жилет Всадника, и ни одна девчонка никогда не получала жетон, и клубные шлюхи, я на сто ебанных процентов уверена, никогда не получали жетонов. Ну, так почему эта сука носит его?

Дьюс поднялся. Пряжка «Харлей» на его ремне провисла под своим весом на его низко посаженных широких джинсах, рваных и протертых, как и его белоснежная футболка. Говоря словами Ками: «Го-ря-чо».

— Убирайся, — прорычал он.

— ОТВЕТЬ, ПОЧЕМУ ОНА НОСИТ ЕГО!

С грохотом Дьюс опустил кулаки на столешницу, отправляя бумаги и папки в свободный полет на пол.

— Потому что я, блять, дал его ей.

Кристин наклонила голову в мою сторону.

— Маленькая ебаная шлюшка! — заорала она.

Моя челюсть отвисла, и я попятилась назад. Вот почему мой отец не позволял своим мальчикам приводить Олд Леди в клуб, только если не планировалось воскресное барбекю.

— Кристин! — рявкнул Дьюс. — Бери деньги, за которыми ты пришла, и выметайся отсюда.

Игнорируя Дьюса, она не сводила убийственного взгляда с меня.

— Что блять такого надо было сделать, чтобы получить его? — тихо и угрожающе спросила она. — Ты что, какая-то особенно талантливая блядь, берущая у троих за раз? Жетон был твоим гребаным призом за достижения среди шлюх? За то, что трахаешь чужого мужчину? Охуенно горда собой, ты, тупая, маленькая прошмандовка?

Ого. Просто... Ого. Ну и как реагировать на это?

Беспомощная, я смотрела на Дьюса. Я не знала, что сказать или сделать, и должна ли я вообще что-то говорить. Я не так представляла это всё. Ничего конкретного я не планировала, только неясные сценарии в моей голове, все они включали в себя Дьюса без штанов, ошастливленного моим появлением. Орущая на меня жена Дьюса, если честно, на ум как-то не пришла.

— Кристин, — он медленно произнес, и теперь это звучало страшно, — я повторю только один раз. Пошла вон из моего клуба.

— Я оставлю тебя ни с чем, — прошипела она, — я отберу у тебя все блять, что ты имеешь, твоих детей, твои деньги, и когда я расскажу сраным копам, что за дела здесь делаются, я

отберу твою ебаную свободу.

Все это давно проехало мимо указателя «ой как неудобно-то» и приближалось к «осторожно, опасность». Мне вообще не стоило здесь появляться. Пока они были заняты, испепеляя друг друга взглядами, я начала отступать к двери и наткнулась спиной на мощное тело.

Я узнала байкера, стоящего позади меня. Его звали Мик, и я видела его то тут, то там, пока росла. Его спутанные черные волосы были длинными. У него были очаровательные зеленые глаза и аккуратно подстриженная борода. Он был высок, мускулист и выглядел крайне раздраженным.

— Босс? — спросил он. — Помощь с этой стервой нужна?

Дьюс обходил свой стол и приближался к Кристин. Она встретила его во всеоружии, метнув в него свою сумочку. Он увернулся, подхватил сумку и, не сбавляя скорости, быстро оказался рядом с ней. Кристин покидала помещение, перекинутая через его плечо, визжа и вырываясь.

Дьюс с Кристин пересек комнату. Мик и я поторопились уйти с его дороги. Как только Дьюс ушел, Мик повернулся ко мне.

— Нахуй ты сюда приехала? — прорычал он.

Я разинула рот, но не могла произнести ни слова. Что?

Он покачал головой, глядя на меня.

— Я думал, Дьюс выучил свой урок, когда Проповедник отправил его в госпиталь, но, Господи, вы оба продолжаете нарываться на еще большие неприятности.

Мое сердце перестало биться.

— Что ты сказал? — прошептала я.

вернуться

13

Отделение клуба в каком-либо городе или штате, имеющее свой местный управляющий совет, подчиняются Президенту клуба. Президент соответственно управляет материнским чаптером.

вернуться

14

Олд Леди — постоянная подруга или жена байкера, имеет нашивку «собственности» с дорожным именем ее байкера, например «Property of Deuce»/ «Собственность Дьюса». Олд Леди находится под защитой, она неприкосновенна в отличие от всех прочих женщин, вертящихся вокруг клуба. Ее проблемы — проблемы ее байкера, за ним стоит клуб, соответственно она имеет право на защиту и помощь клуба.

— Твой старик, детка, ранил его дважды, он почти истек кровью. Был в срочной хирургии,

нуждался в переливании, пробыл в госпитале несколько недель.

Я моргнула, пытаюсь осознать все, что он мне сказал. Дважды подстрелен? Потерял кровь почти до смерти. Операция. Переливание.

— Из-за меня? — я могла только шептать. Мой голос дрогнул, глаза наполнились слезами. Я не знала. Если бы кто-нибудь сказал мне, я бы не приблизилась больше к нему. Я бы никогда не подвергла Дьюса опасности, Боже, какой глупой я была. Глупо было подталкивать его к сексу со мной. Еще глупей было думать, что мой отец не узнает. Он всегда знал, он все знал.

— Езжай, — скомандовал Дьюс, заталкивая жену в ее машину. — Сейчас.

— Кто она? — взвизгнула Кристин. Он закрыл глаза, морщась от этого звука. Господи, эта ебанутая женщина.

— Это не твое ебаное дело, кто она, сука. Теперь блять уезжай.

— Я же блять видела, как ты смотрел на нее! Ты никогда так не смотрел на меня! Никогда!

— Никогда не смотрел на тебя, как на нечто особенное, потому что ты никогда и не была ничем особенным, разве что редкостной чокнутой сукой.

Она вцепилась в него, обламывая накладные ногти. Схватив ее за плечи, он швырнул жену к машине.

— Давай блять выметайся, — крикнул он.

— Что блять не так со мной? — она требовала ответа. — Что есть у нее такого, чего нет у меня?

Он отпустил ее и отошел.

— Что не так с тобой? — он усмехнулся. — Ты не она, вот что с тобой не так. Что есть у нее такого, чего не достает тебе? Сука, у нее есть я. Вот чего блять у тебя никогда не было.

Он наблюдал, как она тяжело вдыхала. Она быстро моргала, пытаясь сдержать слезы, которые, он знал, вот-вот появятся. Ему хотелось бы пережить из-за этого, действительно хотелось бы. Но он не переживал. Больше не переживал.

Слишком много мерзкого дерьма случилось между ними за все эти годы, слишком много гребаных лет потрачено зря. Встретил ее в двадцать пять, женился, когда она залетела, жил в мучении с ней с того момента. Только нытье, крики и слезы. Терпел столько, сколько мужчина может терпеть это. Он перестал трахать ее годы назад, и сейчас он едва мог переварить ее на вид.

— Кристин, я оставляю тебя, переберусь куда-нибудь пока, — он говорил тихо. — Больше не могу выносить это дерьмо. Я не спал дома больше года, ты появляешься здесь, требуя деньги, предъявляя претензии и продолжая бесить меня своими ебаными угрозами. Я больше так не могу.

Она положила руку себе на горло, и ее обручальное кольцо с огромным бриллиантом

сверкнуло на солнце. Он годы не носил свое. Не для того, чтобы цеплять женщин, это никогда не было проблемой. Его тошнило видеть это кольцо на своей руке.

— Ты дал ей жетон, — хрипло прошептала она. — Ты никому из своих парней не позволяешь давать их своим женщинам.

Он смотрел на нее.

— Она никому из моих парней не принадлежит, она блять моя.

Он поразился, как легко и правильно это звучало. Четыре года прошло с момента, когда он был в ней, четыре года, думая о ней, гадая, чем она занималась, с кем она была.

Всегда думал о ней.

— Коул, — прошептала она, — не делай этого. Мы сможем все исправить, мы уже проходили это.

— Езжай, — рявкнул он. — И никаких ебанных камбэков! [15]

Он оставил ее в слезах и направился обратно внутрь. Едва дойдя до офиса, он услышал то, что заставило его кровь вскипеть.

— Да, детка. Он почти умер. Из-за тебя. И вот я стою здесь, смотрю на тебя, и мне интересно, почему он блять решил, что ты стоишь ебанных пуль, потому что я блять уверен, что ничего особенного не вижу. У тебя киска позолочена или как? Или это была ебаная невинная случайность, которая ему так понравилась?

— Что за нахуй? — взорвался он.

Мик обернулся. Одного взгляда на Еву было достаточно, чтобы привести его в еще большую ярость. Ее трясло, слезы лились по ее лицу.

Мик встретил его взгляд.

— Она должна была знать, через какой пиздец ты прошел, просто чтобы получить какую-то несовершеннолетнюю киску из Демонов, которая при любом раскладе того не стоит.

Тореадор махнул красным плащом. Ебанным, мать его, красным плащом.

Он сделал взмах, сначала его правый кулак, потом левый и снова правый. Мик отлетал назад с каждым ударом, пока не столкнулся со стеной. Хватая Мика за воротник, он смотрел ему в лицо.

— Снимай свой ебанный жилет и пошел нахуй из моего клуба. [16]

Мик вытаращил глаза.

— Ты не можешь...

Он врезал Мику по челюсти, и его брат [17] съехал направо, задев стену.

— Могу блять. Ты себе не представляешь, во что ты сейчас вляпался. Ни одной ебаной догадки. Думаешь, ты знаешь? Но ты нахуй и представить не можешь, потому что я ни черта тебе не

рассказывал, это не твое ебаное дело. Так что ты снимаешь свой ебанный жилет и сваливаешь нахер домой, и когда я блять сочту нужным, я отправлю Кокса вернуть тебя обратно.

Все еще держа Мика за футболку, он поднял его и вытолкнул из офиса. Мик упал, потом, качаясь, пересек комнату. Джейз увернулся с его пути, и Мик врезался в бильярдный стол.

— Выведите его отсюда, — прорычал он, конкретно ни к кому не обращаясь. — Если еще у кого-нибудь есть желание поговорить с Евой или сказать что-нибудь о ней, имейте ввиду, вы будете разговаривать с моим кулаком. Мы пришли к ебаному взаимопониманию?

Он получил в ответ кивки и согласное мычание, но уже захлопывал и закрывал на ключ дверь за собой.

— Ева, малыш, посмотри на меня.

Она покачала головой.

— Я должна уехать, — горько прошептала она. Все в его груди напряглось. Ни при каком раскладе он не позволит ей уйти.

— Ева, — сказал он жестче, — посмотри блять на меня!

Обхватив свои плечи, она отвернулась.

— Из-за меня в тебя стреляли, — прошептала она.

Блять.

— ЕВА, БЛЯТЬ! ПОСМОТРИ НАХУЙ НА МЕНЯ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ Я ВЫБЬЮ ЭТУ ДУРЬ ИЗ ТЕБЯ!

Она подняла голову, ее глаза сфокусировались на нем. Он ухмыльнулся.

— Малыш, не смей блять думать, будто что-то из этого дерьма случилось по твоей вине. Все очень просто и очевидно — это была моя вина, дорогая. Я должен был оставить тебя, но ничего блять не смог поделать с собой. В браке уже все было плохо, и там я увидел тебя с твоими великолепными сиськами, ты постукивала чаксами в ритм песни и болтала головой, подпевая сраным Зеппелинам. И ты выглядела так чертовски невинно, так охуенно мило. Не заботясь о сраном мире вокруг, только об этом моменте, здесь и сейчас. И, блять, как я завидовал, я бы руку отдал, чтобы жизнь снова была такой простой и понятной.

И потом, когда этот мелкий говнюк появился, я уже знал — он блять боготворит тебя. Когда он вывалил все это дерьмо на тебя, я понял, что он не отступится, пока не получит твою сладкую киску, и я поцеловал тебя, малыш. Потому что я эгоист, я хотел попробовать тебя, сладкую, прежде чем он получит всё это. И, детка, когда я поцеловал тебя, и ты ответила, не понимая, что ты делаешь, но все равно, делая это, не задумываясь, просто отдаваясь чувствам... Блять, я потерял себя в этом поцелуе. Не помню, чтобы когда-то поцелуй вот так лишал меня разума. Этот ебанный поцелуй, Ева, он вытащил меня из нескольких самых дерьмовых ночей. Этот ебанный поцелуй напоминает мне, что жизнь не так уж плоха.

Твой старик не знает о случившемся в переулке за клубом. Мне похуй, если он узнает, пусть я и расплачусь своей жизнью, потому что когда речь идет о тебе, дорогая, все остальное не имеет значения. Ты втягивала меня в это по самое охуенное «не могу», пока не стала всем, что я блять мог видеть, и мое гребаное дыхание покидало меня, когда я смотрел на тебя. Но мне

плевать, потому что ты, малыш... ты — это ты, и ты — ебаное совершенство, прежде ни в ком мне не встречавшееся.

вернуться

15

Камбэк = come back = возвращение, возвращаться

вернуться

16

«Надеть жилет» фактически означает быть принятым в клуб. Это те самые кожаные жилеты с комплектом нашивок на спине. У полноправного члена клуба их три: верхний рокер — название клуба, например, Hell's Horsemen, дальше «мишень» с эмблемой и статусом клуба и нижний рокер — название местности, где расположен филиал (город, штат, страна), к которому относится байкер, например Montana. Один из самых серьезных вариантов наказания байкера — это изгнание из клуба, на сленге «расшить», лишение права носить свой жилет с нашивками. «Расшитый» байкер снимает жилет, оставляет его и покидает клуб. Обычно так наказывают за крайние провинности.

вернуться

17

Имеется ввиду брат по клубу, брат по духу, образу жизни.

Знать, что мне ты отдала свой первый поцелуй и в первый раз всю себя, знать, что только мне досталось это, и никто никогда не сможет отобрать эти моменты, потому что они только мои. Блять, Ева... ни дня не прошло, чтобы я не думал о тебе и снова о тебе, и о том, как бы я хотел, чтобы все это дерьмо вокруг нас исчезло. Бог свидетель, дорогая, я не изменил бы ни одной ебаной детали, не считая того, как сильно ты связана с Демонами, и того, что я Всадник, и того, что я блять женат на самой тупой пизде на всей планете, и что твой старик — таков, каков есть. Вычеркнуть все это дерьмо — и ты заняла бы свое место на моем байке и в моей ебаной постели. И тебе не пришлось бы покидать меня, и я никогда бы не оставил тебя. И сейчас, женщина, ты должна начать то, за чем пришла, иначе мне придется сделать все самому.

Я рванула к нему, обняла за шею и уткнулась лицом в его грудь.

— Скучала по тебе, — прошептала я, — сильно-сильно.

— Да, малыш, — сказал он мягко, — теперь ты отдашь мне свой сладкий-трахни-меня-ротик или мне взять его самому?

Я потянулась к нему, он склонился, и я взяла все — его рот, его язык, я съедала его заживо. Четыре года прошли без него, без его завораживающих глаз и разительной улыбки, и его совершенных губ, и его совершенных рук, и его идеального тела, и его идеального члена. Желание, скользкое и обжигающее, накаляло мою кровь и кипело в низу моего живота. У меня было много времени, чтобы наверстать упущенное, и все равно начало слишком долго откладывалось с момента моего приезда.

Я судорожно сдернула жилет с его плеч. Он отбросил его в сторону.

Следом полетела футболка через всю комнату. Очередь моей футболки. Он задрал и снял ее через мою голову, отбросил в сторону. Потом моя грудь была в его руках, у него во рту, и я умерла прямо там счастливой райской смертью. Мы пробовали друг друга, касались, вцепившись друг в друга, но этого было недостаточно, даже близко недостаточно.

Я отпустила его, сползла вниз по его идеальному телу, опустилась на колени. После возни с его джинсами я взяла его в свой рот, всего его и снова насыщалась им, заживо. Его дыхание стало неровным, и его руки сжали мои волосы. Я охватила его бедра и ногтями впилась в них, удерживая себя прямо, иначе я бы просто рухнула под этими пьянящими острыми ощущениями, пульсирующими сквозь меня.

Я занималась любовью с ним моим ртом также неистово, отчаянно, как и всегда, когда целовала его в губы. Я не могла остановиться, я не хотела отрываться от него, я ощущала себя такой живой, принимая в себя всего его, насколько могла, так же, как и отдавала ему всегда все, что имела. Мой рот любил Дьюса, мои руки любили Дьюса, мое тело любило Дьюса. Любила, любила, любила, любила... Я любила Дьюса.

Любила.

— Детка, — прорычал он, больно стягивая мои волосы в кулаке. — Трахни... меня...

Он кончил, и я проглотила, тихо, жадно поскуливая, уже желая повторения. Я хотела владеть телом этого мужчины, врожденной сексуальностью этого мужчины. Я хотела обладать этим мужчиной. Я смотрела на него снизу вверх, сквозь мои влажные ресницы, трясясь, мое тело дрожало под давлением этого желания. Я желала его.

— Ева, детка, блять, ты знаешь, что нахуй творишь со мной? — он наклонился, касаясь моих щек, пробегая большими пальцами по моим трепещущим векам.

— Ты сводишь меня с ума, — выдохнула я. Боже, он не щадя делал это.

— Малыш, — прохрипел он, — да...

Подняв меня с колен, он перенес меня на его черный кожаный диван и раздел догола, освободился от джинсов и перегнул меня через ручку дивана. Обосновался между моих ног, прижал к себе, приподнимая, мои бедра и наклонился надо мной. Его грудь прижималась к моей голове, его живот терся о мою спину, и его растущая эрекция вдавливалась в меня.

Обнаженные друг для друга, в блаженстве, мы были так близки, кожа к коже.

Мать держит тебя на руках так близко к себе, когда ты появляешься в этом мире, кормит тебя своим собственным телом, кожа к коже. Твой отец смахивает слезы с твоих щек, прижимает свои губы к твоему лбу, кожа к коже. Ты занимаешься любовью, кожа к коже, с мужчиной, которого любишь, с прекрасным мужчиной. И потом, если повезет, твоя собственная малышка

увидит этот мир, и ты будешь держать ее на руках, так близко. Будешь кормить ее своим собственным телом, кожа к коже. Нечто из области магии.

Не сравнится ни с чем.

— Собираюсь поиметь тебя прямо сейчас, детка.

— Да, пожалуйста, — шептала я.

Он сделал толчок, входя в меня, и мое дыхание оборвалось. Он подался назад и вошел обратно внутрь, на этот раз жестче, на этот раз входя глубже. Я застонала.

— Малышка, — прохрипел он, — такая чертовски тугая.

— Только ты, — выдохнула я, — никого после тебя.

Он тяжело втянул воздух.

— Иисусе, Ева. Что блять я сделал, чтобы заслужить тебя?

— Ты — это ты, — простонала я.

Он вышел и снова вошел в меня. Мы оба застонали.

— Черт побери, твое гребаное тело, малыш, такое блять возбуждающее.

Он снова вышел и снова сделал толчок внутрь меня, еще немного глубже. Я подалась бедрами назад, пытаюсь взять его еще дальше в себя.

— Такая охуительно сладкая и хочешь такого мудака, как я.

Мягкими движениями его бедра вдавливались в меня, заставляя меня постанывать. Он повторил это еще четыре раза, прежде чем жестко вонзиться в меня. Это все, чего я желала. Мое тело расцветало для него, вытягивалось и простиралось, позволяя ему полностью оставить себя внутри меня.

— Не заботься обо всем том дерьме, которое я могу тебе отдать, ты просто хочешь меня ради меня самого, не из-за клуба, не из-за ебанных денег, просто хочешь меня.

Он вышел и обрушился обратно в меня. Я впиалась ногтями в кожу дивана и выкрикнула.

— Блять, — его голос был хриплым, его бедра непрерывно ударялись об меня, туда и обратно, наружу и обратно внутрь меня, мучительно медленно, — из ебаного ниоткуда ты появляешься в моем офисе, врешь, говоришь, что была тут неподалеку, и стоишь тут, надев жетон моего старика, всегда носила его, и падаешь прямо блять на колени передо мной.

Он прекратил движение, и я извивалась, прося продолжения, пока его пальцы не усмирили меня, крепко держа, больно впиваясь в мои бедра.

— Ты хочешь закончить жестко, малыш? — прошептал он. — Или ты хочешь медленно?

— Жестко, — выдохнула я.

— Да, — сказал он грубо, — ты хочешь, чтобы я тобой овладел, не так ли, малыш? Ты ждала

этого долго, чтобы я тобой владел, ждала?

О мой Бог, мое сердце собиралось взорваться. Я так сильно хотела этого мужчину. Я хотела, чтоб он обладал мной. Полностью, каждым дюймом.

Содрогаясь от желания, я ответила ему.

— Да, Дьюс.

— Охуительно сладкая девочка, — прохрипел он и вошел резко и глубоко. — Сладкая и красивая, — и снова, еще жестче.

— Пожалуйста, — стонала я, — еще.

Он ухватил мои бедра, приподнимая и подтягивая их к себе.

— Все, что ты пожелаешь, дорогая. Все, что ты блять захочешь.

— Тебя, — прошептала я, — все, что мне нужно — это ты.

— Блять, — пробормотал он, — блять.

Затем он дал мне все, чего я хотела, и он дал мне это жестко.

Убаюканная в руках Дьюса, я смотрела на него, едва в силах сфокусироваться, мое пресыщенное тело отяжелело и обмякло. Он провел рукой вниз по моему лицу, шее, через ключицу и по моей груди.

Я выгнула спину, вытягиваясь к его руке.

— Пиздец мне, — пробормотал он, сжимая мои соски, заставляя их отвердеть. Другой рукой он проскользнул вниз по моему животу до уровня моих бедер, водил пальцами по мягкому низу моего живота. — Знаешь, я такой, как ты, изумительной, не заслуживаю, — прошептал он мрачно, пробираясь рукой между моих ног, внутрь. — Мужчина не заслуживает ничего из того, что ему приходится красть.

— Ты и не крал это, — выдохнула я, изгибаясь на его руке, — я отдала все сама.

Смех искрился в его синих глазах.

— Так наивно, дорогая, — сказал он тихо. — Я украл тебя так давно. Примерно в то же время, что и ты блять украла меня.

Ты блять меня украла.

Он только что сказал это. Он, правда, всерьез сказал это.

— Я люблю тебя, — выдохнула я в его рот, когда это чувство и огромная, больше, чем сама жизнь, сила победила меня. И этой силой был Дьюс.

Он застыл, и туман удовольствия, в котором я плавала, мгновенно исчез. О нет. Онетнетнетнет.

Я ведь не произнесла это только что? Я не рассчитывала, что он будет вникать и постарается понять, что он значит для меня. Я сама едва понимала это. Я едва приняла это знание таким, каким оно было.

— Подожди... Это не то, что я имела ввиду, — я запнулась. — Я не... Я не хотела...

Дьюс не слушал меня. Он передвинул меня под себя, уложил на спину, между моих ног опустились его бедра, и он сделал толчок, входя обратно внутрь меня.

— Скажи это снова, Ева, — низким, угрожающим голосом сказал он.

Я прикусила губу.

— Малыш. Скажи это снова.

Я молчала. В основном потому, что он снова был во мне, так наполняя меня, такой большой, и он трахал меня восхитительно медленно. Я обмякла под ним, смотря ему в глаза.

Глаза, от которых я не могла оторваться. Глаза, что забирали меня внутрь него, где было тепло и безопасно. Глаза, которые я любила. И это был момент, когда я осознала, что он не трахал меня. Он занимался любовью со мной.

— Скажи это, — настаивал он, страсть росла в его глазах. Доминирующий. Притягательный.

— Я... не хотела...

Он двинул бедра в меня резко, вонзаясь.

— Ты любишь меня. Скажи это.

— Нет, послушай...

— Ты любишь меня.

Я сдалась.

— Да, — выкрикнула я, — я люблю тебя! Я любила тебя вечность!

Он закрыл глаза, и его голова упала мне на грудь.

— Блять, — прошептал он.

— Дьюс, — мой голос был едва слышен.

Он посмотрел на меня.

— Детка? — спросил он хрипло. Его глаза были прикрыты, его рот едва приоткрыт, его дыхание стало коротким и отрывистым. Бусинки пота на его лбу. Он не был Дьюсом, крутым байкером, и я не была Евой, дочерью его соперника. Он был мужчиной, опасно красивым, и я была женщиной, которую он хотел, и это было так охуенно прекрасно. Я хотела заморозить время и оставаться с ним в этом моменте вечность, касаясь, трахаясь и любя его.

— На меня, — сказала я, заведенная этой мыслью, — я хочу, чтобы ты кончил на меня.

Его тело напряглось, ноздри трепетали. У него едва хватило времени выйти из меня, прежде чем его тело разрядилось.

— Боже, детка... Блять... Ебанный Боже...

Смотреть на его оргазм было абсолютно потрясающе, прекрасно, как редкое полярное сияние. Его лицо замерло в напряжении, затем потеряло его, как только это началось. На мгновение он выглядел моложе, чем был, юный и уязвимый, каким я помнила его в день нашей первой встречи. Его глаза ничего не видели, веки были полуприкрыты. Короткий шумный выдох сорвался с его губ, согревая мою грудь. Влажное тепло потекло по моему животу, груди, и наконец пальцы Дьюса были во мне, дожимая меня изнутри. Все сжималось во мне снова и снова, подталкивая меня к оргазму.

Вынув пальцы из меня, он заскользил рукой по моему телу, втирая его влагу в мою кожу, в живот и грудь, по моим бедрам, втирая внутрь меня, все это время смотря мне прямо в глаза.

Он помечал меня.

Заявлял свое право на меня.

Владел мной.

— Скажи это снова, — скомандовал он.

— Я люблю тебя, Дьюс — прошептала я.

Глава 6

Мои веки открылись, и я сонно моргнула. Тяжелая, стальная хватка вокруг моего живота напряглась.

Я закинула руку назад, обвивая Дьюса за шею, притягивая его голову, чтобы увидеть его глаза.

— Доброе утро, — сказала я.

Его рука покинула мой живот и двинулась ниже, охватывая меня там, ладонью. Я увела ногу назад под его колено. Из глубины горла он издал животный голодный звук, который я почувствовала всем телом до пальчиков ног.

— Все болит? — спросил он грубо.

— Ага... — прошептала я. — В лучшем смысле этого слова.

Он усмехнулся.

— Ты хочешь этого?

— Пожалуйста, — выдохнула я.

— Ты хочешь этого жестко?

— Пожалуйста, — снова выдохнула я.

— Эта сука прикончит меня, — засмеялся он, — по-прежнему хочет этого по-грубому.

Ох Боже, он дразнил меня. Мы лежали в его постели, и он дразнил меня. Это было так... по-домашнему. Мне нравилось.

Он зарычал, входя в меня, и я застонала, растягиваясь под него, обтягивая его, понемногу выпуская его и, наконец, полностью принимая его. Всего его.

Я кончила, и я кончила жестко.

Качая головой, он издал смешок.

— Блять. Никогда не видел женщину, так на лету возбуждающуюся, как это делаешь ты, дорогая. То, как ты сжимаешь изнутри мой член и то, как твое тело дрожит, пока ты кричишь мне на ухо, вцепившись мне блять в волосы, впиваясь коготками в мою гребаную спину. Когда я выпущу тебя из моей постели, дорогая, я проведу остаток своей жизни, размышляя об этой киске, и мои яйца нахуй взорвутся, так и не найдя что-нибудь, хоть немного похожее на нее, малыш.

Мы сменили позиции, и он снова начал двигаться, в этот раз напористо, грубо и быстро, были слышны шлепки кожи о кожу. Затем медленно, так сладко, и наши блестящие от пота тела, растянулись вдоль друг друга.

Ничто не могло сравниться с этим. И никто не мог сравниться с Дьюсом.

— Ох... блять! — выкрикнула я, проклиная и преодолевая свой второй оргазм. — Пресвятое блять дерьмо!..

Он ухмылялся, смотря на меня сверху вниз, смех плескался в его красивых синих глазах, ямочки на щеках...

— Так-то лучше, — он благодарно проворчал, — вот это блять моя девочка.

Его девочка.

Как долго я ждала, чтобы он произнес эти слова?

Ева уснула после того, как он трахал ее все утро. Был полдень, и Дьюс с несколькими из своих парней сидели на заднем дворе клуба, пили и жарили стейки.

— Где горячая штучка? — спросил Тэп, не выпуская бутылку пива.

— Которая? — спросил Джейз. — Блондиночка или темненькая? Они обе что надо.

Зизер засмеялся.

— Блондинка была начинкой в сэндвиче «Рипер-Кокс» с самого начала.

Хоук разочарованно скривился.

— Вот это, блин, нечестно. Если бы я вышел первым, эта сучка была бы в моей кровати.

Дьюс пожал плечами.

— Ками — ебаная шалава. Сомневаюсь, что она была бы против, если ты б присоединился к их вечеринке.

— Эхх, — сказал Чип, — я уже пытался. Они не хотят делиться. Не то чтобы я винил их. Не так много свободных дыр осталось, когда они оба принялись за дело одновременно. Так как насчет твоей девочки, Босс? Хочешь передать ее дальше нуждающимся?

— Придурок, — пробормотал Джейз, — она не шлюха. Это Ева Фокс, Проповедника блять дочь. Та сука, которую наш Президент не рассчитывал больше увидеть когда-либо. Та сука, из-за которой его прострелили.

Чип вытаращил глаза.

— Я сам выпросил себе эти пули, — сказал Дьюс негромко, — там нет ее ебаной вины. Ей было шестнадцать. Я засунул руку в ее ебанные трусы, а свой язык ей в глотку. Он ее отец, ты серьезно блять винишь его за это?

— Если бы ты погиб, — сказал Марш жестко, — тогда да, я бы блять обвинял его.

— Шестнадцать, хм? — ухмыльнулся Дэнни Ди. — Неплохо.

Тэп нахмурился на Дэнни.

— Ты больной мудила. Моей дочери пятнадцать. Если какой-то говнюк старше ее, вроде Президента, окажется поблизости ее трусов, я закопаю его. Я допускаю разницу в возрасте в год для ее кавалеров, — Тэп повернулся к Дьюсу. — Но не ебанных восемнадцать лет разницы.

— Все не так, — ответил он, не торопясь, чувствуя себя странно смущенным. — Дело не в разнице в возрасте, здесь я ничего не мог поделать. Никогда не мог. Она нравилась мне еще с того момента, когда была всего лишь ребенком. Сейчас она стала женщиной, и моему члену она тоже нравится. Но дело никогда не было в разнице в возрасте. Говоря проще, дело всегда было только в ней, в том, какая она.

Его парни уставились на него, будто у него вторая голова выросла.

— Черт, Босс, — проговорил Джейз. — Просто... Черт возьми.

Глава 7

Не считая Кокса, Рипера и Мика, так и не вернувшегося обратно в клуб, я познакомилась с Блу, Зизером, Чипом, Бакетом, Уормом, Вольным, Хоуком, Маршем, Дэнни Ди, Дэнни Эль, Трэмпом, Дурманом, Тэпом, Темным и Джейзом.

Больше остальных мне понравились Кокс, Зизер и Вольный. Зизеру было восемнадцать, и он едва стал полноправным членом клуба. Его жизнь, как и моя, с рождения протекала в клубе. Еще он напоминал мне о Фрэнки с его глазами цвета темного шоколада и волосами до плеч, которые собирались в хвост на затылке. Он был высок, худощав и все еще не утратил некую невинность и простодушие, которые, я точно знала, вскоре будут стерты из него.

Догадаться, как Вольный получил свое имя, было несложно. Длинные серо-черные волосы свисали сальными прядями до середины его спины. Он лысел, но неплохо прикрывал это

банданой, повязывая ее в стиле Брэта Майклса [18]. Его серая борода была заплетена в косу, болтавшуюся до середины его груди, и он все еще носил джинсы-клеш, которые были столько раз перепрошиты заплатками, что я не была уверена, осталось ли там хоть немного фабричного денима. Его руки были покрыты татуировками: знаками мира, инь-янь, словами о свободе, мире и чистой дороге. Немного лицемерно для байкера, принадлежавшего к Всадникам Ада, но кому какое дело. Я смеялась над его пошлыми шуточками.

Клубные шлюхи были не так уж испорчены и дурны в сравнении с теми, что постоянно ошивались у Демонов в Нью-Йорке, половина из последних были самыми, что ни на есть, настоящими проститутками. Но это не означало, что своих проблем у местных девочек не хватало. Главной проблемой было их отчаянное желание сменить свой статус на Олд Леди. Но они быстро делали одну и ту же ошибку — спали со всеми подряд в клубе. И зависали в этом положении навсегда. Ни один байкер не посадит на свой байк женщину, которую имела добрая половина его братьев.

Меньше всего мне пришлось по душе обесцвеченная блондинка по имени Миранда. Ей было двадцать пять, выпнута из старшей школы, мама двоих детей, имена отцов канули в лету. Когда я спросила, где ее детки, куда она отдавала их, пока была в клубе, — а она, похоже, была тут круглые сутки — она ответила, что право опеки передала своей матери. Этот факт был мерзок. Я не испытывала симпатий к тунеядкам, бросившим своих детей.

Дьюс, приподняв бровь, одарил меня ленивым взглядом, когда я спросила, был ли он с ней.

— Малыш, — произнес он в тоне, подразумевавшем, что я задала самый дурацкий из возможных вопросов.

Я вихрем вылетела из кровати, а он хохотал надо мной. Мгновением позже я повисла, переброшенная через его плечо, и была возвращена в постель.

На возраст и внешний вид шлюхи были самыми разными, как и байкеры, которых они обслуживали. Некоторые были юны, другие — среднего возраста. Некоторые были худые, обделенные женскими изгибами, другие — пухлыми с чрезмерными изгибами тел, не добавлявшими им красоты. Большинство можно было описать так: средней внешности женщины, носившие слишком много макияжа и слишком мало одежды. Все они были жалкими.

Все кроме Дороти, миниатюрной рыжеволосой женщины с очаровательными веснушками. В свои двадцать четыре она была замужем и имела семилетнюю дочь. Ее муж, редкостный подонок, был водителем грузовика и отсутствовал три недели в месяц. Она просыпалась по утрам, отвозила дочь в школу и затем отправлялась в клуб.

Помимо ее единственных отношений с Джейзом, который сильно влип в браке и потому не давал ей статус Олд Леди, она выполняла в клубе оплачиваемую работу. Убиралась, готовила завтраки и обеды братьям, занималась стиркой их вещей. Джейз был в клубе всегда, когда она была там, они проводили час-другой вместе в его комнате, он уходил, и она возвращалась к работе. Около трех часов Дороти уезжала забрать дочь и не возвращалась в клуб до следующего утра. Время от времени она оставляла ребенка у одной из своих сестер в пятницу или субботу, чтобы они с Джейзом могли провести ночь вместе. Все это я узнала, пока она готовила нам с Ками ланч, и в итоге мы проболтали вместе полдня.

Джейзу было двадцать пять, морпех в запасе. Он был великолепным мужчиной — короткая военная стрижка и обалденное тело. Клубные шлюхи слетались на него как мухи на дерьмо, и

Дороти, очаровательная, но по-прежнему остающаяся для него «девчонкой по соседству», просто принимала это, как данность. Она была из той лучшей породы, из которой становятся Олд Леди. Она была прекрасным человеком, женщиной, любившей Джейза, разгребавшейся со всем дерьмом его байкерской жизни и готовой ввязаться в еще большее дерьмо ради него. Вот только она никогда не будет его Олд Леди. У Джейза она уже была.

Со всем этим знанием я не могла решить, как мне относиться к Джейзу. Исходя из того, что я видела, он хорошо заботился о Дороти. Я заметила, как он положил деньги в ее кошелек, пока она не видела, и самое важное — при ней он не кутил и не устраивал загулов, но тем не менее...

Он был женат на девчонке, которую начал трахать еще в школе (эта информация тоже была вытянута из Дороти), и, как я поняла, вся эта ситуация счастья ему не доставляла. Он хотел урегулировать все, прежде чем втянуться в глубокие отношения с кем-то еще.

Такая типичная ситуация. Привычная для меня. И еще для меня было привычным делом не открывать рот, осуждая кого-либо.

— Земля вызывает Еву, Земля вызывает Еву, — нараспев произнесла Дороти, помахав рукой перед моим лицом.

Я отдернулась, и она засмеялась.

— Ты слышала, что я сказала?

— Нет, — ответила я честно, — я была в своих мыслях.

— Она почти всегда проводит время в своих мыслях, — уточнила Ками.

Я перевела взгляд на нее.

— Кстати, о птичках... Где Кокс и Рипер?

Уже был обед, и ни одного из них с прошлой ночи, когда они утащили Ками за собой, я больше не видела.

— Отсыпаются после меня, — чувствовалось, что Ками горда собой. Мы с Дороти рассмеялись.

— Кстати, пора уже их будить, — последний кусочек сэндвича с ветчиной был отправлен в рот, Ками выскользнула со стула и не торопясь пересекла кухню. Несмотря на недостаток сна и интенсивную ночную «тренировку» она выглядела красивой и грациозной.

— Эй, Дьюс, — промурлыкала она.

Я обернулась. Подняв руки над головой и опираясь о дверной косяк ладонями, Дьюс стоял в проходе, его мышцы напрягались в этой позе, черная футболка слегка задралась, обнажая потрясающий пресс. Его тело было в машинном масле после гаража.

Ками смотрела на него, как на мороженое, политое горячей помадкой.

— Полегче с моими мальчиками, женщина, им предстоит разгрести кое-какое дерьмо сегодня.

Он отошел, освобождая ей проход, и занял стул, только что оставленный Ками.

— Ты доведешь меня до сердечного приступа, малыш!

Я отхлебнула кофе.

— Что?

— Это гребаное платье, малыш. Оно меня прикончит.

Я опустила глаза на мое летнее платье без бретелек. Темно-зеленого цвета, без выраженного силуэта, из мягкого хлопка, длиной до середины бедра. Платье было простым, удобным и очень «моим». И ничуть не сексуальным, его даже близко нельзя было сравнить с той одеждой, что носили девушки вроде Ками.

— Эм... Серьезно? Оно выглядит, как большой зеленый мешок.

Он нахмурился.

— Нет, малыш, вовсе нет.

Именно этот момент выбрал Джейз, чтобы объявиться на кухне. Он пересек комнату и, образно говоря, сбил Дороти с ног, заключив ее в страстные объятия. Вы такое, наверное, в кино могли видеть.

— Скучал по тебе, детка, — он выдохнул эти слова прямо ей в рот.

— Вчера виделись, — хихикнула она.

Он убрался обратно из кухни с Дороти, обвинившей ногами его талию, а руками — его шею.

— Ева, — крикнула Дороти, — ты останешься здесь на барбекю?

— Двадцать четыре часа, — прогрохотал Джейз, — детка, прошло двадцать четыре ебанных тоскливых часа без тебя, и ты щебечешь о каком-то барбекю. Сейчас настало мое время, лучше сосредоточься. Позволь, наконец, снять тебе собственную квартиру, чтобы я мог видеться с тобой в любое блять время, и тебе точно будет легче сосредотачиваться. На мне. Просто дай мне возможность позаботиться об этом, и я...

вернуться

18

Известный рок-музыкант, продюсер

Двери закрылись за ним, оставляя нас с Дьюсом наедине.

— Насчет барбекю. Как надолго ты останешься, малыш?

Мой взгляд скользнул обратно к Дьюсу. По выражению его лица было непонятно, хотел он моего присутствия тут или нет.

— Малыш?

— Ну...

Смеясь, он потянулся ко мне, сажая меня к себе на колени. Я была в его объятиях, и он уткнулся лицом в мою шею.

— Сколько времени у тебя еще есть? — пробормотал он.

— Все лето, — прошептала я.

— Тогда ты останешься в моем коттедже.

О Боже. Он хотел, чтобы я осталась на все лето. В его доме.

— Клубный дом вполне подходит мне, — прошептала я в ответ, ослабев в его руках от этого открытия.

— Нет, малыш. Знаю, ты привыкла к этому, но я не хочу, чтобы ты видела всю ту херню, которую мальчишки творят здесь пьяными.

— Меня это не волнует.

Он усмехнулся.

— Тебя волнует, не трахаю ли я Миранду.

— Не волнует, если это уже в прошлом! — я прищурилась. — Ведь это в прошлом, так?

— Ты здесь. Это в прошлом, — снова усмехнулся он.

Ха. Не уверена, что этот ответ мне понравился.

— Малыш, Олд Леди в клубе не тусуются. И чертовски уверен, ни одна здесь не ночевала. Ты сама знаешь это.

Что?

Что?!

Я вывернулась в его руках так, что мы оказались лицом к лицу.

— Как ты меня только что назвал?

— «Малыш»? — он удивленно поднял брови.

— Нет! — выкрикнула я. — Ты назвал меня Олд леди! А я не Олд Леди! Я Демон. Я во всем этом дерьме родилась, выросла и не собираюсь сидеть под замком в каком-нибудь загородном доме, неизвестно где расположенном, ожидая пока ты соизволишь составить мне компанию!

— Ты закончила? — спросил он невозмутимо.

— Ты позволишь мне находиться в клубе?

— Нет.

Я слезла с его колен.

— Нет? — прошептала я.

— Верно, малыш. Нет. Ты останешься в моем доме, и я буду с тобой, если мне не нужно будет отлучаться по делам клуба.

— Мне ты не позволишь остаться, а Ками — да? — я продолжала глазеть на него.

Выражение его лица стало жестче.

— Ками — ебаная шлюшка, — сказал он четко. — Прямо в этот момент она заперлась сразу с двумя из моих ребят в одной комнате.

— ПОШЕЛ ТЫ НАХУЙ! — бросила я ему. — Если бы я хотела такого обращения с собой, то могла просто залезть в любую койку к Демону, а не в твою!

Не успела я моргнуть глазом, как Дьюс встал и схватил меня за плечи.

— Первое, — прорычал он. — Не смей блять в таком тоне разговаривать со мной. Никогда. Второе, ни при каких обстоятельствах я не позволю тебе тут зависать, так что блять прекращай спрашивать об этом. Третье, сука, ты упоминаешь еще раз при мне это дерьмо о том, что ты могла бы быть еще в чьей-то постели, и я сажаю тебя обратно на самолет до Нью-Йорка, чтобы ты поскорей заползла в чью-нибудь ебаную койку и могла там оставаться.

Глядя на него снизу вверх, наблюдая, как напряжение образует морщины вокруг его глаз, его ноздри расширены, его губы сжаты в тонкую белую линию, слыша гнев в его голосе... Все это заставляло мой желудок сжиматься. Я не знала этого Дьюса, смотрящего на меня. Это был Дьюс, опасный байкер, с которым лучше не связываться, хладнокровный убийца, разъяренный. Из-за меня.

Что я натворила?

Моя губа задрожала, и я прикусила ее.

— Ты поняла меня, Ева?

Я кивнула.

— Так скажи это! — прорычал он.

Черт... Даже мой отец, когда был зол, никогда так не говорил со мной.

— Я поняла тебя, — прошептала я.

Он встряхнул меня и подтолкнул в сторону дверей.

— Иди в мою гребаную комнату, если собираешься плакать. Последнее, что я хочу видеть в моем ебаном клубе, так это плачущих женщин.

Слезы потекли по лицу, я вслепую толкала двери перед собой, проходя в самую даль по коридору, через холл с дверями, ведущими в спальни, добираясь до самой дальней, принадлежавшей Дьюсу.

Порывшись в рюкзаке, я вытащила кредитку и набрала авиакомпанию.

Я собиралась домой.

Дьюс пробежался руками по волосам. Блять, она вывела его из себя.

Назвала себя Демоном! О чем нахуй думал Проповедник, растя ее прямо в клубе? Каждый в их ебаном сообществе знал, кто такая Ева Фокс. Нахера Проповедник это сделал? Иисусе. Он не собирался к хуям перекраивать свою жизнь из-за какой-то сучки только потому, что он пиздец как помешался на ней.

— Ээй...

Он обернулся и обнаружил Миранду, толкающую дверь на кухню.

— Хочешь перекусить, малыш? Я собиралась приготовить себе салат.

— Да блять! — сказал он грубо. — Я голоден.

Миранда была его сукой. Он не делился ей. Он дал ей комнату в клубе, чтобы иметь доступ к ее телу в любое удобное ему время. С прибытием Евы он вынужден был отправить ее жить в отдельную, оплачиваемую им квартиру.

И он всерьез собирался пересмотреть это решение.

Схватив Миранду за ее тоненькую талию, он поднял и усадил ее на угол кухонного стола, сдергивая лямки ее топа, добираясь до ее бюстгалтера размера D, который он купил ей пару лет назад.

— Ты закончил с этой маленькой девочкой? — проурчала она ему.

— Заткнись, — пробормотал он в ответ, прижимаясь губами к ее рту.

Сделав бронь на завтрашний рейс, я вытерла слезы и отправилась на поиски Ками. Я нашла ее в спальне Кокса в весьма компрометирующем виде вместе с хозяином постели и Рипером. Уверена, эта сценка еще не раз приснится мне в кошмарах. Я сказала, что хочу переговорить с ней позже и захлопнула дверь.

Затем я двинула в переднюю часть здания, сказать Дьюсу, что уезжаю. Его не было в офисе Президента и в главной комнате клуба. Оставались кухня и ванные. Для начала я решила проверить кухню.

Главным образом мне была видна спина Миранды, однако и Дьюса за ней я смогла хорошо разглядеть.

Я не собиралась плакать. Нет. Я не собиралась рыдать только потому, что он оказался не тем мужчиной, которым, как я думала, он был. Сама виновата. Поставила его на пьедестал, в то время как в действительности он был всего лишь еще одним байкером, врущим, изменяющим, крадущим, который не в силах устоять перед очередной клубной шлюхой.

Он видел меня, стоящую в проходе. Если он и удивился или почувствовал хоть какую-то вину,

то по нему этого нельзя было определить. За это я была благодарна. Слезы, жгущие мои глаза, сменились гневом. Гнев заставлял меня смотреть ему в глаза, не отводя взгляд.

Я все еще стояла там и смотрела, как вдруг сигнализация на главных воротах сработала.

Зизер вихрем влетел в холл мимо меня.

— ОБЛАВА! — проревел он на весь клуб. Еще несколько братьев следовали за ним, сдерживая панику. Кокс и Рипер бежали следом без рубашек, застегивая джинсы на ходу.

Я зашла в кухню, избегая давки в коридоре. Миранда спрыгнула с Дьюса и уже натягивала свой топ обратно. Не глядя на меня, Дьюс прошел мимо.

Миранда поймала мой взгляд.

— Ева, — сказала она мягко, — ты очень милая девочка, поэтому я скажу тебе сразу. Дьюс никогда не довольствуется одной женщиной. И никогда не будет. Ты сделаешь себе же лучше, если найдешь хорошего парня, который оценит все то прекрасное, что у тебя есть. Всегда будет ценить, а не от раза к разу.

Она говорила так искренне. Она даже выглядела так, будто извинялась.

Я пожала плечами.

— Неважно. У меня летние каникулы, и я просто хотела развлечься подальше от отца и брата, вечно дышащих в затылок.

Ложь. Самая большая ложь, которую я произносила когда-либо. Но последнее, в чем я нуждалась, так это чтобы клубная шалава жалела меня. Она купилась. Затем ушла в свою комнату дальше по коридору, чтобы спрятаться и переждать рейд. Я все еще стояла здесь, на кухне, смотря в никуда, когда Дьюс вернулся обратно.

— ATF [19] снаружи. У нас есть примерно две минуты, прежде чем они вынесут ворота, — сказал он. — Проповедник, скорее всего, использовал тебя раньше, так?

вернуться

19

ATF или ЭйТиЭф — это федеральное агентство США, в полномочия которого входит широкий спектр задач: от контроля оборота оружия и алкоголя до расследования убийств и контроля за криминальными группировками

— Да, — ответила я.

Он передал мне связку ключей.

— Эти от дверей. Код ворот 009673.

Я кивнула.

— 009673, - повторила я.

Он смотрел на меня.

— Иди, — сказала я. — Делай то, что должен, я задержу их.

За воротами стояли «белые воротнички» — специальные агенты, надевшие по случаю рейда бронежилеты поверх своих офисных рубашек. Позади них спецназ выгружался из автозаков, все одеты в военную полевую форму армии США. На них тоже были бронежилеты, но не такие, как у агентов. На бедре у каждого был закреплен Глок [20], а за их плечами болтались штурмовые винтовки.

— ATF, — представился старший из агентов, — вам лучше открыть ворота.

— Что-то случилось? — улыбнулась я.

Другой агент, молодой, весь выхоленный и вычищенный, злобно помахал какой-то бумагой передо мной.

— Ордер, — гавкнул он мне, — открывай ебанные ворота!

— Могу я взглянуть? — сладко поинтересовалась я.

Он сунул клочок бумаги через ворота, и я быстро пробежалась взглядом по документу. Обыск с правом изъятия вещдоков, дата верна, подписано судьей. Все было законно. Отдав обратно ордер, я использовала все возможное время, набирая неправильный код снова, снова и снова, протянув еще почти пятнадцать минут. Агенты были злы на меня.

Электричество оживило ворота, и они распахнулись, пропуская спецназ, заполонивший весь асфальт перед клубом.

— Передние двери заперты!

— Боковые входы заперты!

Я закатила глаза. Ну конечно, они были заперты. Я же не была идиоткой, чтобы не проверить их и оставить открытыми.

— Готовьтесь выбивать входы!

— Подождите! — крикнула я. — Не надо ничего выламывать. У меня есть ключи!

Тот молодой хлыщ, агент, обернулся и глянул на меня.

— Иди сюда! — снова рявкнул он мне.

Я поторопилась подойти к дверям, прилизанный агент пригнулся ко мне.

— Открывай! — прошипел он.

Первый ключ пошел в ход, и, разумеется, не подошел. По правде говоря, я не знала точно, который подойдет. Дьюс не сказал.

На третьем ключе агенты орали на меня. К шестому ключу этот хлыщ схватил меня за волосы и грубо оттащил от дверей.

— Дай ключи, — прорычал он и выхватил их из моих трясущихся рук.

Когда двери были открыты, меня отшвырнули в сторону, чтобы толпа могла беспрепятственно войти. Кроме ATF в общей комнате клуба никого не было. Я приткнулась в угол рядом с баром и наблюдала, как все помещение переворачивали с ног на голову. Кожаные диваны были вспороты, плазмы разбиты, двери были сорваны с петель. Треск и звуки ломающегося пластика и дерева слышались из офиса Дьюса и из кухни.

Вокруг было столько беготни и шума, что того агента я не заметила вновь, пока он не появился прямо передо мной, тяжело дыша, с покрасневшим лицом, искаженным от злости.

— Где они? — проорал он, брызги его слюны долетели до моего лица.

Я затрясла головой, стирая их со своей щеки.

— Я не знаю, — прошептала я. Ну серьезно, я ведь правда не знала, куда делись байкеры.

Он сжал мою руку и сильно встряхнул меня.

— ГДЕ ОНИ?

У меня наворачивались слезы. Всадники должно быть никому из федералов не приплачивали, иначе всего это не произошло бы.

— Пожалуйста, — взмолилась я, — я правда не знаю.

Мое лицо пронзила боль. Рот наполнялся кровью. Его удар пришелся слева по моей челюсти с такой силой, что я закачалась и попятилась назад к стене. Он приблизился, и я отвернула голову к стене, готовясь к следующему удару. Его кулак пришелся прямо мне в живот, я почти лишилась дыхания, легкие горели. Я согнулась вдвое, обхватывая себя, задыхаясь в попытках глотнуть воздуха.

— НАШЕЛ! — прогремел чей-то голос. — Потайной ход! Подвал!

Братьев заводили по одному в комнату, руки в наручниках за спинами. На достаточном расстоянии друг от друга их расставляли у дальней стены.

Дьюс был среди них. Он непрерывно смотрел в толпу. Когда он остановился на мне, лежащей на боку, сжимающей живот и пытающейся дышать, он напрягся как струна, злость сверкнула в его взгляде. Мой взгляд затуманили слезы, комната поплыла.

Я распознала голос молодого агента.

— У меня есть свидетели, готовые подтвердить, что ваши парни в Вегасе вскоре встречаются для сделки с парнями Кёртиса. Факты таковы: я уже в курсе, что вы продаете на местах их дерьмо. И еще я точно знаю, что нынешний товар пока не перевезли в Вегас. Не будем еще больше осложнять ситуацию. Вы говорите мне, где блять спрятано оружие, прекращаете всю движуху по Кёртису, а я в свою очередь постараюсь облегчить вашу участь.

— Ни одной ебаной догадки, о чем ты тут треплешься.

Думаю, это был Кокс, но не уверена.

— Серьезно? — хмыкнул агент. — Винтовки АК-47, пистолеты АК-40, семимиллиметровые FN-5 и пятидесятимиллиметровые винтовки, всего двадцать пять сотен единиц оружия. И все от Кёртиса. Ну как, есть просветы в воспоминаниях?

— Нет, — это был Дьюс.

— А как насчет двух килограмм кокаина, тысячи грамм крэка и фунта метамфетаминов? Все перехвачено вчера. И везде твои росписи, Уэст.

Твою мать. Дьюсу придется платить из своего кармана за это. В каком состоянии финансы Всадников я не была в курсе, но в любом случае — это серьезный удар.

— У тебя есть доказательства?

Молчание растянулось на несколько ударов сердца.

— Они будут, — послышался едкий ответ.

— Желаю ебаной удачи, говнюк! — это определенно был Зизер. Последняя его фраза сопровождалась звуком удара, послышалось, как Зизер откашливается. Он только что получил удар в живот.

— Где команда Дэвиса? — крикнул незнакомый голос.

— Все еще ищут, — последовал ответ.

— Ну, давайте, скажите мне, что кто-нибудь из вас тут что-нибудь нарыл!

— Кроме нескольких баб, прячущихся по комнатам ничего нет, все чисто. На все найденное оружие у этих мудаков есть разрешение. Ничего. Ни одной чертовой зацепки. Даже ни одного пакетика с гашем.

Если бы не боль, я бы даже засмеялась. Кто-то упомянул дурь? Seriously? В клубе? Очень смешно.

— Проверил девчонок?

— Всех кроме той, что там на полу. Но лучше посмотри на эту херню. Одна из них — дочь Сенатора и наследница Карлсон Фуд.

Я сглотнула. Они говорили о Ками. Если ее родители узнают... У нее будут проблемы.

Напротив моего лица остановилась пара ботинок, один из них пнул меня по ноге.

— Имя? — скомандовал мужской голос.

— Ева... Фокс, — прохрипела я.

Мужчина присел и наклонился ко мне. Его обрюзгшее красное лицо появилось в поле моего зрения.

— Ева Фокс? — повторил он медленно. — Кто твой отец?

Два варианта. Либо это закончится очень плохо для меня, либо очень удачно. Я не знала, на какой вариант рассчитывать, поэтому мой ответ звучал тихо и напугано.

— Дэймон Фокс.

— Вот дерьмо! — пробормотал он. Он взял меня на руки — одна рука обхватила мою спину, другая перехватила меня под коленями — поднял и усадил на барный стул. Все еще прикрывая живот, чувствуя, что в любой момент может последовать удар, я подалась вперед и прижалась лбом к барной стойке.

— Кто нахуй избил ребенка Дэймона Фокса? — громко спросил краснолицый.

Стояла тишина.

— Я, — это был голос молодого агента. — Она дурила нас, тянула время.

— Ну, ты и долбоеб! — огрызнулся кто-то на него.

Отлично, кажется, события разворачивались в мою пользу. Или отец платил им, или они не желали с ним нахрен связываться.

Очень аккуратно и мягко на мое плечо опустилась рука.

— Мисс Фокс?

Я медленно повернула голову. Краснолицый наклонился ко мне.

— Я написал на обороте моей визитки, как зовут того урода, что избил вас. Отдайте ее Проповеднику, расскажите, что он сделал с вами. И я буду признателен, если вы упомянете, что больше к вам никто не прикоснулся.

Однозначно ему приплачивали. Наверняка получал свой процент, прикрывая нелегальный сбыт оружия, которое он должен был конфисковывать. Возможно, половину конфиската отправлял прямо к моему отцу для перепродажи.

вернуться

20

Глок/Glock — австрийский автоматический пистолет производства GlockGmbH.

— Хорошо, — прошептала я, точно зная, что никогда ничего не скажу отцу. Сначала исчезнуть, а потом появиться перед ним, избитой агентами ATF?..

Ничего хорошего не выйдет. Ни для меня, ни для ATF.

Рука легонько потрепала мою спину.

— Хорошо, — прошептал он в ответ. Он оставил визитку на барной стойке и вышел из здания.

Дьюс нес Еву на руках через холл в свою спальню. Пнув дверь на своем пути, он уложил ее на кровать и осматривал расплывающийся на одной стороне ее лица синяк. Она упомянула, что ее старик не знал, куда она поехала, значит, она не скажет ему, что здесь случилось. А значит, агентом он займется сам. Его устраивал такой вариант. Эта ебаная девчонка только что получила за него и за весь его клуб.

— Я в порядке, — прошептала она, — у него удар, как у девчонки.

Ебать его. Идеальна. Она была идеальна, чтобы стать Олд Леди. Совершенное лицо в форме сердца, большие серые глаза, нежная кожа и «трахни-меня-губки». Идеальные сиськи, длинные ноги и плоский животик. Совершенные изгибы ее тела, по которым хотелось пробежаться рукой. Длинные волосы, так хорошо лежавшие в его руке.

А он вышел из себя. Позволил своему дурному характеру взять верх над собой и все нахуй испортить.

Вздохнув, он присел на кровать рядом с ней.

— Насчет того, что случилось, — начал он, — я...

— Не надо, — прошептала она. — Я все понимаю. Глупо было ожидать каких-то обязательств от тебя. Я уезжаю завтра.

Все сжалось в его груди. Зачем он так давил на нее. Он был отвратительно вспыльчив, не мог думать ясно и рассуждать четко, когда был в гневе. Добавить к этому Еву Фокс, и в его голове включался режим «клинический идиот».

— Нет, малыш. Ты не уедешь.

Ну же, вот. Теперь она не должна покинуть его.

Вспышка мелькнула в ее глазах.

— Да, Дьюс, я уеду. Ты ясно дал понять, что в клубе мне не место, что ты не хочешь видеть меня неподалеку от своих парней, и я должна сидеть дома под замком все лето. К тому же мы с Ками собирались махнуть на Гавайи.

Она врала. Он видел по ее глазам.

— Малыш, успокойся. Ты можешь быть в клубе со мной, когда я не занят работой.

Она хмыкнула, затем поморщилась от боли.

— Прости, *малыш*, но я уже приняла решение. И ты не дал мне шанса засомневаться в своем решении, когда решил, что я должна делиться тобой с кем-то. Папочка будет в ярости, когда я вернусь. Уверена, что если притащу какую-нибудь венерологическую хрень в качестве сувенира, то буду навечно заперта в своей комнате.

Ебаное дерьмо. Она снова срывалась на него, и он снова терял самообладание.

— Женщина, ты окончательно ебнулась, если думаешь, что я позволю тебе уйти. Ты блять появилась здесь из ниоткуда, потому что хотела меня. И ты блять полностью меня получила. Я скажу прямо: нескольких ебанных дней недостаточно. Так что блять прими это во внимание, потому что ты нахуй остаешься.

Ее лицо разгладилось, никаких эмоций.

— Отъебись от меня! — сказала она невозмутимо. — Прямо сейчас.

Его руки сжались в кулаки.

— Ева, прекрати! — прорычал он.

Она перевернулась на другой бок и отвернулась от него.

В напряжении он поднялся с постели и направился к двери. Последний раз посмотрел на нее. Она смотрела в никуда.

Я проснулась, когда стемнело. Кровать скрипнула, Дьюс прилег передо мной. Он оставался на своей половине кровати, не обняв меня, не прижав к себе. Я не могла закончить все вот так. Только не с ним. Мой живот все еще ныл, хотя боль даже не шла в сравнении с ощущениями на лице. Ничего не поделать пока. Я перевернулась и забралась на него.

— Эй, — прошептала я.

Его руки обвились вокруг меня.

— Ты все еще злишься на меня, дорогая?

Вместо ответа я поцеловала его. Мы оба тяжело, возбужденно дышали, когда я оторвалась от него. Я потерлась своими губами о его губы и прошептала:

— Ты хочешь этого жестко или ты хочешь этого медленно?

— Детка, — ответил он сдавленно, — блять, я хочу тебя медленно.

И я дала ему это, не торопясь.

Он проснулся один.

Дьюс повернулся, и воздух был единственным, что он почувствовал. Он оглянулся по сторонам, ища Еву, пусто. Щелкнул по настольной лампе. Евы нет. Айпода на прикроватной тумбе нет. Чаксов у двери нет. Рюкзака на полу нет. Желудок сжался изнутри.

Натягивая джинсы, он пошел к Коксу, пнул дверь в его комнату. Рипер громко храпел, растянувшись во всю длину на кресле.

Кокс, лежа на животе, поднял голову.

— Босс?

Он оглянул комнату. Ками нет.

Тиски вокруг его груди сжались, причиняя невыносимую боль.

— Где твоя гребаная сука?

Кокс посмотрел налево от себя.

— Твою мать, — пробормотал он. — Кажется, я слышал какой-то шум, решил, что она опять трахает Рипера. Ебаное чистилище. Я собирался сделать ей предложение.

— Ты уже женат, дебил! Мы нахуй не в Юте [21], — он хлопнул дверью и спустился в холл.

Блу сидел в одиночестве за баром. Двадцать семь лет, две пачки сигарет в день, прогрессирующий алкоголизм и все еще здоров, как подросток.

— Ева? — спросил Дьюс.

Блу опрокинул рюмку текилы.

— Уехала.

В его груди все сжалось так сильно, что он вынужден был остановиться и растереть кожу в области сердца, прежде чем смог снова нормально дышать.

— Когда?

Блу наполнил и опрокинул следующую рюмку.

— Часа два назад.

Блять.

БЛЯТЬ.

— Прости, Босс. Я бы разбудил тебя, чтобы сказать, но она рыдала. В истерике. Умоляла открыть ворота. Умоляла не будить тебя. Я не в силах воевать с истерящей женщиной. Сразу хочется выпить.

— Ясно, — ответил он, оцепенев.

— Она оставила тебе это, — Блу протянул руку.

Он взял маленькую записку и развернул ее.

Дьюс, мне так жаль.

Мне не стоило приезжать и врываться в твою жизнь.

<3 Ева.

P.S. Береги себя.

— Босс?

— Что?

— Она славная девушка, — сказал Блу. — Милая к тому же. Хорошо освоилась здесь, приняла на себя удар за клуб. К тому же охуеть, как обожает тебя. Она так смотрит на тебя, что можно подумать, ты король ебаной Англии. И она добра к парням, не достает их из-за этих девок, приносит пиво, болтает и шутит, подружилась с этой штучкой, подружкой Джейза. Она не то, что Миранда... — Блу откинул голову, принимая еще одну рюмку, и передернулся. — Будь я тобой, я бы сделал все возможное, чтобы удержать такую, как она, в своей постели.

Что еще он мог сделать, чтобы она не ушла? Привязать ее к кровати? Накачать наркотой?

— Да... — пробормотал он. — Слишком поздно.

Он скомкал записку в кулаке.

— Налей мне, — проговорил он, присаживаясь рядом с Блу.

Ебать эту Еву Фокс и ее совершенные сиськи, и ее совершенное лицо. Надо было возвращаться к делам, возвращаться к своей жизни.

И он вернулся.

Три долгих года он проживал свою ебаную жизнь.

Его безрадостную гребаную жизнь.

А затем он снова встретил ее.

И его безрадостная жизнь стала куда блядь намного тоскливей.

Глава 8

Застонав, Фрэнки рухнул на меня.

— Слезай, — скомандовала я, отталкивая его. — Я дышать не могу.

Он поднял голову, ухмыляясь.

— Мне нравится твой вид, детка. Голая, блять, и прямо подо мной.

Фрэнки был ненасытен. Я почти желала, чтобы он продолжил блядовать где-нибудь в клубе и дал мне перерыв.

— Фрэнки! Я не могу дышать! Давай слезай!

Похрюкивая от смеха, он приподнялся на несколько дюймов надо мной.

— Я пытаюсь, детка, но, боюсь, ты непустишь меня обратно.

Я раздраженно вздохнула, отпихивая его изо всех сил. Моих сил хватило не много, но я все-таки сумела оттолкнуть его в сторону и слезть с постели.

вернуться

В штате Юта существенная часть населения — мормоны, у которых принято иметь несколько жен.

Фрэнки потянулся за мной, я отскочила, шлепнув его по рукам. Я пошла в ванную одеться, не спуская с него взгляда.

— Напомни-ка, почему мы должны заниматься этим в клубе? — спросила я, надевая трусики, затем через голову проскальзывая в хлопковое джерси-платье.

— Встреча этим утром.

Я собрала свои волосы на затылке и включила кран. Набирая воду в ладошки, я стала умывать лицо.

— Ну, так почему я должна оставаться в клубе, если встреча у тебя?

— Не могу заснуть без тебя, детка.

Схватив зубную щетку Фрэнки, я выдавила на нее пасту и засунула в рот.

— По какому поводу собираетесь? — промямлила я с щеткой за щекой.

— У нескольких клубов образовались проблемы с Анжело Буонаротти. Похоже, что этот мудака нанял на одну и ту же работенку сразу нескольких ребят. Все вышло из под контроля, один из наших погиб. Надо разобраться, что за херня происходит. Возможно, Буонаротти пора присмотреться к месту на кладбище. Посмотрим.

Я сплюнула, промыла щетку и вернула ее обратно на место. Затем схватила косметичку и стала приводить себя в презентабельный вид.

— Собираюсь позавтракать с Ками, пока ты занят.

— У нее?

Я склонилась к зеркалу, легко набивая пальцем консилер под глаза.

— Скорей всего.

— Не переносу этого долбоеба, ее мужа, — проворчал Фрэнки.

Я ухмыльнулась.

— А кому-то он вообще нравится?

Чейз Хендерсон был высоко оплачиваемым адвокатом в известной юридической компании. В двадцать пять он получил партнерство в ней. Мы вместе ходили на подготовительные занятия, но он свалил в Гарвард в итоге, а мы с Ками остались на Манхэттэне, готовясь поступать в Университет Нью-Йорка. Их родители давным-давно согласовали этот брак. В школе над такой помолвкой посмеивались, но для их круга это не было чем-то из ряда вон выходящим. Во многих состоятельных семьях политиков по-прежнему были распространены договорные браки.

Чейз был невероятно хорош собой — в стиле «любимец Америки из рекламы белья Кэлвина

Кляйна». Я ни разу не видела, чтобы он появился небритым, каждый его выход был, как с обложки журнала. Из уложенных гелем волос не выбивалась ни одна прядь. И самая главная деталь образа — вечно надменное, раздраженное выражение лица. Аура напряжения и дискомфорта сопровождала его. Размышляя о Чейзе, я представляла дом, который был чрезмерно дорогим, слишком новым, слишком вылизанным, слишком идеальным, чтобы расслабиться и почувствовать себя в нем комфортно.

Ками презирала его.

Она наставляла ему рога с ее персональным тренером с того момента, как закончился их медовый месяц. Он изменял ей с множеством разных женщин, ни с одной из них не встречаясь дольше двух-трех недель.

Театр абсурда какой-то.

— Мне не нравится, как он смотрит на тебя.

Я фыркнула.

— Фрэнки, тебе вообще не нравится, когда кто-то на меня смотрит. Вспомни. Тебе не нравилось, как профессор в колледже посмотрел на меня, когда я подняла руку. Профессора Рейнольдса помнишь? Папочке пришлось сильно раскошелиться за то, что ты избил его. К тому же я для Чейза — байкерское отребье.

— Сука, открой глаза, наконец! — крикнул Фрэнки. — Этот козел пялится на тебя, как будто он нахуй три дня не ел, а ты чертов стейк!

Я закатила глаза, распуская волосы. Мужчины. Когда они вообще не бывают голодны? В любом из смыслов.

— Разве тебе не пора идти на встречу?

— Жду твою сладкую задницу, чтобы закончить с тобой.

Я покачала головой и улыбнулась ему.

Фрэнки выглядел великолепно. Длинные коричневые волосы, неряшливая борода, тело, будто созданное для секса, покрытое татуировками и сексуальными шрамами. И да, он был хорош в постели: хорошее сочетание внимательности и требовательности, и он не шлепал налево. В этом я была уверена, поскольку, где бы я ни была — дома, в клубе, в супермаркете, в душе — Фрэнки был там же. Или где-то поблизости. Или где-то на полпути ко мне. Или доставал по скайпу. Или отслеживал мое местонахождение с помощью программы на его мобильном.

Три года назад я вернулась домой из Монтаны и столкнулась с таким безумием, какого прежде не видела. Клуб был перевернут и находился в состоянии хаоса. Во-первых, из-за моего отсутствия. Во-вторых, потому что у Фрэнки съехала крыша, и он бросался избивать каждого, кто появлялся рядом с ним неподалеку, он избивал себя рукоятью пистолета, разбивал себе голову и свои кулаки о стены, пока не начинал истекать кровью, крича, матерясь и проклиная меня.

Не обратив внимания на отца, желавшего закатить мне истерику и прочитать лекцию об ответственности, я пошла сразу в комнату Фрэнки и нашла его, покрытого кровью, свернувшимся в калачик в углу.

— Твою мать! — тихо ругнулась я, опускаясь на колени перед ним. — Фрэнки, малыш, посмотри на меня.

Он среагировал мгновенно: резко вытянул руки и вцепился в меня. Повалив меня на пол, он забрался сверху на меня. Его налитые кровью глаза смотрели на меня, моргая.

— Ева, — прохрипел он, — где ты нахуй была?

— Мне надо было передохнуть, малыш, прости, что покинула тебя.

Он охватил ладонями мои щеки, пробежался пальцами по волосам, по моим плечам вниз и обратно, по моим рукам. Прежде чем я сообразила, что происходит, его руки были на мне, срывая верх моего летнего платья, обнажая мою грудь. Он взял одну из них в руку и затем в свой рот.

— Блять, — выдохнула я, — Фрэнки, нет...

— Больше я ждать не буду, детка, — пробормотал он, не оставляя мою грудь. Приподняв бедра, он задрал подол моего платья.

Я пыталась столкнуть его с меня.

— Я не уйду от тебя снова! — обещала я ему. — Нам не нужно это вот так делать!

Пальцами Фрэнки втискивался между моих коленок, заставляя раздвинуть ноги. Он с силой подался бедрами вперед между моих ног, чтобы я не успела свести их обратно, потом рванул пряжку своего ремня. Я начала паниковать.

— Пожалуйста! — я заплакала. — Пожалуйста, не делай этого!

— Нет, детка, — прорычал он, — я нахуй больше не позволю говорить мне «нет» снова. Поняла? Ты нахуй больше не сбежишь от меня. Я давно тебе сказал, что ты моя, и пора блять вдолбить в тебя эту сраную мысль.

Все это было сказано, пока он расстегивал джинсы и ремень. Сейчас он оттягивал мои трусики в сторону, и я чувствовала, что он пытается войти в меня.

— Подожди! — я плакала, упираясь руками в его грудь. — Не надо!

— Блять, — пробормотал он. Он сплюнул на свои пальцы и начал растирать меня ими, увлажняя меня, затем убрал руку и вошел внутрь.

— Фрэнки! — я заорала, пытаюсь сдвинуться в сторону и не дать ему продолжить начатое. — ХВАТИТ!

Он грубо заткнул мне рот рукой. Я продолжала визжать, но звук был тихим и смазанным, и кроме нас двоих никому не был слышен.

— Так охуенно долго ждал этого, — хрипел он, проталкиваясь жестче, придавив меня своим тяжелым торсом, пресекая любые попытки сдвинуться.

Он продолжал. Грубо. И силой взял свое. Я застыла, смотря на него, слезы в глазах. Фрэнки насиловал меня — мой Фрэнки. Все было, как во сне, как в каком-то фильме, который я едва могла припомнить. Нереально, сбивало с толку. Это не могло происходить по-настоящему.

— Сомкни ноги за моей спиной, — с хрипом выдохнул он. Все еще в шоке и оцепенении, я сделала, что он приказал. Он убрал руку от моего рта, чтобы схватить мой зад и всаживать еще жестче. Онемев, я слушала, как его кожа шлепалась о мою, слушала его тяжелое дыхание, слушала, как моя голова макушкой ударялась о стену.

— Как ты блять могла сбежать от меня? — выдохнул он. — Я нахуй спать без тебя не могу, я не спал ебаную вечность. Это ты, сука, сделала это со мной. Ты блять допустила это.

Да, сделала. Знала, что он будет в ярости, и все равно оставила его. Я должна была предвидеть, что это случится, что он сорвется и захочет привязать меня к себе тем способом, который, как он думал, будет самым надежным. Господи, это была целиком и полностью моя вина.

— Мне жаль, — прошептала я, — Боже, Фрэнки, мне так жаль. Больше это не повторится, обещаю, — мой голос надламывался.

— Не сомневаюсь, черт возьми, — прошипел он, — если вздумаешь снова, тебе блять не понравится то, что потом случится... Ева... Блять, детка... Я кончу сейчас... Блять...

Его бедра еще раз резко ударились об меня, моя голова прошибала стену сильнее.

— Я кончаю детка, я блять кончаю...

Я уставилась в потолок. Я не была ни на каких контрацептивах. Мне понадобится все завтрашнее утро, чтобы отлежаться после таблетки [22]. Интересно, все потолки в спальнях так выглядят? Не уверена. Я поставила галочку в уме, чтобы не забыть поинтересоваться потолками в других спальнях.

— Как же я блять люблю тебя, Ева, — выдохнул Фрэнки.

Я вытерла слезы и обвила руками его шею.

— Я тоже люблю тебя, малыш, — прошептала я, крепко обнимая его, глядя его спине, бормоча извинения.

Это не было враньем. Я любила Фрэнки. Всем своим сердцем. Но это была не такая любовь. Я любила его, как любят лучших друзей, как любят старших братьев, совсем не как любовников. Но он насильно занял свое место в категории любовников, и я ничего не могла поделать с этим. Он нуждался во мне, он не дал бы мне уйти и жить свою жизнь, и я дала ему то, чего он хотел, я пыталась дать ему лучшее, что могла.

Это случилось три года назад.

Три года за спиной Фрэнки на его байке и в его постели, которая в общем-то была моей постелью. Моя комната в клубном доме была больше, чем его, и лучше обустроена.

— Кого ты любишь, детка?

Я закончила с прической и вышла из ванной.

— Тебя, — ответила я.

— Да блять, ты любишь меня.

Фрэнки оделся и сел на кровать надеть ботинки. Он оглядел меня сверху до низу и застыл.

— Не слишком ли много тела ты показываешь?

Я хмыкнула.

— Едва ли.

Фрэнки уже был на ногах, расстегивая свой ремень и подходя ко мне.

— Иисусе! — вскрикнула я, отпихиваясь от него. — Соберись, ублюдок похотливый! У тебя встреча! У меня завтрак с Ками!

Не успела я опомниться, как мой живот был вжат в стену. Его язык прошелся по моей шее.

— Меня это не волнует, детка. Ты нахуй не можешь ходить тут полуголая и ожидать, что я буду держать руки при себе.

— Ты играешь не по правилам, — прошептала я.

— Когда речь о тебе, Ева, я нахуй не играю.

Прошел еще почти час, прежде чем Фрэнки решил, что пора идти на встречу, но даже тогда он уходил неохотно.

Дьюс нахмурился, глядя на Проповедника.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. У меня нет связей с Анжело Буонаротти.

У его отца были связи с ним, да. У нескольких его кузенов тоже были. Но не у него.

Он продолжил:

— Так что если та сделка не состоялась, то точно не по моей вине.

— У тебя полно связей с ним, — прорычал Проповедник. — Мои парни видели твоих в сраных доках.

— Ничем не могу помочь, если кто-то из моих парней занимается бизнесом на стороне. У всех семьи, их надо кормить.

Темные глаза Проповедника сощурились, он перевел взгляд вправо, где сидели Пес, Одноглазый Джо и Тайни. Рядом с Джо сидели его парни: Мик, Кокс и Джейз. Сам он сел в конце стола прямо напротив Проповедника. Рядом с ним по другую сторону стола сидел Крутой Чарли, при печальных обстоятельствах ставший Президентом своего клуба, и двое его парней. Обстановка была накалена. Ни один из братьев не хотел здесь присутствовать. Он и Проповедник по собственным причинам, включавшим шестнадцатилетнюю Еву и пистолет, сделавший два выстрела, Чарли — поскольку Фрэнки убил его старика несколько лет назад. Это была только верхушка ебаного айсберга. Отец Чарли хоть и был редким ублюдком, но оставался своим проверенным человеком.

Да, все это дерьмо нервировало. Даже без присутствия Фрэнки.

Дверь распахнулась с громким ударом. Встревоженные, несколько из присутствующих братьев привстали, доставая оружие.

Фрэнки ввалился, ухмыляясь. Он застегивал ширинку и ремень, полностью игнорируя направленные на его голову стволы.

— Извините, припозднился, — сказал он, ни к кому в точности не обращаясь, присаживаясь на стул слева от Проповедника.

Проповедник сердито смотрел на него.

— Где ты нахуй был?

Фрэнки едва открыл рот, как пустая кофейная чашка прилетела ему в грудь через полстола.

Одноглазый Джо оскалился на Проповедника.

— Он входит сюда лыбясь, застегивая ширинку, и ты спрашиваешь, где он был! Ты знаешь, где он был, ебанный идиот, и ты знаешь, чем он занимался там, и с кем он этим занимался, потому что это «что-то» — единственное, чем эти двое вообще занимаются. Шлепаясь друг о друга, днем и ночью, плевав на то, что нам все слышно! И ты собираешься задавать ему тупые вопросы насчет, где он был, хотя прекрасно знаешь, что он начнет рассказывать о том, как трахает мою племянницу! И меня тошнит нахер выслушивать это дерьмо! Если он произнесет еще одно слово о горячей киске или о сиськах, имея блять ввиду мою девочку, я отправлю его обратно в больницу!

Фрэнки ухмыльнулся.

Его желудок перевернулся.

Проповедник вздохнул.

— Ты мне пытаешься напомнить, что я должен мою собственную девочку держать подальше от клуба? Не думаю, что смогу так подолгу с ней разлучаться.

Пес ахнул. Честное слово — ахнул, как маленькая блять девчонка.

— Никто не смеет держать Еву подальше от клуба!

— Ни при каком ебаном раскладе! — крикнул Тайни. — Она не дает моей Олд Леди пилить меня и занимается стиркой!

— Чертовски верно! — кулак Джо опустился на стол. — Это наша девочка! Если Евы тут не будет, кто будет наводить порядок на книжных полках? Кто будет готовить нам ебанные завтраки? Если кто-то и должен убраться, так это Фрэнки!

Фрэнки все еще ухмылялся.

— Ты не сможешь выпнуть меня отсюда. Твоя девочка любит меня. Если ты не заметил, то это в ее комнате наверх по лестнице я сплю.

Дьюс сделал выдох. Он не хотел приезжать в Нью-Йорк, он вообще не хотел встречаться ни с Чарли, ни с Проповедником, еще больше он не хотел встречаться с ними в клубном доме Демонов, и он страстно не желал видеть Фрэнки.

И сейчас, когда он узнал, что Ева отдала себя Фрэнки... Он хотел пустить пулю в череп каждому из присутствующих в этой комнате говнюков.

Но даже не это было худшим. Эти мужчины, ее отец, ее дяди, весящий под три сотни фунтов, залитый потом Тайни, все они были в ужасе от мысли, что Ева не будет появляться в клубе, как их Олд Леди. Их не волновало, что она была прекрасно осведомлена о всех их пьяных дебошах со шлюхами, скорее всего она видела большинство этих сборищ, помогала потом прибираться и приводить все в порядок по окончании.

У нее даже была своя комната. Своя комната. В ебаном мотоклубе. Как такое нахуй возможно?

Он был раздавлен осознанием своей ошибки, будто гребаным грузовым поездом. Он думал, что она упрямится и капризничает, а она всего лишь бурно среагировала в ответ на его желание изолировать ее от того образа жизни, который был естественным для нее. Она бежала не от него, она бежала от той клетки, в которой он хотел ее запереть.

— Можете оставить вашу ебаную драму на потом? — спросил Чарли. — Может, нам стоит вернуться к нашим ебаным делам?

Фрэнки повернул голову и подарил Чарли улыбку, безумную и грязную.

— Конечно, Чарли, — с удовольствием произнес он, — я блять обожаю вести дела с твоим стариком, уверен, что и с тобой буду вести их в полном согласии.

Ноздри Чарли были раздуты, но он мудро держал рот на замке. Каждый знал, что неприятности были вторым именем Фрэнки, готовым в любой момент схватиться за оружие и кинуться на тебя.

— Ладно, — проворчал Проповедник, — если мы не пудрим друг другу головы, значит, это семья Буонаротти играет с нами. Кто-то должен нанести визит Сэлу, поспрашивать его, в курсе ли он, что его ебанные детки творят. Вы должны понимать, что он...

Дверь распахнулась, и снова пистолеты были на взводе, Ева ворвалась в комнату. Фрэнки соскользнул со своего стула и исчез под столом.

вернуться

22

Подразумевается какое-то экстренное средство контрацепции

— Я тебя вижу! — крикнула она. — Вылезь оттуда и отдай мне мою сумочку и мои чаксы! Я должна была встретиться с Ками час назад!

Кокс вскочил со стула.

— Ками? Где Ками?

— Не знаю, о чем ты говоришь, детка, — раздался сдавленный от хохота ответ из-под стола.

— О Господи! — пробормотал Проповедник, потирая переносицу.

— ПАПОЧКА!

— Занят, малышка Ева, — вздохнул он, — можем мы попозже с этим разобраться?

— НЕТ!

Ебанный ад, она была прекрасна. Волосы, длинные и темные, спадали мягкими волнами на ее плечи, спускались на грудь. Она носила макияж, которого было больше, чем он когда-либо видел на ней. Ей шло, придавало больше лоска, но ему не нравилось. Он не видел веснушки на ее носике или естественный розовый румянец на щеках. Ее платье было из тонкого хлопка, обнажало одно плечо, было бесформенным, открывавшим ноги. Появление Евы в нем было простым, но сексуальным. Она выглядела охуенно горячо, но ему больше нравилось видеть ее в мешковатых джинсах, висящих низко на бедрах, и коротенькой футболке, обнажавшей живот. Его взгляд переместился к ее шее, к золотой цепочке, на которой, он точно был уверен, между ее грудей, под платьем висел медальон его старика.

Она была так зла, так сосредоточена на Фрэнки, что даже не заметила его. Он не отводил глаз, дырявил ее взглядом, и по-прежнему — ничего.

— Фрэнки, ответь Еве, где вся ее хрень, прежде чем огребешь от меня!

Проповедник дернулся в сторону Фрэнки, и из-под стола раздался вопль. Фрэнки выполз, потирая бок, в который Проповедник его пнул, и глаза на него.

— Фрэнклин Сальваторе Делува, — рявкнула Ева, — я жду.

Вскочив на ноги, Фрэнки достал мобильный из заднего кармана своих джинсов и кинул ей. Она поймала его одной рукой.

— Где остальное? — скомандовала она, уже не такая рассерженная, как минуту назад.

— Чаксы в холодильнике, детка, — сказал Фрэнки, ухмыляясь.

— Ты запихнул ее чаксы в холодильник? С нашей едой? — спросил Пес.

— Ага.

— Хм.

Ева топнула босой ногой.

— Сумочка, Фрэнки, где моя сумочка?

— Сумочка? — хмыкнул Джо. — Ты случайно не имеешь ввиду этот ебанный мешок под картошку, в который можно посадить семью карликов?

Проповедник, Пес, Джо, Тайни и Фрэнки захохотали.

Разозленная, Ева повернулась, собираясь убраться из комнаты. Ее глаза нашли его, она застыла на полпути и оступилась. Он встал со своего места, но Кокс был ближе, схватил ее за талию и удержал, не дав упасть.

— Эй, Фокси, — прошептал Кокс, широко улыбаясь. Она моргнула, глядя на него.

Он помог ей встать на ноги, и она быстро сделала шаг назад, обеспокоенно оглянувшись на Фрэнки.

Лицо Фрэнки стало багровым, его руки сжались в кулаки, вены на его шее вздулись, мышцы были напряжены. Он выглядел, как сумасшедший. Впрочем, все и так думали, что он свихнулся.

Проповедник закатил глаза.

— Фрэнки, он просто помог ей. Прямо блять сейчас прекрати это дерьмо.

Фрэнки не слушал его. Его сумасшедшие глаза оставались сфокусированными на Коксе. Кокс, никогда в своей жизни не отступавший перед вызовом, удерживал взгляд Фрэнки и не торопился сесть обратно.

— ФРЭНКЛИН! — заорал Проповедник.

Сникнув, как пятилетний ребенок, Фрэнки с грохотом сел обратно и скрестил руки на груди.

Сглотнув и избегая смотреть на меня, Ева повернулась к Фрэнки.

— Сумочка, малыш, — сказала она мягко, — она все еще нужна мне.

Часть безумия в глазах Фрэнки исчезла, и он улыбнулся ей.

— В микроволновке, детка.

Тайни загоготал, Проповедник покачал головой.

— Извините, что прервала, — сказала она, наклоняясь к Проповеднику, — люблю тебя, папочка, люблю тебя, дядя Джо, люблю тебя, Пес, и конечно тебя тоже люблю, Тайни.

Каждый из этих мужчин расплылся от удовольствия. Она не была очередной байкерской соплячкой. Она была любимой дочерью байкеров. Тем клеем, что держал этих мужчин вместе. Ева Фокс была принцессой клуба Серебряных Демонов.

Даже Чарли выглядел впечатленным. Девчонка была очаровательной и милой. Она ослепляла каждого в этой комнате.

— Люблю тебя, малыш, — прошептала она Фрэнки.

Его сердце екнуло.

— Да блять, детка, — прошептал он в ответ, — навсегда вместе.

Проповедник перевел взгляд с Евы на Фрэнки и обратно, улыбаясь, выглядя гордым.

И поскольку Дьюс был уверен, что секунд через пять потянется за пистолетом, он извинился и покинул комнату.

— Мисс Хендерсон ожидает вас?

Я раздраженно смотрела на чванливую женщину.

— Да.

— Вас нет в ее сегодняшнем листе посещений, мисс Фокс, боюсь, я не смогу пропустить вас. Хендерсоны не любят, когда их беспокоят в выходные.

Я со всей силы ударила кулаками по ее столу.

— ЗВОНИ ЕЙ!

Хмуро посмотрев на меня, она отвернулась и набрала апартаменты Ками. Вернее, ее двухэтажный пентхаус, расположенный на вершине небоскреба, с которого открывался вид на Манхэттен с высоты птичьего полета.

— Миссис Хендерсон, здесь мисс Фокс...

Женщина сжала челюсти, и я знала, что Ками накинулась на нее с ругательствами. Я, стоя на своем месте, слышала, как она орала на нее сквозь трубку телефона.

Женщина повесила трубку.

— Вы можете подняться, — сказала она коротко, избегая зрительного контакта.

— Спасибо, — фыркнула я.

Я влетела в фойе с колоннами в романском стиле, больше похожее на кафедральный собор, оттолкнула замешавшегося Чейза, который к моему удивлению был одет во фланелевую пижаму, пронеслась мимо ряда белоснежных комнат, обставленных серой и белой мебелью, со стенами, украшенными блеклой абстрактной живописью, которую по форме мне и сравнить не с чем было, кроме, возможно, чернильных пятен, появлявшихся после того, как ручка протекала. Я ворвалась в спальню Ками.

Она лежала на своей королевского размера кровати, над которой был закреплен балдахин, как у принцессы, одетая в короткое полупрозрачное платье бледно-розового цвета и такого же оттенка пеньюар. Ее длинные светлые волосы были распущены и свисали над журналом моды.

— Ками! — заорала я, кидаясь к ней. — Прикончи меня!

— О Боже, Ева, что случилось, детка? Фрэнки опять натворил что-то?

— Нет, — прошептала я, переползая через нее, забираясь на кровать. — Ну, хотя да... Когда такое было, чтобы Фрэнки не сотворил очередное безумие?

— Мне этот парень не нравится, — пробормотал Чейз, появляясь в проходе, держа в руках графин с виски и два бокала.

Он вопросительно протянул графин в нашу сторону.

— Да, пожалуйста, — прошептала я.

Я быстро проглотила первую порцию виски и протянула руку за второй, которую прикончила также быстро. Огонь виски превратился в моем желудке в мягкое тепло. Я глубоко вдохнула.

— Утром я зашла в офис папы, ругалась с Фрэнки и потом увидела там Дьюса, и я споткнулась, и Кокс поймал меня, и я ...

— КОКС! — крикнула Ками, вскакивая на колени. — Кокс здесь?

— Кто такой Кокс? — спросил Чейз.

— Не твое дело, — огрызнулась Ками. — Бог мой, Ева, он спрашивал обо мне?

— Эммм... — я глянула на Чейза. Я знала, что он был в курсе измен Ками, как и она в курсе его походов, но они об этом не говорили прямо, по крайней мере, друг с другом, и я не была уверена, как отреагирует Чейз, когда услышит о чем-то подобном.

Он пожал плечами.

— Давай, вперед, Ева. Мне насрать, кого она трахает.

— Хорошо, — выдохнула Ками, озираясь по сторонам, не в состоянии остановиться на какой-то одной точке, — я иду переодеваться, потом мы едем прямо в клуб.

— Эй, Ками...

— Что?

— Ты не слышала, что я сейчас сказала?

— Ты сказала, что там был Кокс.

Я схватила ее за предплечье.

— Ты оглохла, сука? Я сказала: Дьюс и Кокс были там!

— Кто такой Дьюс? — спросил Чейз, отпивая виски.

— Не твое дело! — бросила ему Ками. — О Боже, Ев, что ты сделала?

— Ничего! — крикнула я в ответ, пряча лицо в ладонях. — Что я должна была сделать? Фрэнки был прямо там! Ну, ты знаешь, этот мой сумасшедший, чрезмерно заботливый бойфренд Фрэнки с замашками убийцы? Я молча обалдела и сбежала! А сейчас я обалдеваю вслух, потому что Фрэнки тут нет!

— Мне точно не нравится этот парень, — снова пробормотал Чейз.

— Уходи! — прошипела Ками.

Игнорируя ее, он сел в конце ее кровати.

Ками вытаращилась на него.

— Серьезно, Чейз. Неужели тебе больше нечем заняться?

Он сделал еще один глоток виски.

— Нет. Утро воскресенья. Чем я блять должен заниматься?

— Твоей восемнадцатилетней ассистенткой? — подсказала я услужливо.

Ками начала смеяться.

Чейз, совершенно не обеспокоенный моими словами, отрицательно покачал головой.

— Она слишком назойливая и прилипчивая. Уволил ее.

Ками хмыкнула.

— Ей восемнадцать, Чейз, чего еще ты ожидал?

— Чтобы она проявила немного ебаного здравого смысла и смирилась с тем фактом, что далеко это не пойдет, — пробормотал он. — Она, может, вела бы себя спокойней, если бы могла хоть на минуту забыть, что я женат. Но это трудно сделать, когда в моем офисе развешено примерно пять миллионов твоих фотографий, которые ты так настойчиво туда привозила. Фотографии, которые смотрят прямо на нее, когда я нагибаю ее на своем столе.

— Просто вопиюще! — ахнула Ками. — Ты бы хоть фотографии передвинул по такому случаю!

— Нее... — отмахнулся он. — Мне нравится смотреть на тебя, пока я трахаю других женщин.

— Хмм... — задумчиво протянула Ками. — Мне вот вообще не нравится на тебя смотреть.

— Ааа, — ответил он, — вот почему ты постоянно утыкаешься лицом в подушку, когда я трахаю тебя?

— В большинстве случаев, — сказала она радостно.

— Ребята, вы очень странные, — проинформировала я их.

— Ты бы тоже вела себя странно, если бы твой отец заставил тебя выйти замуж за такого мудака.

Чейз поднял свой бокал в воздух.

— Выпьем за это, — пробормотал он.

Ками закатила глаза, приглаживая мои волосы.

— Пошли по магазинам, — сказала она мягко. — Терапия в розницу. Чейз платит.

Я хихикнула.

— О деньгах я точно не переживаю, Кэм.

— Мои деньги заработаны законными путями, — заявил Чейз. — Ни капли крови, ни на одной банкноте.

Я посмотрела на него.

— Ты адвокат, Чейз. Ты весь и полностью в крови.

— Какие фантазии, Ева, — вкрадчиво сказал он. — Мне нравится.

Я поморщилась.

— Может, тебе пора выпить чашку кофе вместо виски?

Он выгнул бровь.

— Если я соглашусь с тем, что у меня есть проблемы с алкоголем и обращусь к Богу по этому поводу, значит ли это, что ты наконец примешь предложение стать моей госпожой?

Вот почему Фрэнки ненавидел Чейза.

— Господи, Чейз, ты жалок. Ева никогда не трахнет тебя. Черт, да даже я тебя трахаю только по единственной причине: я обязана это делать.

— В конце концов, Ева трахнет меня, — сказал Чейз лениво. — Все имеет свою цену. Я просто не понял пока, чего стоит она.

Любой нормальный человек был бы шокирован, но это был Чейз, я привыкла к нему. Я подумала, почему бы не дать ему попробовать его собственную пилюлю цинизма.

— Чейз, — промурлыкала я, — хочешь знать, почему ты никогда не добьешься своего? — я соблазнительно провела ладонью по своему телу.

— Говори, — ответил Чейз, пялясь на мою грудь.

— Потому что, малыш, я дикая кошечка, а дикие кошечки не покупаются. Диким кискам не нравится, когда им швыряют дорогие игрушки, и ждут, что они в ответ исполнят самбу на чьем-то члене. Дикие киски не заключают сделки. Дикие киски живут свободно и только для себя и берут то, что им нравится. В кровати, на диване, на капоте, в ванной или в грязном переулке, и смех никогда не покидает их. Я тебя немного знаю, Чейз. Я знаю, что дикой киски у тебя никогда не было и точно не будет. Потому что дикие киски не трахают нервничающие члены, засунутые, черт возьми, в шелковые трусы.

Чейз уронил челюсть на пол.

Пронзительный хохот Ками разносился эхом по всему пентхаусу.

— Время идти по магазинам, — пропела она.

— Купи мне хлопковых трусов, пока будешь ходить там, — пробормотал Чейз.

— Выбери и купи сам!

— Не могу. Я собираюсь весь день драть, представляя себе киску Евы, которую она так эффектно представила мне.

В знак вежливости к Чейзу мы с Ками провели весь день, болтаясь по магазинам: Ками могла заниматься шоппингом неделями, не уставая, а я хотела держаться от клуба подальше.

Около одиннадцати мы выпили несколько коктейлей в соседнем баре, и водитель Ками отвез

нас в клуб. Три Харлея с номерами Монтаны все еще были припаркованы у клуба, и Ками была вне себя от нетерпения.

Я же была вне себя от беспокойства.

Мы нашли их в гостиной клуба с несколькими моими мальчиками из Демонов вместе с их девочками.

На коленях Мика сидела шлюха, Кокс был глубоко погружен в какой-то спор с моим кузеном Треем. Дьюса не было. Я не знала радоваться или огорчаться.

Как только мы вошли, Кокс застыл, глядя на Ками.

— Детка, — почти простонал он, — ты свалила посреди ебаной ночи, оставив меня одного. Я с тех пор не мог нормально спать.

Ками расплылась в улыбке.

— Тогда у тебя должно быть много лишней энергии. Помочь с этим?

Кокс стрелой пересек комнату, перебросил Ками через плечо и направился к лестнице.

— Иисусе, — пробормотал Мик.

— Второй этаж, — крикнула я им вслед, — пустые кровати там!

— Фрэнки? — обратилась я к Демону по имени Сплит.

Он ухмыльнулся.

— Отключился недавно. Понадобилось трое, чтобы затащить его по лестнице наверх.

Я чмокнула Сплита в щеку, махнула Трею и повернулась, чтобы уйти.

Я была на полпути к лестнице, когда огромная ладонь опустилась на мое плечо. Я передернула плечами, услышав, как прокашливается Мик, привлекая мое внимание.

— Никогда не смей касаться меня, — сказала я ровно.

Его брови поползли к волосам на голове.

— Я ничего такого не имел ввиду, дорогая. Просто хотел извиниться за все то дерьмо, которое случилось, когда мы виделись последний раз. Дьюс — мой Президент и мой брат, и я люблю его, понимаешь?

— Понимаю, — фыркнула я. — Но это не изменит того, как ты обращался со мной, ни черта не зная обо мне! Так что держи в уме: ты в моем клубе, здесь кругом мои мальчики, и если блять свяжешься с кем-то, я лично грохну тебя.

Он смотрел сверху вниз на меня.

— Ты стала жестче, детка. Пламя горит ярче, жизнь берет с тебя свое, не так ли?

Я моргнула, передо мной застыло лицо Дьюса из нашего прошлого.

«Ты славный ребенок, дорогая. Славный, милый ребенок. Обещай, что такой и останешься, хорошо? В этой гребаной жизни ты и я, малыш, были возвращены дорогой и колесами. Это то, что мы знаем и то, чему мы принадлежим, но это еще не значит, что такая жизнь не возьмет с нас своё. Обещай мне! Неважно с чем ты столкнешься, неважно какая херня случится с тобой, не дай этой жизни сломать тебя и озлобить»

Разве я ожесточилась? Горечь не разъедала меня. Так ведь? Тогда почему я почти что плакала?

— Неважно, Мик. Просто держись подальше от меня и не делай хуйню моему клубу.

Он улыбнулся.

— Я понял тебя, детка. Ты любишь свой клуб, я понимаю и я восхищаюсь этим в любой Олд Леди. Весь день только и слышу о том, как охуенно ты хороша.

Я хмуро посмотрела на него.

— Я не Олд Леди.

— Разве ты не в постели Фрэнки?

— Нет, — бросила я в ответ, — это Фрэнки в моей постели.

Повернувшись на каблуках, я оставила его с этим.

Бросив свое барахло в комнате и стянув с Фрэнки ботинки и джинсы, я спустилась вниз. Зевая, я толкнула дверь в кухню и пошарила рукой в поисках выключателя. Он щелкнул.

Растирая глаза руками из-за яркого света, я вслепую подошла к холодильнику, схватила бутылку энергетика и собиралась уже уходить.

Я выронила бутылку.

Там был Дьюс. Он стоял рядом со мной, откинувшись на стену, совсем рядом с этим выключателем. Его брюки были спущены до колен, и его руки были полностью заняты, придерживая плохо покрашенные блондинистые волосы какой-то байкерской шлюшки. Три года разлуки исчезли, и я будто снова стояла на кухне Дьюса, смотря на него и Миранду.

— Что за нахуй? — прошептала я хрипло.

Девчонка оглянулась. Дьюс повернул ее голову обратно и горько засмеялся.

— Что за нахуй? Ты украдкой сбегаешь из моей постели посреди ебаной ночи, запрыгиваешь прямо в койку Фрэнки, и у тебя хватает ебанных нервов спрашивать меня, что за нахуй?

Девчонка опять отдернулась, и он снова подтолкнул ее голову обратно.

— Сука, если еще раз перестанешь сосать, я врежу тебе, — пригрозил он.

Я вытаращилась на него.

— Ты свинья, — глухо произнесла я.

— Ага.

— Нет, серьезно, ты больной мудака.

— Да, дорогая, я знаю.

Ярость, отвращение, знакомое ощущение, что меня предали, что мое сердце разбито, и еще куча других эмоций, которым я не могла дать имена, поскольку мой разум дико метался, пытаюсь понять, во что я только что впуталась, разобраться с этим, но ничего не выходило. Я рванула к двери. Дьюс мгновенно схватил мою руку, выше локтя, его хватка была тугой.

Слезы защипали в моих глазах.

— Пусти меня!

— Нет.

— Это ненормально, — прошептала я.

— Да, малыш, — прошептал он в ответ, — вот только мне похуй.

Он дернул меня в сторону, и я споткнулась о ноги девушки. Дьюс притянул меня вперед, и я прижалась к его груди, прямо над ее головой.

Мой живот упирался в ее голову, я придавила ее обратно к члену Дьюса. Туда и обратно, я двигалась вместе с тем, как она продолжала отсасывать ему.

Наши губы почти касались друг друга. Дьюс тяжело дышал, его горячее дыхание сильно пропитано запахом рома. Казалось, он весь пах ромом. Будто принял в нем ванну.

— Я закричу, — прошипела я.

— Давай, кричи! — бросил он в ответ. — Мне абсолютно похуй.

Он не врал. В его потрясающих глазах была пустота. Но я не прибегнула к крику. Закричать означало смерть Дьюса. Я слишком сильно любила его, чтобы нанести этот удар.

— Просто дай мне уйти, — прошептала я, — ты же к черту пьян.

— Ага. По твоей вине, малыш. Хочу тебя так сильно, что схожу нахуй с ума.

О Боже. Боль и сожаление так безжалостно вцепились в меня изнутри. Мои колени подогнулись. Дьюс подхватил меня под руки и подтянул к себе обратно.

Он прижался ртом к моему рту, делясь со мной дыханием.

— Один ебанный поцелуй, малыш, — прошептал он.

Я давила зарождающиеся рыдания.

— Дьюс, — прошептала я сквозь слезы, — пожалуйста, не делай этого. Мы окончательно, полностью ебанулись.

— В этом и дело, малыш, я всегда был ебанутым. Очень сильно. По какой-то ебаной причине ты

этого не замечала. Но сейчас ты видишь. Так что заткнись нахуй и дай блять поцеловать тебя. А я представлю, что этот разгоряченный рот вокруг моего члена — твоя сладкая киска.

— Дьюс, пожалуйста...

— Да, — выдохнул он в мой рот, — продолжай умолять.

— Иди нахуй, — прошептала я.

— Нет, малышка, — сказал он сквозь сжатые зубы. Он отпустил мои руки и схватил меня за волосы, чтобы я не могла дернуться с места. — Теперь ты иди нахуй.

Он просунул язык в мой рот, сильнее сжимая мои волосы. Через несколько мгновений, он, застав, кончил, я горько плакала.

— Пожалуйста, пожалуйста, — умоляла я, — пожалуйста,пусти меня.

Его ноздри в гневе раздулись.

— Отпустить тебя? — прошипел он мне. — Дать тебе блять уйти?

Он оттолкнул меня, и я, споткнувшись о девушку, упала на пол. Дьюс отдернул ее от себя и натянул джинсы обратно. Он зло смотрел на меня.

— Я пытался отпустить тебя, ебанные годы я пытался дать тебе уйти, — сказал он жестко. — И я все еще не придумал, как это сделать.

Безмолвная, я смотрела, как он выходит из кухни.

Девушка, которой, как оказалось, была Линн, любимица дяди Джо, вытерла запястьем рот и посмотрела на меня.

— Байкеры, Ева, — она вздохнула. — Ебанутые все до единого.

— Не говори ничего Джо, — прошептала я.

— Не беспокойся, детка.

Я слышала, как в отдалении заводится Харлей, затем звук истончился и исчез в дали. Хотела бы я знать, был ли это последний раз, когда я видела Дьюса. Пять следующих лет я хотела узнать это.

И в одну летнюю ночь мое ожидание развеялось.

Глава 9

Дьюс заглушил двигатель, откинул ногой подножку мотоцикла и изучал фермерский дом, стоявший перед ним. Мик встал позади него. Еще пятеро его парней присоединились к ним.

— Ты уверен, Босс? — переспросил Рипер, облокотившись о мотоцикл. Даже в темноте Дьюс мог видеть уродливые полосы, навечно оставшиеся на правой стороне его лица. Правого глаза не было, рот справа рассечен и застыл в страшной гримасе неодобрения. Его грудь выглядела еще хуже. Все это случилось по вине Чокнутого Фрэнки, который так основательно приложился к Риперу около двух лет назад. Фрэнки любил помучить, прежде чем убить. Удача

улыбнулась Риперу, и он смог сбежать, прежде чем этот уебок прикончил его.

— И ты еще спрашиваешь? — сказал Мик. — После того, что он блять сделал с тобой?

Рипер пожал плечами.

— Не пойми меня неправильно, Микки, я хочу, чтобы этот уебок сдох, намного сильнее, чем любой из вас.

Однако в его голосе не было уверенности.

— Я беспокоюсь о клубе. Если мы сделаем это, если мы прикончим Фрэнки, мы автоматически получаем войну с Проповедником. По полному разряду. И это дерьмо просто так нам не дастся. Мы получим уебищных размеров проблему.

Дьюс снова посмотрел на дом. Громкая музыка раздавалась оттуда, байки и несколько пикапов стояли на газоне. Окна были освещены, и он мог видеть силуэты танцующих людей, держащих пиво в руках. Это была обычная вечеринка байкерского клуба.

Но сегодня он приехал сюда не веселиться. Он был здесь, чтобы убить вице-президента Серебряных Демонов.

Он обернулся к своим братьям.

— Либо мы все говорим «да», либо мы все уходим.

Тэг, Зизер, Кокс, Мик и Джейз показали большие пальцы вверх. Он посмотрел на Рипера.

Рипер не отрывал взгляд от дома.

— У нас есть сила против Проповедника. У нас есть связи, у нас есть деньги, русские с нами, блять, у нас даже есть возможность дернуть связи Проповедника, чтобы обернуть их против него самого за вполне разумную цену, так что о чем тут блять размышлять? Давай сделаем это. Пора пристрелить бешеного пса.

Дьюс кивнул Коксу.

— Ты и я идем внутрь. Тэг и Зизер прикройте нас, Мик и Джейз будьте у входа, и Рипер... Просто блять жди здесь. И я притащу уебка прямо к тебе, и ты сможешь выпотрошить его как, свинью, которой он и является.

Искаженная улыбка появилась на лице Рипера.

— Босс, ты точно знаешь, как завести любого парня.

Он сунул еще одну обойму за джинсы.

— Стараюсь, — сухо ответил он.

Он притормозил Кокса за руку, прежде чем они вошли.

— Помни, нам надо держать себя в руках. Фрэнки знает, что у нас к нему вопросы. Делай вид, что ты просто собрался на вечеринку. Начинай пить, но не надирайся, можешь прихватить какую-нибудь девчонку, но держи глаз на своем телефоне.

— Понял.

Проблем с тем, чтобы подцепить девчонку на клубной вечеринке, не было. Как обычно, здесь давали всем. Но Кокс оставался собой: бритоголовый, пирсингованный по всему телу, покрытый татуировками везде блять, где видел глаз, от шеи до ступней. Женщины облепляли его. Ему даже не надо было утруждаться поманить их пальцем. Как по волшебству, они уже валялись в его ногах.

Они вошли и слились с весельем. В большинстве своем место было забито Демонами. Он заметил несколько Красных Дьяволов, ошивающихся по дому, и несколько номадов [23], но блять все же в основной массе его окружала херова туча Демонов. Он отправился на кухню, вечеринка не несла радости, оттолкнул обдолбанную шлюху, повисшую на нем, и стал ходить по дому, присматриваясь.

— Всадник! — громко окликнул его знакомый голос. Мясистая рука ударила по его плечу.

Он обернулся и встретился лицом к лицу с тремястами фунтами потеющего мудака.

— Тайни, — приветствовал он его невозмутимо.

вернуться

23

Номад — член клуба, не закрепленный за конкретным чаптером, путешествует повсюду сам по себе. Посещает встречи клуба в разных чаптерах и платит членские взносы в том месте, куда его заведут путешествия.

— Чем занимаешься в Вирджинии?

— Проезжали через штат.

— Везучий ты, брат. Здесь кругом ебанные сумасшедшие девки. И есть чем взбодриться.

Долбоебы. Нюхают то, что должны продавать. Тупые долбоебы.

Тайни хлопнул его по бицепсу.

— Сбрось немного напряжение, брат, и приходи ко мне. Есть кое-какое дело на стороне, ты этим наверняка заинтересуешься.

В раздражении закатывая глаза, он продолжил пробираться, перешагивая через пьяных мудаков, трахающихся то тут, то там. Когда он прошел в конец дома, за стеной которого было только крыльцо во всю длину, то остановился и продолжил осматривать комнату.

Как ни в чем не бывало в толпе Демонов, прислонившись к стене, стоял, мать его, Фрэнки. И нет, безумия в его глазах не убавилось ни на грамм. Зато он стал еще крупнее и мощней.

Его длинные волосы были собраны в пучок, открывая вид на паутину татуировок на его шее, пересекавших заметные шрамы. Его крысиная борода стала длинной, футболка Van Halen [24] обтягивала его крупные мышцы, как вторая кожа.

Он был, наверное, на полдюйма выше Фрэнки, но, тем не менее, они сравнились по своей мощи. Дьюс не был на сто процентов уверен, что один на один он выйдет победителем, поскольку к этому мудаку помимо мощи прилагался полный комплект безумия, которого у него не было.

Фрэнки и его безумный взгляд были прикованы к чему-то через всю комнату. Он проследил за его взглядом.

Блять.

Черная футболка Харлей, ворот разрезан так, что она спадала, обнажая ее плечо, демонстрируя новую татуировку, яркое сплетение цветов. Ее штаны были кожаными, тугими, и на ее ноги, сверкая серебряным, были надеты чаксы. Ее темные, вьющиеся волосы стали еще длинней, почти касались ее задницы. Она немного набрала вес, но ее это не портило. Как давно он видел ее в последний раз, когда повел себя, как ебаный мудака? Четыре года назад? Пять? Ей должно было быть около тридцати сейчас. Она не выглядела на свой возраст. Если бы он не знал ее, то подумал бы, что ей около 22-23 лет.

Он все еще хотел ее. Охуенно сильно хотел ее.

Он снова посмотрел на Фрэнки. Тот не отводил взгляд, его тело не делало ни малейшего движения. Каждый дюйм его тела и взгляда был прочно прикован к Еве.

Сумасшедший. Ебанутый. Даже Дьюсу было не по себе.

Ева оторвалась от разговора с другой женщиной, выглядевшей старше ее, потасканной, носившей шпильки стриптизерши. Определенно клубная шлюха. Взгляд Евы обратился на Фрэнки. В его глазах горело гребаное безумие... и желание владеть ею.

Ева передала свое пиво собеседнице и подошла к Фрэнки. Этот сумасшедший уебок ни разу за это время не отвел от нее взгляд, наблюдал за ней, как стервятник, ожидающий своего куска падали.

Когда она приблизилась, он схватил ее за запястья и притянул к себе. Он склонил голову, накрывая ее рот своим ртом, кажется блять сжирая ее. Ева обвила руками его шею, прижалась своим телом к нему, крепко целуя его в ответ.

Он смотрел на них, его кулаки сжались, что-то свирепое с болью родилось в его груди.

Фрэнки оттолкнул Еву от себя.

— Надо заняться делами, детка, — крикнул он сквозь музыку. — Оставайся прямо блять здесь, пока я не вернусь, или ты нахуй огребешь от меня. Мы оба блять знаем, что ты этого не хочешь. И я не хочу обижать тебя, но я нахуй сделаю это, если ты ослушаешься.

Она кивнула. **Она просто нахуй кивнула.** Фрэнки ушел, исчез в темноту через заднюю дверь.

Отвернувшись, он вытащил телефон из кармана и набрал Кокса. Брат ответил на первом гудке, тяжело дыша. Звуки шлепков кожи были отчетливо слышны сквозь трубку.

— Да?

— У нас проблема.

— Блять. В чем дело?

— Ева.

— Она здесь?

— Да.

— Блять.

— Ага.

— Ками с ней?

Дьюс закрыл глаза. Ну что за хуйня, какая нахер Ками?

— Нет, придурок. Ками здесь нет.

— Черт, жаль.

— Кокс, зови блять парней. Держитесь с Рипером, пока я проясню, каким дерьмом это обернется нам.

— Понял, ждем.

Он запихнул телефон обратно в карман и направился обратно по тому же пути, что и пришел. Схватив по дороге еще одно пиво, он подошел к дверям на кухне. Едва открылась дверь, ведущая на улицу, как он почувствовал дуло пистолета, упирающееся ему в лоб. Ошарашенный, он уронил пиво.

— В чем дело, уебок? Думал, я не заметил тебя там, пока ты наблюдал за мной? Думаешь, я не знаю, что ты тут по мою душу? Я давно вас, козлов, ждал. Пока тебе было похуй на наши дела, я порезал твоего парня, но вот же ты блять объявился и тебе будто и не похуй вовсе. Долго же тебя носило.

Он ничего не ответил. Не было таких слов, которые заставили бы такого человека, как Фрэнки, остыть и осадить. Он должен был думать быстро, или он умрет.

Фрэнки нихуя не шутил. И он выложил единственный туз, который был в рукаве. Ева.

— Видел твою Олд Леди здесь, Фрэнки, она охуенно хороша.

Ствол уперся сильнее в него.

— Она моя ебаная жена, и тебе не стоило на нее пялиться. Те, кто рискуют смотреть на нее, быстро блять подыхают.

Жена. Иисусе.

Он пожал плечами.

— Она рассказывала тебе о нас когда-нибудь?

Фрэнки остекленел.

— Тут нечего нахер рассказывать, — прорычал он.

Идеально. Лучше не придумашь. Мудак попался на крючок.

— Все, что у нее было впервые, случилось, малыш, не с тобой. Это все — мое нахуй. Барбекю у Демонов четырнадцать лет назад. Прямо после того, как она послала тебя, я зажал твою суку у стены, держа руку на ее груди, засунув два пальца в нее и запихнув язык в ее глотку так глубоко, что почти чувствовал, как бьется ее сердце. Эта дрянь была в восторге, была готова отдаться прямо блять там. Даже не могла вспомнить твое ебаное имя, потому что задыхалась, произнося мое. О, и в ее первый раз, кстати, тоже. Раздел ее догола и трахал в переулке под проливным дождем. Все ее ебанные мольбы стали моими.

Фрэнки вдохнул так много воздуха, что Дьюсу показалось, мир пересохнет сейчас. Его черед для внезапных действий. Он двинул локтем по груди Фрэнки, одновременно хватая ствол пистолета, затем схватил Фрэнки за руку, выворачивая ее, и прижимая его к полу. Опустив ботинок на плечо этому мудаку и все еще держа его руку, он с силой дернул ее. И этот чокнутый урод не издал ни звука, когда его плечо было вывихнуто. Даже не дрогнул.

Чокнутый. Просто пиздец.

Прижав собственный же пистолет Фрэнки ему ко лбу, он наклонился.

— И почему я был уверен, что был у нее первым? Ну, помимо того, что она была туже, чем ебанные тиски. После того, как она кончила, сука была на коленях передо мной, слизывая собственную кровь с моего члена. Она даже не была уверена, как и что делать, но отсосала нахуй по полной, дав мне кончить ей в рот. Так что неважно, сколько раз она была твоей, все это дерьмо — в первый раз — было моим. Можешь захлебнуться этим, пока твои мозги будут растекаться по всей комнате.

— Если ты убьешь меня, — сказал Фрэнки вполголоса, почти что умиротворенно, — ты убьешь Еву.

Он моргнул.

— Что?

— Ева. Я умру — умрет она.

— Каким это, блять, образом?

Он ухмыльнулся.

— В качестве свадебного подарка я заключил контракт на нее. Если я умру, ее убьют вскоре. Сука остается со мной по жизни, сука вернется ко мне после моей смерти. Так, как оно и должно быть.

Он просто смотрел на него.

Смотрел.

Было столько всего в этом ебучем мире, что могло шокировать его. Он повидал столько дерьма за свои сорок восемь лет, большая часть которого случилась персонально с ним. И часто его уже ничто не удивляло, когда он вляпывался в очередную хитровыебанную передрагу. Но это.

Фрэнки, на полном серьезе сообщавший, что он оплатил заказное убийство Евы, ставшей наваждением всей его жизни, его ебаной женой, выбивало нахуй землю из-под его ног.

Это лишь еще раз убеждало его в том, что Фрэнки должен умереть. Он просто не знал, как позаботиться о жизни Евы теперь, учитывая это дерьмо. Пока.

вернуться

24

Рок-группа

Все еще держа пистолет Фрэнки, направленный на него же, он достал телефон и набрал Мика. По двое его парни появлялись рядом, образуя кольцо вокруг Фрэнки. Он сделал знак рукой, молча показывая им, не уводить пока Фрэнки.

— Вставай, ты больной ублюдок, — прорычал Рипер.

Фрэнки поднялся на ноги, его рука вывернута и висит под неестественным углом. Он повернулся к ним спиной, уперся вывихнутой рукой в стену дома. С рывком и толчком одновременно, он вправил обратно сустав. Все смотрели на него. У этого уебка были стальные яйца.

Потирая плечо, он присматривался к Риперу.

— Отлично выглядишь, хуйло. Будь я тобой, я бы просто позволил мне прикончить тебя, теперь приходится жить, выглядя как ебанный Фредди Крюгер.

Рука Рипера, державшая пистолет, затряслась. Джейз схватил и сжал его запястье.

Фрэнки покачал головой, фыркая.

— Все вы тут ебанные сучки. Ноете о своих шрамах и вырванных глазах, как мелкие ебанные девчонки.

Фрэнки повернулся к нему.

— Значит, я участвовал, в своего рода, групповушке с Всадником все эти годы. Эта шлюха по крайней мере выбрала Президента клуба, чтобы потрахаться.

Захлестываемый яростью, он сделал шаг вперед.

Рука Мика опустилась на его плечо, сжимая его.

— Он провоцирует нас, Президент, — прошептал он. — Этому уебку только и нужно, чтобы кто-то из нас подошел ближе.

Фрэнки достал сигарету из-за уха, вытащил Zipro [25] из переднего кармана, игнорируя семерых мужчин на взводе, готовых стрелять в любой момент.

Он сделал несколько глубоких затяжек, прежде чем заговорил снова.

— Знал, что она уже не была девственницей, когда первый раз взял ее. Она кричала, будто была ей, но я знал. Так и не смог выудить, кто же ее порвал. Хуеву тучу времени потратил, пытаюсь расколоть ее, но она молчала. Знала, что я убью его.

Напряжение стиснуло его грудь. Она защищала его от ебаного Фрэнки. Он не мог определиться, оскорбиться ему по поводу того, что она думала, будто ему нужна защита от этого мудака, или станцевать ебаную джигу, потому что, совершенно очевидно, женщина по-прежнему была равнодушна к нему.

— Ты ебанный извращенец! — сплюнул Зизер.

— Уже неважно, насколько блять он извращенец, — прошипел Джейз, — с ним покончено.

Фрэнки игнорировал их.

— Надо было догадаться, что это был ты, сейчас это дерьмо кажется очевидным. Сука рыдала во сне, несла какую-то хрень, а я не мог понять, о чем она. Но она всегда сжимала этот ебанный медальон Всадника на ее шее, крепко его сжимала каждый раз, когда это случалось ночью. Никогда не придавал особого значения, она ведь его носила почти всю ее ебаную жизнь, но это ты дал его ей, да?

Он не произнес ни слова, но от него и не требовалось. Фрэнки знал. Он понял.

— Да, — сказал Фрэнки, — учти, Дьюс, я это дерьмо просто так не оставляю.

Тэп засмеялся.

— Почему он нахуй должен переживать по этому поводу, ты, долбоеб? Кто тут сейчас главный хуесос, в ебаную голову которого направлены семь пушек?

Фрэнки по-прежнему плевал на все, кроме разговора о Еве.

— Думаю, он начнет переживать по этому поводу, когда я выпотрошу его кишки и отдам их Еве, чтобы она украсила ими Рождественскую елку.

— Да, чувак, — пробормотал Тэп, — ты блять нормальнее всех нормальных.

Фрэнки наклонил голову налево, впившись своим безумным взглядом в Тэпа, пока тот не сделал шаг назад.

— Босс, чего нахуй мы ждем? — сказал Тэп обеспокоенно. — Давай просто блять прикончим его.

Фрэнки ухмыльнулся. Злобной, садистской ухмылкой, из-за которой по спине бежали мурашки.

— Босс не даст вам меня грохнуть, — протянул Фрэнки. — Не так ли, Босс?

— Нет, — уверенно ответил он, — не дам.

— Что за нахуй? — крикнул Тэп. — Посмотри на лицо твоего парня!

Он смотрел на Фрэнки, не испытывая ничего кроме ненависти.

— Если он умрет, умрет Ева. Говнюк приставил к ней какого-то ебаного киллера.

— Блять, — выдохнул Джейз.

— Значит, мы не можем убить его, — сказал Рипер, доставая телефон, — но и предоставить ему возможность нарядить рождественскую елку по собственному дизайну тоже не можем.

Он набрал кого-то на мобильном.

— Йоу, Джина, детка, это Рипер... Да, малыш, я знаю... Детка... Погоди, я... Нет, я блять очень сожалению об этом... ДЕТКА!.. Да, я извинился с помощью ебаной смски, ну чего ты блять хотела? Телеграмму?.. Может заткнешься уже нахер и послушаешь, что я скажу? Мне надо, чтобы ты просмотрела все, что есть на Фрэнклина Делуву.

Фрэнки со скучающим видом прислонился к стене, посмеиваясь над чем-то своим.

Рипер отпрянул от трубки и посмотрел на динамик. Когда Джина закончила орать на него, он прислонил телефон обратно к уху.

— Делува. Д-Э-Л-У-В-А... Верно.

Последовала долгая пауза, Рипер начал улыбаться.

— Охуительно... Сучка, я блять снова влюбляюсь в тебя, прямо сейчас...

Другая длинная пауза.

— О Господи, Джина, не начинай блять снова...

Дьюс выхватил телефон и отключил звонок.

— Готов поделиться? — прорычал он.

— Сука сказала, что на него есть четыре действительных ордера за покушения и что его дважды пытались найти для допроса по нераскрытым убийствам. Она в шести часах езды отсюда, так что она передает приказ какому-то чуваку по имени Крэнк. Он будет минут через пять.

Он бы никогда в жизни не подумал, что будет так счастлив, что Рипер трахает наемницу [26]. А ведь все его ребята по уши блять плавают в незаконном дерьме. Но и такое случается.

— Тэп, займи переднюю дверь. Джейз, заднюю. Убедитесь, что все спокойно, пока мы не покончим с этим.

Последнее, что сейчас им было нужно, это стычка между Демонами и Всадниками.

— А ты, Рипер, избавься от Никки и посади эту охуенно крутую суку на свой байк, наконец.

— Да, чувак, — сказал Мик, — Никки та еще пизда.

Рипер пожал плечами.

— Зато у нее сиськи потрясные.

Зизер подавился своим смехом.

— Да, ты же блять заплатил за то, чтобы они стали потрясными.

Рипер показал средний палец Зизеру.

— Джина вечно в разъездах. Никогда не сидит на одном месте подолгу. Я не совсем мудака, чтобы сделать ее Олд Леди, а потом трахать шлюх.

Дьюс засмеялся.

— Ты собираешься стоять тут и всерьез рассуждать о том, что не собираешься трахаться на стороне? Хорош пиздеть. Даже после того, как тебе искромсали лицо, сучки продолжают падать штабелями перед тобой, желая утешить тебя. Я твой хуй вижу настолько блять часто, иногда кажется, что скоро мне придется трахаться с тобой.

— Да, чувак, ты вообще блять когда-нибудь убираешь его в штаны? — спросил Зизер.

Рипер глазел на Зизера, Зизер пожал плечами.

— Ну что? Ты и не убираешь его. Меня вот уже подташнивает смотреть на него.

— Тэп!

— Босс?

— Найди тех, кто выкупил заказ на Еву от Фрэнки. Используй любые связи, ебанных русских, ебанных японцев, мне похуй, можешь использовать все мои ебанные возможности, просто найди и прикончи их.

— Уже ищу, — Тэп вытащил мобильный и отошел.

— Босс?

Он повернулся и увидел Джейза, стоящего позади Евы. Она смотрела на Фрэнки, почти плача.

Дерьмо.

— Она вышла из дома, — объяснил Джейз, — искала Фрэнки. Она слышала тебя, Босс.

— Ты заказал меня? — прошептала она.

Фрэнки больше не улыбался. Ева сделала шаг к нему, и Кокс встал между ними, приставив пистолет к горлу Фрэнки.

— Не подходи к нему ближе, Фокси.

— Почему, малыш? — прошептала она. — Чего такого я не дала тебе, что тебе еще было нужно?

Фрэнки моргнул.

— Блять, детка, не плачь, — сказал он тихо. — Я не пытался причинить тебе вред, просто хотел, чтобы ты всегда была со мной. Не могу нахуй уснуть без тебя, а умереть означает уснуть навечно. Я не смогу спать вечность без тебя.

Слезы Евы потекли по ее лицу, и Фрэнки напрягся.

— Я так люблю тебя, детка, — прошептал Фрэнки, — я думал, ты захочешь быть со мной навеки.

вернуться

25

Зажигалка Zippo

вернуться

26

Охотница за головами. Аккредитованный государством сыщик, который занимается поиском преступников за вознаграждение.

Издав сдавленный всхлип, Ева потянулась к нему. Он рванулся к ней вперед, чтобы схватить ее, но Зизер был быстрее. Он поймал ее и оттащил назад.

— Нет, — визжала она, вырываясь, — пусти меня к нему!

Лицо Фрэнки стало ледяным, когда он увидел Еву расстроенной и сопротивляющейся Зизеру, его взгляд метнулся к Коксу. Все это дерьмо обещало закончиться плохо.

— КОКС! — крикнул Дьюс.

Этот чокнутый убог ухватил направленный на него ствол и им же ударил Кокса по голове. Один стремительный удар по яйцам, и Фрэнки уже целился в Кокса.

Он не раздумывал, просто кинулся прямо на Фрэнки, и они покатались на землю. Ударив Фрэнки по его едва вставшему на место плечевому суставу, он смог одержать верх и уткнул его лицом обратно в грязь.

Кокс лежал на земле, схватив себя за яйца, в столах бормоча, что никогда не сможет снова трахаться. Ева истерически визжала и ожесточенно вырывалась. Зизеру приходилось несладко, пока он продолжал крепко удерживать ее. Ебанный дурдом.

— Я найду способ прикончить тебя, мудака, — прошипел он Фрэнки на ухо.

Фрэнки засмеялся. Он все еще продолжал смеяться, когда свет фар машины наемника свернул с улицы и двинул к подъездной дороге дома.

Крэнк был здоровым парнем, бывшим морским пехотинцем. Ему не составило труда перехватить Фрэнки и приковать его наручниками в своей машине. Не лучшее окончание вечера, но это было лучше, чем ничего, и главное — какое-то время Ева будет в безопасности, пока он будет разбираться со всей этой паутиной сумасшествия Фрэнки.

И говоря о сумасшествии...

— НЕТ! — я кричала, пытаюсь вырваться, пока Фрэнки увозили. — БОЖЕ, НЕТ! Вы не можете этого сделать! Он не справится с этим!

Фрэнки не мог попасть за решетку. Он не продержится. Он не будет спать, он не сможет вести себя нормально с сокамерниками, это был гарантированный рецепт кошмара.

— Отлично, — фыркнул Мик, — будем надеяться, что он не продержится там и пяти ебанных секунд.

Ее голова резко дернулась в сторону Мика.

— Ты, дерьма кусок! — закричала она. — Ты никогда не можешь держать свой ебанный рот закрытым! Всегда лезешь не свое дело!

— Успокойся, Ева, — прорычал Дьюс.

Я перестала вырываться и посмотрела на него. Он с ума сошел? Моего мужа отправили на верную смерть, а он говорит мне успокоиться. Нет, черт побери.

Душераздирающий крик вырвался из меня, я вырвалась из хватки Зизера и рванула к Дьюсу.

— Ты уебок! — кричала я, колотя его, пытаюсь ударить любую часть его тела, до которой могла дорваться. — Ты тупой кусок дерьма!

Ему не понадобились серьезные усилия, чтобы справиться со мной. Я была на земле, он был между моих ног, мои запястья были зажаты над моей головой, он смотрел на меня. Я довольно заметила его распухающую губу, кровоточащий нос и расцарапанную щеку.

— В чем нахуй дело, Ева? — раздался рев надо мной. — Узнала, что твой мужчина заказал тебе ебаного киллера, и кидаешься на меня?

Я чувствовала себя больше, чем просто злой, больше, чем просто потрясенной, это было больше, чем обычная боль. Я чувствовала себя такой беспомощной, раздавленной, словно швы моей души распорались, разошлись везде, где они были. Я заботилась о Фрэнки так долго, и я так устала от этого, но его вины в том, каким он стал, не было, он был болен, он не мог рассуждать также, как и все другие люди.

А что касается Дьюса, кем он нахуй возомнил себя?

— КЕМ ТЫ НАХУЙ ВОЗОМНИЛ СЕБЯ? — заорала я.

— Думаю, я тот мудака, что пытается спасти твою ебаную жизнь, тупая ты сука!

— Тупая сука? Тупая сука, значит! Не надо делать мне одолжений, уебок! Мне никогда не нужна была твоя помощь, я нахуй уверена, что и сейчас не нуждаюсь в ней!

Синие глаза сверкнули, он склонился к моему лицу.

— Сука, — прорычал он, — мы пришли, чтобы грохнуть твоего ебаного мужа. Что нахуй случилось бы, если он не сказал нам о заказе на тебя? А? Что, сука, скажи мне, что блять случилось бы потом?

Я плюнула ему в лицо так сильно, как смогла.

— Пошел ты нахуй! — крикнула я и ударила своим лбом в его лоб. Перед глазами все поплыло. По ощущениям было не так круто, как это выглядело в фильмах. Дьюс перехватил оба моих запястья в одну руку и хлопнул мне по лбу, прижимая мою голову к земле.

— ТЫ ВСЕ НАХУЙ СКАЗАЛА? — прогреготал он.

Мне было, что еще сказать.

— Последний раз, когда мы виделись, тебе отсасывала клубная шлюха, и ты одновременно пытался поцеловать меня! В предшествующий этому раз я обнаружила тебя на кухне с полураздетой блядью, и это было всего через несколько часов после того, как ты трахал меня! Ты ебанный отброс, Дьюс! Ебанный отброс! С чего ты нахуй взял, что я буду тебе благодарна хоть за что-нибудь блять?

Глаза Дьюса грозились вылезти из орбит. Его тело сотрясала ярость. Нормального человека напугал бы хладнокровный убийца, нависший прямо над ним, с жесточайшим выражением лица, но я уже зашла слишком далеко. Чистый адреналин действовал сильнее любых наркотиков. И я уже была обдолбана под действием адреналина, паря над какой-то ебаной горой.

Даже холодная сталь пистолета Мика, приставленного к моей щеке, не подействовала успокаивающе на меня.

— Успокойся, пизда ебаная, — прорычал он.

— Давай, сделай это блять, — прошипела я, — я нахуй умоляю тебя, ты, тупой, ебанный кусок дерьма. Давай, грохни каждого Демона по всей ебаной стране!

— Успокойся блять, Ева! — крикнул Дьюс.

Я снова посмотрела на Дьюса.

— Скажи ему, чтобы стрелял, — шипела я, — но только дай мне сначала закрыть глаза. Не хочу, чтобы твое мерзкое ебаное лицо было последним, что я увижу.

Ноздри Дьюса раздувались.

И это было последним, что я увидела... на какое-то время.

Глава 10

Получив три ключа, Дьюс вернулся из офиса потасканного придорожного мотеля. Один ключ он вручил Мику, другой — Джейзу.

— Что за херня? — пожаловался Зизер. — В номерах всего по две кровати.

— Ты спишь на полу, — ответил Рипер.

— Пошел нахуй, — бросил он ответ. — Вы с Коксом вполне можете разделить одну койку на двоих, все остальное ведь делите.

— Это были лучшие несколько дней в моей жизни, — ухмыльнулся Рипер.

— Кстати, о подружке Ками, — Кокс посмотрел на Еву, которая была намертво в отключке. — Босс?

Дьюс покачал головой.

— Если она проснется рядом со мной, будет полный пиздец. Я последний в списке мудаков, которых она хотела бы видеть.

— Почему мы блять просто не оставили ее лежать там? — ухмыльнулся Мик.

— Чувак, — ответил Джейз, — хочешь оставить без сознания эту горячую штучку на сраной клубной вечеринке без присмотра ее мужчины? Может, сразу тогда приедем к ней табличку «Бесплатная ебля — всем и каждому»?

— Да кого это нахуй волнует? — проворчал Мик. — Эта сука не проявила ни капли благодарности, и это после того, как мы пытались спасти ее! Мне надо было врезать ей посильней, и тогда этого разговора вообще бы сейчас не было!

Он слышал, что его парни спорили, но не вслушивался. Не отрываясь, он смотрел на Еву, безвольно повисшую на руках у Кокса, снова и снова проигрывая в уме все то, что она сказала ему. Снова, снова и снова.

Ты ебанный отброс, Дьюс! Ебанный отброс! С чего ты нахуй взял, что я буду тебе благодарна хоть за что-нибудь блять?

Перед его глазами была Ева, но в его ушах звенел голос его старика. Какое блять совпадение. В последнюю встречу с отцом, он впервые увидел Еву. Кровь застыла в его венах: на шее Евы висел жетон его старика.

Этот мудака все еще был здесь, разрушая его гребаную жизнь. К ебням испоганивая то, что связывало его с единственной женщиной, на которую ему было не насрать.

Всего несколько мгновений они провели вместе — то там, то здесь — некоторые из них были прекрасными, другие принесли боль. Все это не имело значения. И их отношения были безнадежными. Ему давно стоило отпустить ее. Но он не смог тогда, не мог и сейчас. Потому что не хотел отпускать ее. Блять, он любил ее.

Он набрал Проповедника.

— Да?

— Это Дьюс.

— Какого хера тебе надо?

— Фрэнки за решеткой. Собирался организовать ему «билет в один конец», но выяснилось, что твой мальчик заказал твою девочку. Если он сдохнет, она отправится вслед за ним. Ты был в курсе этого?

Тишина.

— Блять, — донеслось от Проповедника.

— Да, оно самое. Мои парни перетряхивают все мои связи, пытаются выяснить, кто взял заказ. Сделать это непросто, сомневаюсь, что Фрэнки оставил хоть одну ебаную зацепку, и могильщики, знаешь ли, не очень общительные люди.

— БЛЯТЬ! — проревел Проповедник. Он убрал телефон от уха и смотрел на него, ожидая, когда Проповедник закончит проклинать все вокруг и разобьет все, что его окружает. Казалось, на милю вокруг было слышно, что там происходило. Вспышки гнева у Фоксов — это, видимо, семейное.

— Всадник, — прохрипел Проповедник в трубку, — где блять моя девочка?

— Со мной. Шестеро моих парней рядом. Она в безопасности.

— Хорошо, — буркнул он, — дай мне поговорить с ней.

Дьюс взглянул на Еву. Она все еще была в отключке.

— Она спит. И мне совсем не хочется ее будить. Она не испытывала ебаного восторга по поводу происходящего.

Мик фыркнул.

— Ее можно понять, — добавил Кокс.

— Да, готов поспорить, — пробормотал Проповедник.

— Проповедник, мы отменим заказ на Еву, но если в течение недели после этого Фрэнки все еще будет жив, я прикончу его.

— Мы поговорим об этом позже. Прямо сейчас Фрэнки за решеткой, и мне надо включиться в поиски исполнителя. Прямо сейчас просто позаботься о моей девочке.

— Проповедник, — прорычал он, — Фрэнки должен отправиться в могилу.

— Этой мой ебанный зять! Это семейное дело, и я буду рассматривать его только в рамках семьи! Теперь заткнись блять и доставь мою девочку домой, или я нахуй снесу тебе голову!

Проповедник отключился.

Иисусе. Чокнутые. Все вокруг.

Застонав, я перевернулась и схватилась за голову. Где, черт возьми, я была? Почему голова болит так, будто Великолепный Халк отплясывал на моей макушке ирландские танцы?

Я выпила... три пива? Этого недостаточно, чтобы заработать такое сильное похмелье.

Прижав одну руку ко лбу, я огляделась в темноте. Так, ладно... Я лежала на кровати, заправленной дешевыми простынями в затяжках, с синтетическим одеялом.

Мы с Фрэнки сняли номер в мотеле? Зачем нам останавливаться в мотеле на пробеге, если мы

могли остаться ночевать в каком-нибудь клубе?

— Фрэнки? — прохрипела я, морщась от боли, с которой мой голос отдавался в голове.

Ответа не последовало.

Я ощупала кровать, пока не дошла до края. Осторожничая, чтобы не сотрясать свою голову лишний раз, я спустила ноги с кровати и встала. Продрала глаза.

Слева были маленькие часы, показывавшие 2:43. Протянув руку, я нашла светильник.

Включила его.

Точно. Мотель. Дерьмовейшей категории. Оранжевые стены и цветочки на одеялах. Ковер, который называли новым в семидесятые, и мебель, знававшая лучшие времена.

Потерев глаза, я направилась к двери. Дверная цепочка болталась, поэтому я просто повернула разваливавшуюся ручку и открыла дверь.

Дьюс и Кокс обернулись ко мне.

Я вытаращилась на них. Дьюс сделал шаг ко мне.

Я захлопнула дверь обратно и закрылась на цепочку.

Дерьмо.

Вот дерьмо.

Этот козел отправил Фрэнки в тюрьму и похитил меня. Нет, он вырубил меня сначала, а потом уже похитил!

Дверь приоткрылась дюймов на пять, дальше мешала цепочка.

— ЕВА!

— Пошел нахуй! — крикнула я ему и повалилась на пол, хватаясь за голову.

Я услышала, как оборвалась цепочка, и дверь, открываясь, долбанула о стену. Последовали тяжелые шаги, затем меня подняли, я была прижата к огромному, теплomu телу и бережно усажена обратно на неудобную кровать.

— Мне надо в больницу, — захныкала я.

— Серьезно? — спросил Дьюс. — Или ты просто хочешь съебаться от меня подальше?

— Да и снова да! — огрызнулась я. — Я обычно не общаюсь с долбоебами, которые похищают моего мужа, а потом вырубают меня ударом пистолета по голове!

— Ева, — сказал он спокойно, — я понимаю, что ты охуенно зла. Но выбор у меня был небольшой.

Я фыркнула. Боль отдавалась в голове, но я все равно фыркнула.

— Мы показались на этой вечеринке, собираясь разобраться с ним из-за того, что он сделал с

Рипером, увидели тебя там. Я понятия блять не имел, что теперь делать. Фрэнки выманил меня наружу, приставив ебанный пистолет к моей голове, без пяти секунд собираясь грохнуть меня. Был только один способ заставить его отвлечься от намерения стрелять, и я сказал ему о той единственной, мать ее, вещи во всем мире, что притормозит его. Ты понимаешь, о чем я рассказал, не так ли?

О Господи.

— Нет, — прошептала я.

— Да, — отрезал он. — Вот тогда он и решил рассказать, что заказал тебя. Я блять понятия не имел, как теперь поступить. Подумал, что если отпущу его, он устроит тебе пиздец за то, что ты трахалась со мной, если убью его — ты будешь следующей. Оба варианта меня не устроили, так что теперь мы блять здесь.

— Уходи, — прошипела я.

— Извини, дорогая. Оплатил эту комнату, не пропадать же деньгам.

— Уебись об стену, — огрызнулась я.

— Попозже, — ответил он. — Сначала я собираюсь вытащить одну девочку из ее грязной и порванной одежды.

Он снял мои чаксы, потом стянул с меня штаны, и в последнюю очередь снял с меня футболку через мою голову, оставляя меня в одном нижнем белье. Его глаза остановились на моей груди. Я наблюдала, как он потянулся вперед и взял медальон его отца. Он смотрел на него, его ноздри раздувались.

— Это все его ебаная вина, — рявкнул он. Затем он резко дернул цепочку, и та порвалась.

Я вскочила быстрее, чем следовало, и схватилась за голову.

— Что ты делаешь? — вскрикнула я.

Дьюс промчался через комнату, рывком открыл дверь и выкинул в коридор цепочку с медальоном.

— Избавься от этого, — рявкнул он кому-то, кого я не могла видеть, и захлопнул дверь.

— Не следовало вообще давать это тебе, — сказал он грубо.

Мой рот открылся.

— Что? — прошептала я.

— Ты слышала меня. Восемнадцать лет ты носила жетон этого говнюка. Восемнадцать лет этот ебанный ублюдок болтался на твоей шее, и меня тошнит от этого.

Слезы защипали в моих глазах.

— Но он был моим, ты мне его отдал, и я любила этот жетон, и я...

— Заткнись, — прорычал он. — Потрошитель был грязным ебанным ублюдком, которому было

плевать, кого трахать, кого избивать или кого убить, чтобы все было так, как он хотел. Не было ни одной чертовой причины, отдавать тебе то, что принадлежало ему.

Мой подбородок затрясся. Что он хочет сказать? Все, случившееся между нами, было ошибкой? Я не могла понять и справиться с этим прямо сейчас. Не после вчерашнего дня.

Фрэнки всегда нес одни неприятности, но чтобы сделать такое... Заключить контракт на меня. На меня. Я отдала ему все. Себя, мою любовь, мое тело, мою жизнь.

Я не могла осознать, объять это. Или не хотела осознавать. Или не могла. Не знаю.

Я понимала, что чувства Фрэнки ко мне давно переплюнули любовь, если это вообще когда-то было любовью. В очень юном возрасте Фрэнки уверил себя самого, будто я нужна ему, чтобы дышать. Это было ненормально, нездорово для него, для меня, для наших отношений, но я надеялась, что так более-менее смогу держать его под контролем. Я чертовски ошиблась.

И адская боль полыхала во мне.

И еще это теперь. От Дьюса.

Я отвернулась от него, поджала коленки к груди. Сначала слезы капали потихоньку, стекая из уголков моих глаз, медленно катясь по моему носу, по щеке, но когда я ослабила внутреннюю хватку, высвободив боль и гнев, сожаления и чувство вины, мои слезы превратились в проливной дождь. Не в силах справиться с собой, я, икая, всхлипывала, пытаюсь дышать, покачиваясь из стороны в сторону, и плакала, и плакала, пока слез не осталось.

Дневной свет уже ушел, когда я проснулась. Не помню, как засыпала, и совершенно точно не помню, что заснула в руках Дьюса. Я выпуталась и пошла в ванную. Я была вся в грязи, волосы выглядели, как крысиное логово, и брызги крови покрывали меня. Кровь была не моя, Дьюса. Я осторожно ощупала голову и обнаружила шишку размером с гусиное яйцо. Она была чувствительной и болела, когда я касалась ее, но в остальном я чувствовала себя нормально.

Я долго стояла под напором душа, пока не истратила всю горячую воду, и не полилась холодная.

Замерзнув, я укуталась в полотенце и вернулась обратно в спальню. Дьюс во сне отбросил с себя простыни и откатился на свою сторону кровати. На нем были только боксеры, на его загорелой коже на спине чернела татуировка — эмблема Всадников Ада.

Ему было около пятидесяти сейчас. Его короткая аккуратная борода почти вся была седой. Серые нити в его волосах не были так заметны, но они были там. Каждый дюйм его тела, как и прежде, был впечатляющим, идеально вычерченные линии и контуры, мощные мышцы в тонусе. Он был по-прежнему красив. Самый красивый из всех мужчин, что я видела, и по-прежнему дающий фору вперед всем мудакам.

И я по-прежнему любила его. Так было всегда, и это не изменилось сейчас.

Я сделала короткий звонок в офис мотеля, затем набрала Тайни, сказав, где и когда он должен забрать меня, а потом забралась обратно в постель к Дьюсу. Мы лежали каждый на своей

стороне, лицом к лицу, я смотрела на него. Боже, как же я скучала по нему. Особенно бессонными ночами, думая обо всем том, что могло бы случиться, но так никогда и не произойдет с нами. Все эти мысли вращались вокруг него. Если бы я только могла вернуться назад во времени и взять назад свои слова о том, что не стану его Олд Леди. Я бы стала его Олд Леди, держалась бы подальше от клуба, сделала бы что угодно, что он пожелал. И была бы счастлива, потому что он бы был моим.

Но все пошло совсем иначе. И я не могла сбежать от решений, принятых мною годы назад.

Не раздумывая, просто отдаваясь чувствам, я мягко подтолкнула его, и он перевернулся на спину. Затем я стянула его боксеры, сперва нежно касаясь его, держа и поглаживая его, снова знакомя себя с его телом.

Когда речь шла о Дьюсе, мое тело брало верх, мое тело и мое сердце. Мой мозг всегда отправлялся в отпуск в его присутствии.

Я взяла его в свой рот, и он застонал во сне, пошевелился, но все еще дремал.

Когда он набрал силу и был готов, я оседлала его и медленно ввела в себя. Я задрожала, когда он растянул меня изнутри, и издала содрогающийся стон.

Его руки перебрались на мои бедра, и его глаза открылись.

— Эй, — прошептала я.

— Блять, — сказал он хрипло.

Я прикусила губу.

— Хочешь, чтобы я остановилась?

— Ну уж нет нахрен.

— Я так сильно сожалею о прошлой ночи, — прошептала я.

— Ева?

— Да?

— Все в порядке, малыш. Тебе не надо объясняться.

— Дьюс?

— Да?

Я сжала его нутром.

— Собираюсь трахнуть тебя прямо сейчас.

Он резко вдохнул.

— Малышка. Да...

Дьюс смотрел на Еву, лежащую на спине, обнаженную, заснувшую рядом с ним. Он пробежался рукой от ее шеи к темным завиткам между ее бедер и обратно.

— Не дам тебе уйти в этот раз, дорогая, — прошептал он. — Прикую тебя и накачаю нахуй наркотиками, если понадобится.

Это было безумие, он понимал это, но ему уже было плевать. Он устал думать о ней все время, переживая, думала ли она о нем, чем она занималась. Он устал от той боли, с которой так сильно желал ее. Он устал от этих ебанных игр, в которые они играли, прибегая друг к другу, трахаясь или ругаясь, и сваливая затем. Он хотел большего. Он нуждался в большем.

Он снял через голову свой медальон Всадника и, стараясь не разбудить ее, надел цепочку ей на шею.

Она должна была носить его медальон.

Потом он притянул ее ближе, подбородком прижал ее голову, закинул одну ногу на ее ноги и уснул.

Когда он проснулся, она ушла. Снова.

Глава 11

Уже три недели я была дома. Три недели встреч с адвокатами клуба и адвокатами со всего города, ни один из них не мог ничего сделать так быстро, как хотелось бы мне. Три недели я умоляла Чейза посмотреть дело Фрэнки, использовать любые грязные связи, которые у него точно были, которые были у его семьи, которые они использовали, чтобы протиснуться в положение всемогущих. Три недели Ками пыталась угрожать Чейзу, чтобы тот посмотрел дело Фрэнки. Так что уже три недели я сходила с ума.

Мои нервы были на пределе. Фрэнки терял себя. Каждый визит в Квинсборо [27] выматывал меня. Я никогда прежде не видела его в таком ужасном состоянии, и я ни черта не могла сделать без законной помощи. Мне нужен был Чейз, и он нужен был мне позарез.

В то утро, когда Ками позвонила мне сообщить, что Чейз наконец-то согласился встретиться со мной, я почти выпала из постели и едва не вздернулась, уворачиваясь от пробок Манхэттена, пока добиралась до 35 этажа Башни Мартелло, где расположились офисы слуг закона «Хендерсон, Фредерикс и Стоунволл».

— Миссис Фокс-Делува?

Я перестала нервно отбивать ногой ритм песни Дженис «Me and Bobby McGee» и выдернула наушник.

— Да?

— Мистер Хендерсон готов вас принять.

Прежде я лишь однажды бывала в офисе Чейза, когда он стал партнером и захотел похвастаться. Каждый угол в его офисе выглядел экстравагантно и богато, как и его дом. Офис был огромным, с дорогими коврами, книжными стенками от пола до потолка, уютной зоной отдыха, мини-баром и личной ванной, укомплектованной душем. Четко по центру стоял стол из массива дуба, рядом с ним расположились два внушительных кожаных кресла с высокими

спинками, предназначенные для клиентов.

Когда я вошла, Чейз стоял у мини-бара, наливая виски в два высоких бокала. Он обернулся, услышав меня, отставил виски, разглаживая несуществующие складки на своем костюме в тонкую полоску, который стоил больше, чем большинство людей готовы потратить на машину.

— Ева, — протянул он, гостеприимно указывая на кресло, — присаживайся.

Я прищурилась.

— Хватит заниматься херней, Чейз. Почему ты блять заставил меня ждать так долго?

Он выгнул бровь.

— Я сожалею, ты пробыла в комнате ожидания слишком долго?

Блин. Он заслуживал хорошего пинка по яйцам.

— Нет, Чейз. Ты заставил меня ждать три недели, просто чтобы поговорить с тобой. Что за хуйня?

Он улыбнулся, и я сморщила нос. Если бы акулы могли улыбаться, они бы делали это так, как делал Чейз.

Он снова указал мне на кресло. Когда я села, он протянул мне бокал с виски. Я взяла его и уставилась на Чейза.

— Ты же понимаешь, что сейчас девять утра, да? И это не порция дешевой выпивки?

Он сел за свой стол.

— Ева, не отзывайся об односолодовом Маккалане [28], как о дешевой выпивке. Семьдесят пять тысяч долларов за бутылку — думаю, он заслуживает немного уважения.

Я снова поморщилась.

— Ты заплатил семьдесят пять тысяч долларов за бухло?

Он приподнял бровь.

— За лучшее я готов платить больше.

Я удивленно посмотрела на него.

— Ну... классно.

— Вижу, ты, как обычно, «впечатлена» тем лучшим, что может дать жизнь, — фыркнул он.

Я закатила глаза.

— Неважно, Чейз. Фрэнки?

Он барабанил пальцами по столу.

— Я уже прочесал дело Фрэнки, в нем чрезвычайно много страниц.

Я оживилась.

— И? Ты можешь помочь ему?

— Я могу, — сказал он мягко. — Я почти уверен, что с помощью моих партнеров смогу перевести его на прием медикаментов, которые, совершенно очевидно, нужны ему на какое-то время. Я уверен, что введение психиатрических препаратов не только улучшит его пребывание в тюрьме, но даст ему, в конце концов, возможность говорить с законниками без попыток убить их. Когда его душевное здоровье улучшится, мы сможем начать работать с уликами, выдвинутыми против него.

вернуться

27

Квинсборо — тюрьма на Лонг Айленде, Нью-Йорк.

вернуться

28

Macallan — дорогой шотландский виски

— Бог мой, — выдохнула я, — спасибо тебе.

— А! — указал он пальцем на меня. — Вот момент, когда понадобится выпивка. Я уверен, ты не откажешься от нее, когда узнаешь, во сколько тебе обойдутся мои услуги.

— Деньги не проблема. Ты получишь столько, сколько захочешь.

Его злобная улыбка почти доползла до его ушей.

— Как ты осведомлена, денег у меня больше, чем я могу потратить за десять своих жизней.

Я прищурила глаза.

— Что происходит, Чейз?

— Фрэнки напал на охранника прошлой ночью, почти убил его, — продолжил он, — вот почему я согласился встретиться с тобой сегодня.

О Боже.

О нет.

В конце концов, Ева трахнет меня. Все имеет свою цену. Я просто не понял пока, чего стоит она.

— Чейз, — прошептала я, чувствуя тошноту, — пожалуйста, не надо...

Он поднял руку вверх, прерывая меня.

— Фрэнки в одиночке, Ева. В карцере.

Я прикусила губу, пытаюсь не плакать. Фрэнки не сможет выжить в одиночной камере.

— Боже, Ева, бедная девочка. Должно быть, ты сейчас в таком отчаянии и готова на все ради спасения своего мужа-психопата.

Я моргнула, и две слезы покатались по щеке.

— У всего есть своя цена, так, Чейз?

Он ухмыльнулся. Затем он указал на мой бокал, слишком большой для виски.

— Я же говорил, тебе это понадобится.

— Ты мерзок, — глухо сказала я. — Ты блять спланировал это. Ты целенаправленно ждал, пока у Фрэнки не останется больше времени в запасе.

Он невозмутимо кивнул и отхлебнул.

— Да, я ждал.

— Пошел ты нахуй, — проскрежетала я. — Я думала, ты был моим другом.

Он имел наглость выглядеть обиженным.

— Мы друзья, Ева. Вообще-то мы настолько хорошие друзья, что я готов быть тем единственным, кто спасет одержимого маньяка, за которым ты замужем.

— Почему? — потребовала я ответа. — Я ведь байкерское отродье, разве не так? Ты миллион раз повторял это. Мои деньги — грязные, а моя семья, мой клуб — грязные пятна на обществе. Зачем так чертовски изворачиваться, чтобы трахнуть меня?

Он глотнул еще виски.

— Поскольку ты не обращала внимания на мои попытки затащить тебя в постель в течение всей учебы в старшей школе, во время учебы в колледже и после, я подумал, может, ты из тех женщин, которых надо унижать? Я ошибался. Ничто не срабатывало с тобой. Пока ты была с Фрэнки, на тебе был пояс целомудрия.

— Ты был помолвлен с Ками еще, когда вы были в пеленках!

Его верхняя губа изогнулась в отвращении.

— Знаю, — усмехнулся он. — И я бы послал отца нахер, когда он предложил мне жениться на этой подлой женщине, если бы не положил глаз на ее ближайшую, любимейшую подругу.

— Ты серьезно? — прошептала я.

— Вполне, — ответил он. — Видишь, когда речь шла о моей женитьбе, я с самого начала знал, что это лишь решение политических вопросов и укрепление связей между семьями. Это означает, что трахать я могу кого угодно. Я понял свою ошибку слишком поздно. Ты не из тех,

кто станет крутить роман с женатым мужчиной, и не из тех, кто станет изменять своему мужу.

Тогда я познала настоящую ярость. Чейз загнал меня в угол. Он убедился, что все отходные пути перекрыты, не оставил мне выбора кроме того, который хотел, чтобы я сделала.

Впервые в моей жизни я хотела убить.

— Ты не прав, Чейз, — прошипела я. — По обоим пунктам. Я изменяла Фрэнки. Вообще-то последние двенадцать лет я трахалась с женатым мужчиной.

Его брови поползли наверх.

— Видишь, — продолжила я, — твои представления обо мне основательно отличаются от реальности. Дело в тебе, это конкретно тебя я не хочу.

Его челюсти сжались.

— Так что, Ева? — сдерживаясь, спросил он. — Снизойдешь трахнуть меня, или Фрэнки останется предоставленным самому себе?

Я подняла бокал с виски за семьдесят пять тысяч долларов.

— Трахну тебя, Чейз.

Пока я пила, Чейз вытащил телефон из кармана костюма.

— Это Хендерсон, — сказал он. — Вытащите сейчас же Делуву из одиночки... Да, я в курсе, что он склонен к насилию... Да, я также в курсе, сколько я плачу... Мне неинтересно, сколько человек потребуется, чтобы успокоить его, выполняйте, и как можно скорей... Хорошо. Убедитесь, что его сразу отправят в медицинский центр, и позвоните мне, когда он очнется и будет более-менее контролировать себя, я сразу отправлю психиатра и команду психологов для составления его полного психологического портрета. Вы с вашим персоналом должны согласиться с мнением психологов, подписать там, где вам покажут, и ожидать моих дальнейших инструкций.

Я прикончила виски, и со стуком поставила бокал.

— Очень хорошо, — продолжил Чейз, глядя на меня. — Полагаю, об охраннике уже позаботились?

Я сделала глубокий вдох, не принеший облегчения. Желудок наполнился теплом виски, и мое тело ослабло, мое сердце прочно застряло в глотке. Мне понадобится вся бутылка. Все семьдесят пять тысяч этого виски.

Будто читая мои мысли, Чейз через стол толкнул мне свой наполовину полный бокал.

— Великолепно, — сказал он в трубку. — Я буду на связи.

Он отключился. Затем нажал кнопку на телефоне на своем столе.

— Да, мистер Хендерсон? — донеслось из громкоговорителя.

— Отмени все, что у меня есть на остаток дня.

— Пардон? У вас две встречи, одна с судьей...

— Отмени все встречи.

— Но...

— Если хочешь сохранить свою работу, отмени все, что у меня запланировано.

— Да, сэр.

Звонок оборвался, и Чейз посмотрел на меня. Вздвогнув, я отвернулась и залпом выпила остатки его виски.

— Ева, — сказал Чейз, — мне надо объяснять тебе, что это не разовая встреча, верно?

— Разве ты только что не объяснил? — спросила я саркастично.

Он раздраженно смотрел на меня.

— У нас ничего не выйдет, если ты собираешься делать вид, что это принуждение.

— Оу, — фыркнула я. — А как мне стоит вести себя? Как на свидании? Как на тренировке?

— Мы могли бы сходить куда-нибудь, — сказал он тихо. — Пообедать для начала. У меня есть постоянная бронь почти в каждом ресторане города.

Я усмехнулась.

— Мы не на свидании, Чейз. Я просто согласилась раздвинуть ноги перед тобой. Тебе не надо напрягаться, чтобы понравиться мне.

В безжизненном взгляде Чейза появился холод. Он был прекрасным человеком, но кто-то, возможно, его родители, неоднократно прогибали его, ломали, пока в его душе не осталось ничего, что можно было собрать по кусочкам.

— Отлично, — сказал он бездушно, — раздевайся.

Сжав зубы, я сдернула с себя футболку и отбросила ее. Я скинула мои зеленые чаксы, затем привстала, чтобы расстегнуть мешковатые джинсы. Они упали к моим ступням, и я пнула их в сторону. Запустив пальцы в трусики, я стянула их вниз и переступила через них.

Чейз смотрел на свою добычу, его лицо напряжено, голодные глаза потемнели.

— Где ты хочешь меня? — спросила я с сарказмом.

— А где ты хочешь этого? — спросил он, возвращая мне мой сарказм.

Я перегнулась через его стол, моя грудь качнулась вперед. Взгляд Чейза следовал за ее движениями. Я был так зла, я была в ярости, мне сносило крышу от ненависти к этому человеку. К человеку, которого я считала своим другом.

И к собственному удивлению, моя ярость простиралась на Фрэнки.

Что-то случилось со мной, пока я зло смотрела на Чейза, что-то ужасающее и очень серьезное

одновременно. Я не просто была в ярости. Я ненавидела Фрэнки. Он сломал меня так, что теперь я не могла понять, кто я вообще блять такая.

Все, что меня раньше интересовало, — это был Фрэнки. Все, чего хотел он, было важно для меня.

Вся моя жизнь была посвящена ему... и нескольким моим страстям, которые я держала в секрете, и которым отдавалась так редко.

Меня снова накрыло волной злости, когда пришло осознание всего это дерьма.

Нахуй Фрэнки.

Нахуй всё.

Резким взмахом руки я отправила все с огромного стола Чейза лететь по комнате. Его ноутбук врезался в книжную полку, фотографии в рамках с его свадьбы, с Ками, несколько с Ками и Девином, их четырехлетним сыном, все они, разбиваясь, полетели через комнату. Бумаги парили в воздухе, куда улетел его телефон, я не заметила.

Я запрыгнула на его стол, оттолкнулась и проскользнула к краю, сев прямо напротив Чейза. Я поставила ступни на его бедра и широко раздвинула ноги.

Чейз сквозь зубы втянул воздух.

— Вот этого ты хочешь, разве не так? — я почти прорычала ему. — Ты хочешь дикую киску, правда, Чейз?

Он сжал мои лодыжки и посмотрел мне в лицо.

— Да, — прошипел он.

И я хотела дать ему это. В постели я слетала с катушек только с Дьюсом. Я хотела сорваться опять. Я хотела свободы. Я хотела, чтобы страсть, переполнявшая меня, стала моей реальностью.

— Тогда поцелуй меня, — прошептала я, — наклоняясь вперед. За секунду до того, как его рот встретил мой, я отдернулась назад и врезала ему пощечину такую сильную, какую только смогла. Его голова от удара свернула вправо.

Он повернулся обратно ко мне, в его холодных глазах горела ярость. И это заводило меня.

Я сдвинула ногу с его бедра к его пульсирующей эрекции и подарила ему грязную ухмылочку. Поглаживая, я поманила его пальцем.

— Я думала, ты хочешь дикую киску, Чейз. Если хочешь, то придется попотеть.

Его глаза расширились, в них появилось понимание, что происходит.

— Блять... — прошептал он. — Я знал это.

Я наклонилась вперед, зацепив несколькими пальцами пуговицы на его рубашке.

— Ты ничего не знаешь обо мне, — прошипела я и дернула. Пуговицы полетели в стороны, и я

соскочила к нему на колени.

У нас с Чейзом не было секса, и уж точно мы не занимались любовью. Чейз и я — мы сцепились друг с другом. Я заставила его отработать каждый поцелуй, каждое касание. Все это было извращенно возбуждающе. Грани разумного были перейдены, когда у него, наконец, получилось закинуть меня на спину и удерживать достаточно долго, чтобы с трудом раздвинуть мои ноги и силой войти внутрь меня, и этот момент мне безумно понравился.

Я визжала во всю мощь своих легких: «ПОШЕЛ ТЫ НАХУЙ, ФРЭНКИ!».

Потом я перестала сопротивляться.

И вот тогда мы трахались. Трахались извращенно, развратно.

Чейз был профи в таких вещах, от которых большинство людей просто затошнило бы. Он заставил меня делать то, что я прежде никогда не делала, я и подумать не могла, что вообще способна на такие вещи, что я могу наслаждаться ими.

И я молила о большем.

Истощенная, с ноющим телом я покинула офис Чейза на трясущихся ногах, получив ключ от его номера в Вальдорфе [29] и предложение воспользоваться его личным водителем, когда бы он мне ни понадобился.

Я достигла пределов отчаяния, и мне было плевать на это. По факту мне теперь было плевать на всё.

Лежа в кровати, Дьюс посмотрел на свое обнаженное тело, на голову, ритмично двигающуюся между его ног, дрожь пробежала по его телу, и он сделал еще один большой глоток Джека [30]. Он не собирался кончать. Он невыносимо хотел кончить, но сегодня этому не суждено было случиться. Он был пьян, он был вне себя от злости, и он охуенно сильно хотел отпустить все это.

Ебаная Ева. Надо было бросить ее там на вечеринке. Эта сука не была его женщиной, никогда не была. Она всегда принадлежала Фрэнки, а он был... чем он был для нее? На разок отвлечься? Ебаной игрушкой?

Проклиная все, он оттолкнул Миранду, поставил ее на колени перед собой и погрузился внутрь нее. Он трахал ее, пока не загнал себя в ебаное забвение, и не отключился, так и неудовлетворенный.

И во сне он мечтал о Еве. Он всегда мечтал о Еве.

Глава 12

Это случилось примерно в то же время, когда мои встречи с Чейзом стали все более и более частыми. Он вызывал меня четырежды в неделю, вынуждая оставаться с ним на всю ночь в Вальдорфе, покупал мне всякую хрень, которая мне и не нужна была, но я продолжала просить все эти безделушки, повышая их цену из раза в раз. Он стал водить меня на обед в эксклюзивные рестораны и похабные клубы, о существовании которых большинство людей на

Манхэттэне просто не знало. Он стал заставлять меня одеваться для него в такие вещи, на которые я бы и не посмотрела дважды, эта одежда была такой смехотворно-странный для меня, даже Ками не носила подобное. И это все было для наших обедов. То, что он заставлял меня надевать для походов в эти клубы, было намного, намного хуже. Как и сами эти клубы. Секс-клубы, работавшие с вечера пятницы до утра понедельника. Выпивка, наркотики, секс с кем захочешь, в любых его извращенных, жестоких, многообразных формах, и все это на публике.

Вся моя заторможенность быстро улетучивалась после того, как меня трахали на глазах у всего клуба, заполненного людьми, кто-то из них смотрел, кто-то трогал себя, другие также трахались при всех.

Я перестала общаться с Ками, я перестала появляться в клубе, я постоянно отменяла все обеды и ужины с отцом, пока Чейз был со мной, обсуждая дело Фрэнки.

А Фрэнки... Фрэнки ушел из моей жизни. Я не посещала его, я не писала ему, я сбрасывала его звонки. Ушел. И мне было плевать. И не плевать одновременно. Большую часть времени, когда я была на ногах, мне было просто непонятно, что я чувствую, заботит ли меня хоть что-то, возможно, потому, что Фрэнки не было рядом, чтобы сказать мне, как я должна себя чувствовать и чем я должна заниматься, а Чейз был слишком занят собственными переживаниями.

Мой и без того ненадежно пошатывающийся мир исчез, вырвался из-под контроля. Вся эта грязь, окружавшая меня, продолжала сочиться по поверхности моей жизни, пока не исчезала где-то в ином измерении. Я не пыталась остановить это. На самом деле я вообще ничего не пыталась поделаться с этим, лишь выполняла желания Чейза, обычно включавшие в себя его член и отверстие моего тела. Или несколько отверстий.

Однажды мой мир перестал наматывать круги, остановился, и я шмякнулась лицом вниз.

Это был четверг, конец августа. Я сидела на моей постели в клубе и смотрела на телефон. Он продолжал звонить, и звонить, и звонить. Предполагалось, что я встречу с Чейзом еще час назад за ланчем в его офисе, но я не могла оторвать взгляд от теста на беременность в моей руке. Едва описанный, он неумолимо показывал положительный результат.

Мой телефон снова начал звонить. Зная, что он не уgomонится, я ответила.

— Где ты? — рявкнул Чейз.

— В клубе.

Он ничего не ответил. Он знал, что я больше не появлялась в клубе. Я почти что слышала, как шестеренки в его голове закрутились и заработали в ответ на эту новость.

— Послушай, Чейз... Я, эмм... не могу...

— Не можешь что? — выдавил он из себя.

— Я не смогу встретиться с тобой сегодня, — прошептала я, — я не очень хорошо себя чувствую.

— В чем дело, Ева? Вчера ты прекрасно себя чувствовала.

Нет. Меня тошнило вчера, я просто не сказала ему.

— Думаю, подхватила простуду, — продолжила я шепотом. — Я просто хочу остаться в постели, ладно?

— Ева, что нахуй происходит?

Я сделала глубокий вдох.

— Ничего, Чейз. Я просто нехорошо себя чувствую. Я не в силах выяснять отношения с тобой сегодня.

Он бросил трубку.

Я смотрела на мобильный. Надо было сказать ему. Если ребенок был от него, он имел право знать. Вот только я не была уверена, он ли отец. В июне я спала с Дьюсом.

Я закрыла глаза, вспоминая, как двигалась туда и обратно на его могучем теле, замечая малейшие изменения на его напряженном лице, пока мое тело обрабатывало его тело, и этот восхитительный момент в конце, когда он напрягся, наши глаза нашли друг друга, и я почувствовала, как он изливает себя внутри меня. Ненасытный момент. Даже в дымке желания я чувствовала, как ненасытны мы оба были. И на этот единственный миг мы перестали притворяться. Я хотела всего этого, я хотела нас, он хотел дать мне это. И когда момент прошел, я снова сбежала к Фрэнки.

Я давилась всхлипами. Какой же идиоткой я была. И я отчаянно нуждалась в Ками.

вернуться

29

Вальдорф — отель Waldorf Astoria New York, пятизвездочный

вернуться

30

Виски Джек Дэниэлс

Я схватила сумочку, мою четырехсотдолларовую сумочку Coach [31], которую личный стилист Чейза выбрал для меня на прошлой неделе. Она была с одной стороны достаточно дизайнерской, с другой не слишком гламурной, и Чейз решил, что она мне подходит. Я поехала к Ками, собираясь рассказать ей, что происходит, и я была готова выслушать все, что она выскажет мне по этому поводу.

В такси мне было неудобно, но в лифте, поднимавшем меня к ее пентхаусу, мне было откровенно хреново. Мои нервы от напряжения будто разрывали мою кожу, добавьте к этому непрекращающуюся тошноту — и я почти испытывала полноценную паническую атаку.

К моменту, когда двери лифта открылись, меня уже бросило в холодный пот, и я прижимала руки к желудку.

И мне не стало лучше, когда перед лифтом я обнаружила Чейза, а не Ками.

— Дерьмо, — пробормотала я, отступая обратно в лифт.

Он долбанул ладонью по заскользившей двери лифта, заставляя ее отъехать обратно.

— Что за хуйня? — прорычал он.

Я таращилась на него. Увидев его здесь, в его собственном доме, в доме Ками, я четче осознала, что натворила, и как стоило называть меня после этого, и это ощущение было намного ужасней, чем я ожидала.

— Я... эээ...

— Я знал, что ты врала мне, — бросил он. — У тебя есть две ебанных секунды, чтобы объясниться, иначе я дотащу тебя до своей спальни и дам Ками возможность услышать, как ты блять стонешь.

— Чейз...

— Я не шучу, Ева. Если не хочешь, чтобы Ками услышала, как ты выкрикиваешь мое имя, лучше начинай говорить.

Я резко выдохнула.

— Я беременна, — проговорила я. — Я нуждалась в Ками.

Его глаза расширились.

— Что?

— Беременна, Чейз! — всхлипнула я тихо. — Внутри меня ребенок!

Он уставился на меня. Ни гнева, ни вожделения. Лицо, как чистый лист.

Затем случилась странное. Глаза Чейза смягчились. Мягкости в его взгляде не было никогда, только холод, пустота, размышления, взгляд «я собираюсь трахнуть тебя», но никогда не было там теплоты.

Она меняла все его лицо, как и последовавшая затем улыбка. Не та улыбка хищника, а настоящая улыбка.

Он выглядел... по-человечески.

Я пялилась на него, не зная, что сказать или сделать, любопытствуя, что, черт возьми, так обрадовало его. Затем я застыла, когда до меня дошло, что Чейз был счастлив. Чейз. Счастлив. И он был счастлив, потому что я была беременна. Это открытие встряхнуло меня, и мой мир снова покатился по наклонной.

— Ева, — прошептал он, наклоняясь ко мне. — Я...

— ЕВА! — крикнула Ками, встречая перед Чейзом. Он немедленно отошел от дверей лифта, и я сделала шаг в фойе, ловя в объятия Ками, накинувшую велюровое пальто.

— Где ты пропадала? — взвизгнула она, крепко сжимая меня.

— Была занята с Фрэнки, — прошептала я, глядя на Чейза через ее плечо. Его руки скрещены на груди, он прислонился к колонне в центре их фойе, покрытой замысловатой резьбой, глядя на меня. Улыбаясь.

Я закрыла глаза, крепче обнимая Ками.

— Скучала по тебе, — выдохнула я.

— Боже, Ева, я тоже скучала, и Девин заждался тебя.

Она отодвинулась.

— Девин! — крикнула она. — Тетя Ева здесь!

Она обернулась обратно ко мне, широко улыбаясь, и открыла рот от удивления.

— Ева, во что ты одета? — прошептала она.

Я посмотрела вниз на себя. Черт. Я была одета для встречи с Чейзом за ланчем. Нет, я не была одета в это вычурное дерьмо, которое он покупал мне, но я и не была одета в то, что носила обычно. Дизайнерские джинсы-скинни, художественно потертые и состаренные, обтягивали мои ноги, мой топ был черным, блестящий шелк струился. Ко всему этом прилагалась пара босоножек Джимми Чу и сумка Coach, украшенная горным хрусталем. Я распрямила свои волосы, распушила их. На мне была чертова тонна косметики и в разы больше ювелирных украшений, больше, чем я когда-либо надевала в своей жизни, все они были дорогими и модными. Это была не я, кем бы я ни была на самом деле, и она знала это. В школе мы обе носили форму, но я всегда изворачивалась так, чтобы моя форма была действительно моей, и хотя на выпускном на мне было дизайнерское платье, я надела к нему чаксы и ни хрена не стала делать с волосами. Они все еще были влажными после душа, когда лимузин подъехал, чтобы забрать нас с Фрэнки прямиком на вечер.

Я сильно покраснела, и она продолжила смотреть прямо на меня.

— Думаю, она выглядит потрясающе, — сказал Чейз, его голос был низок, глаза сверкали. Во мне вспыхнуло желание. Я хотела чувствовать его руки на себе. Я хотела боли и удовольствия, и унижения, которые он давал мне, и я хотела этого прямо сейчас, мое дыхание участилось, лишь я подумала об этом. Он заметил это и хищно улыбнулся.

— Кого волнует, что ты там думаешь! — фыркнула Ками, она прищурилась, глядя на меня. — Что происходит? — потребовала она затем ответа.

Я тяжело сглотнула.

— Утром была встреча с окружным прокурором. Ну, знаешь, по делам Фрэнки. Не хотела выглядеть, как байкерский отброс.

Боже. Врать Ками было омерзительно. Просто отвратительно. Я никогда прежде не врала ей, ни разу за двадцать пять лет нашей дружбы.

Кажется, это успокоило ее, но она все еще смотрела недоверчиво.

— Раньше тебе было плевать на это, и ты никогда не выглядела, как отброс, ты никогда и не была отбросом.

Я разинула рот, и другая ложь уже была на кончике моего языка, но я была спасена от необходимости закапывать себя в эту дыру вранья и дальше, когда Девин влетел в комнату, прямо как его мать.

— Тетя Ева! — взвизгнул он, пока я наклонялась, чтобы крепко обнять его. Я спрятала лицо, уткнувшись в его шею, пахнущую чем-то нежным, продолжая бороться со слезами. Из-за всего это дерьма с Чейзом я избегала смотреть на Ками и Девина, на двоих людей, которых я так любила.

— Ты выглядишь так красиво, — сказал он, подарив мне милый поцелуй в щеку.

— Спасибо, малыш, — прошептала я. — Ты тоже выглядишь очень, очень очаровательно.

— Удивительно, не правда ли, — глумился Чейз, — что мой сын не похож ни на свою мать, ни на отца, скорее, чем-то напоминает миссис Гонзалез, нашу экономку.

Мой взгляд метнулся к Чейзу. Ни для кого не было секретом, что Девин был не от него. Дэвин был смуглым. Чейз и Ками оба светлокожие. Волосы Девина были черными, а кожа словно загорелая, но дело было не в солнце. Все черты пуэрториканца. Он был выше и крепче, чем все четырехлетки, которых я видела раньше. Он полностью был сыном своего отца.

А его отец... Кокс.

Ками глядела на Чейза. К счастью, Девин, казалось, не замечал обычных подколов Чейза.

— Сложно, наверное, иметь детей, похожих на тебя самого, — прошипела она, — когда собственная жена отказывается трахаться с тобой.

Он пожал плечами.

— Ну, поскольку трахаться с тобой так же весело, как и с мертвой рыбой, я нашел намного лучший вариант. Намного, намного лучший.

Еще раз крепко обняв Девина, я встала.

— Давай пообедаем вместе завтра. И походим по магазинам, — предложила я Ками. — В Сохо открылась новая комиссионка, Сникерс сказал, что там полно отлично сохранившихся виниловых пластинок, — я попыталась улыбнуться. — Ты знаешь, я просто обязана проверить этот магазинчик.

— Кто такой Сникерс? — спросил Девин.

— Один из друзей папы Фокса из клуба, — ответила Ками. — Он ест только батончики Сникерс.

— У всех у них милейшие имена, — пробормотал Чейз.

— Ев, обед и магазины — все это звучит идеально, но давай сегодня? Я с минуты на минуту собиралась отправить Девина поиграть с друзьями. Я скоро буду готова, и мы сможем потом сходить на педикюр, я оплачиваю, идет?

— Хорошо, — прошептала я, глядя на Чейза, зная, что он будет зол на меня.

Ками посмотрела на Чейза, потом на меня и прищурилась.

— Минутку, не уходи никуда, — сказала она, беря Девина за руку.

Двери лифта закрылись перед ними.

— Отменяй планы с Ками, — скомандовал он. — Езжай прямо в Вальдорф.

вернуться

31

Coach — бренд, выпускающий дорогие сумки

— Боже, ну ты и козел, — прошипела я.

Я обнаружила, что уже прижата к лифту, эрекция Чейза упирается в меня. Я втянула воздух.

— Ты хочешь меня, — сказал он холодно.

Господи, я хотела. Я очень хотела его. Прямо здесь, прямо сейчас.

— Езжай, Ева. Я скоро буду там.

Получасом позже я была в Вальдорфе, моля Чейза трахнуть меня.

Глава 13

Дьюс смотрел, как Ева вылетела вон из здания, в котором жила Ками, выглядя темноволосой копией своей подруги. Прическа, одежда, макияж, и она похудела на добрых двадцать фунтов [32]. Что случилось за три месяца с того момента, когда он последний раз видел ее?

Он был на Манхэттэне по двум причинам. Первая — он должен был довести до конца дело с заказом на Еву, вторая — он хотел увидеть Еву, третья — он хотел увидеть Еву, и четвертая — он должен был блять увидеть Еву, иначе он окончательно свихнется. Так что причин было больше, чем две.

Три дня назад в сопровождении Мика и Кокса он свернул подальше от полуденного траффика Манхэттэна к стоянке клуба «Серебряные Демоны». Он едва снял шлем, как увидел какого-то сладенького засранца, выходящего через передние двери в компании Евы и Проповедника.

Он дал своим парням знак оставаться на местах и наблюдал, как эти трое общаются. Проповедник попрощался рукопожатием с мальчиком-милашкой и вернулся обратно в здание клуба.

Мальчик сосредоточился на Еве, и в груди Дьюса все сжалось. Он видел этот взгляд прежде. Такой вид мужчина принимал, когда смотрел на нечто, что хотел изнутри.

Схватив Еву за лицо, он прижал ее к дверям клуба.

Рука Кокса опустилась на его плечо.

— Выдохни, Президент. Она точно не сопротивляется ему.

Да, она не сопротивлялась. Она обвила руками его шею, прижимаясь к нему, пока этот уебок

впивался в ее лицо, хватал и ощупывал ее задницу так, будто мелочь из разменной машины вытряхивал. Вся эта картина, на его взгляд, была непонятной. Она сбежала от него, чтобы помочь Фрэнки, но как она собиралась сделать это, трахаясь с каким-то прилизанным мудаком, было выше его понимания.

Что-то не то происходило. Он был чертовски уверен, что это «что-то» ему не понравится.

— Мик, — сказал он сердито, понизив голос, — узнай, кто это блять.

Он встретился взглядом со своим вице-президентом. Мик считал, что его отношения с Евой были ебанутыми и не отказывал себе в том, чтобы информировать его об этом.

Они смотрели друг на друга. Мик сдался первым.

— Уже занимаюсь этим, Президент, — сказал он негромко.

Мальчик-милашка с наглым видом, не спеша, дошел до проезжей части и проскользнул внутрь элегантной серебряной Астон Мартин. Когда он отъехал и присоединился к движению, Харлей Мика последовал за ним, и оба они исчезли в хаосе дорог Нью-Йорка.

Ева присела на ступеньки, сгорбилась и уткнулась лицом в ладони.

Ебать его. Случилось что-то плохое.

— Президент, тут что-то не то, — проговорил Кокс. — С твоей девочкой явно не все в порядке.

— До этого я сам дошел, — проворчал он. — И она не моя. Вообще не уверен, что когда-нибудь она блять была моей.

— Херня, — ответил Кокс. — Я видел, как вы оба смотрите друг на друга. Будто в мире никого больше не существует.

Он перевел взгляд на своего Дорожного Капитана.

— Ты, я смотрю, ебанный поэт?

Кокс пожал плечами.

— Если секс будет стоять мне поэм, то да — я ебанный поэт. Если надо изображу ебаного бухгалтера или сантехника. Временами мужчине приходится делать то, что мужчина должен делать.

Кокс, прикидывающийся бухгалтером, со всеми его татуировками и пирсингом — это была, пожалуй, забавнейшая вещь, что он слышал.

— Давай, Босс. Двигаем в Квинс, — Кокс похлопал его по спине. — Мы здесь по делу. И это ебаное дело — оставить твою женщину в живых.

Они поехали в Квинс. Чтобы получить нужную им информацию, они пытались и убили двоих наемников, работающих на самих себя. Затем они пересекли Гудзон и добрались до своей цели. Этот говнюк собрал на Еву папку, толстую, как старая телефонная книга, с множеством фотографий, адресов, ее графиков. Несмотря на то, что необходимости исполнять заказ не было, пока Фрэнки жив, он был полностью готов в любой момент сделать свою работу.

Наемнику заплатили убить ее, он знать не знал Еву, но Дьюс знал ее, и он любил ее. Из-за этой любви, вместо того, чтобы даровать говнюку милосердную смерть, он продлил его боль, заставил его долго время истекать кровью, прежде чем, наконец, остановил его сердце. Это не облегчило его размышлений о мальчике-милашке, засовывающем язык Еве в глотку, но дало небольшой выход накопившейся злости.

Ровно до того момента, пока он не узнал, кем этот мальчик был. И вот тогда злость вернулась к нему в десятикратном размере.

Итак, он последовал за ней. Он наблюдал, как она покинула дом Ками и поймала такси. Он проследовал за ней к Вальдорф Астория, видел, как она помахала рукой швейцару, словно блять уже была знакома с ним, и исчезла внутри здания. Не прошло и десяти минут, как он увидел подъезжающего Чейза. Он вручил ключи от машины работнику гостиницы и взбежал по ступенькам к дверям.

Он хотел прикончить кого-нибудь. Нет, он хотел прикончить Чейза.

Но вместо этого он ждал. Он ждал весь день и всю ночь, и ни один из них не появился из здания отеля.

Ближе к рассвету, когда показалось солнце, Ева вышла через передние двери, выглядя сонной, бледной и растрепанной. Швейцар был готов сию секунду поймать ей такси, но он не дал ей выбора. Его Харлей ожил, он двинул прямо поперек четырех полос движения, с визгом шин останавливаясь перед ней, неся с собой запах паленой резины покрышек.

Ее рот открылся.

— Садись блять, — прорычал он. — Я не буду повторять дважды.

Еще несколько мгновений из ее рта не донеслось ни звука, и он уже почти потерял остатки своего ебаного терпения, когда она залилась слезами и бросилась к нему в объятия.

Блять.

Отмахнувшись от швейцара, он долгое время держал ее в руках, просто вдыхая ее, зная, что она недавно трахалась с другим парнем, чувствуя на ее коже его запах и запах секса, который был между ними, желая раскрошить ему за это череп голыми руками. Но он оставался спокойным, потому что она была в его объятиях, она искала утешения у него, она нуждалась в нем и неважно, что она блять натворила, пока они были порознь. Это не имело никакого ебаного значения, разве что она не начнет делать это снова. И поскольку он собирался отправить Чейза в могилу в первый представившийся момент, он был уверен, что больше она этого делать не будет.

— Садись, Ева, — сказал он. — Сейчас я отвезу тебя домой, а потом я заберу тебя домой с собой.

Блять, и она снова удивила его. Без единого слова она забралась, ни грамма сопротивления и ни единой попытки отмахнуться от него. Это напугало его больше, чем слезы, больше, чем то, что она торговала своей киской, чтобы спасти Чокнутого Фрэнки. Если его девочка была сломлена, кому-то блять придется сдохнуть.

Проповедник встретил его в холле клуба, Кокс и Мик стояли по сторонам от него. Он бросил один взгляд на его дочь с отеком лица и красными глазами и взорвался.

— Что за хуйня? — заорал он. — Что случилось?

Когда Проповедник попытался коснуться ее, она вжалась в него и спрятала лицо, уткнувшись в его подмышку — не первый среди вариантов, где прятаться, учитывая, что последние двадцать четыре часа он провел в одной и той же одежде, но ей, очевидно, было все равно, и он не отодвинул ее, просто обнял крепче.

Проповедник выглядел растерянно. Похоже, он действительно не догадывался, что с его дочерью было что-то не так.

— Что происходит? — потребовал ответа Проповедник.

— Не знаю, — ответил он. — Где ее сраная комната?

— И ты считаешь, что я позволю тебе отвести мою дочь в ее ебаную комнату? Я нахуй не забыл, что ты сделал, когда она была всего лишь ребенком.

вернуться

32

9 килограмм

— Папочка! — Ева вывернулась из его объятий и вытаращилась на отца. — Я трахалась с Дьюсом с восемнадцати лет! Я хотела трахнуть его еще, когда мне было шестнадцать! Может, я даже хотела его, когда мне двенадцать было! Кто знает! Что я точно знаю, так это то, что я была влюблена в него с пяти лет! Давай, смились уже с этим! И не смей стрелять в него, или я пристрелю тебя!

Кокс захлопнул рот рукой и отвернулся.

Мик закатил глаза.

Челюсть Проповедника отвисла.

Вот же... дерьмо. По крайней мере он знал, что ее чувства к нему все еще ярко горели, но тем не менее... Вот дерьмо. У него не особо получалось ладить с отцами его сук. По какой-то причине они всегда недолюбливали его, и один вот, стоящий напротив, дважды по нему стрелял.

— Не смей, твою мать, стрелять в меня снова, — прорычал он. — Я ни черта с ней не делал, когда ей было двенадцать. Все это дерьмо, которое случилось в ее шестнадцать лет — это не моя вина. Я был пьян, она едва не трахалась с пряжкой моего ремня, и ее сиськи дергались прямо перед моим лицом, в общем — что за нахуй? Я всего лишь ебанный человек. И во всей этой ебанутой ситуации я виню ее сиськи. Но каждый раз, когда я трахал ее, она блять уже была старше восемнадцати. Так что никакой ебаной стрельбы. В этот раз я выстрелю в ответ.

— Тактичность, Президент, — пробормотал Кокс, — тебе ее слегка блять не достает.

Ева и ее старик вытаращились на него.

— Вот ты серьезно это все сейчас сказал моему папочке?

Он посмотрел на нее сверху вниз.

— А что? Это ты гребаная тупица, сдавшая нас обоих. В любом случае — это та самая ебаная правда.

— Ебаная правда? — проговорил Проповедник — Да я уже знал, что она добровольно повисла на тебе тогда, ебанный ты придурок. Это не меняет того факта, что ты позволил себе шестнадцатилетнюю девчонку.

— Пап, — сердито прошептала Ева, — сколько лет было моей матери, когда ты сделал ей меня?

Проповедник перевел взгляд на Еву.

— Дьюсу сорок восемь, Ева! Мне пятьдесят пять! Тебе не кажется, что это блять слегка ненормально?

— Сколько ей было лет, пап?

— Шестнадцать ебанных лет, — сказал он мрачно, глаза на нее.

Черт. Похоже, у его старика и Проповедника было общее дерьмо. По крайней мере, он к их ебаному клубу любителей малолеток не принадлежал. Ну, уже что-то. Кажется.

— Ага, — обратилась она снова к нему, — а сколько лет было тебе?

— Ева!

— Папа!

— Мне было двадцать четыре, — прорычал он.

Скрещивая руки на груди, она приняла заносчивую позу.

— Ха, — сказала она. — Интересненько.

— Да, — ответил он тем же тоном, — охуенно интересненько. Твой старик был ебанным идиотом, влюбившимся в подсевшую на наркоту бродяжку, сдавшуюся и в страхе бежавшую после того, как она дала тебе жизнь! Действительно, это охуенно интересненько! Я не проводил достаточно времени с ней, любя ее, заботясь о ней, хотя знал, сколько дерьма на нее вывалили родители, и все женщины, что были после нее, просто блять согревали мою постель и ничего больше! Прости блять, что не хочу того же дерьма для моей малышки!

Глаза Проповедника заблестели на полпути этого откровения, и сейчас слезы свободно текли по его щекам. Все не отводили глаз. Проповедник не плакал. Проповедник хладнокровно убивал. И все же все видели то, что видели.

— Уже неважно, я все равно облажался, малышка, — прохрипел Проповедник. — Не замечал, насколько все было плохо с Фрэнки, пока не стало слишком поздно. Втащил тебя во все это дерьмо, сам того не понимая. Давно уже должен был сделать что-то с Фрэнки, ему нужна была помощь. Должен был держать тебя подальше от него. Должен был хоть что-то блять сделать.

— Неважно, — прошептала она, — он не выберется в ближайшее время, и он получает все, что ему необходимо.

На этих словах Мик отвернулся и побрел вглубь коридора. Его парни желали Фрэнки смерти. Он хотел его смерти. Но Ева и Проповедник любили Фрэнки. Он понимал это.

Ты не можешь просто взять и выключить чувства, как сраный светильник. Он знал это. Он пытался так сделать. Он пытался любить свою жену, и он пытался перестать любить Еву. Не сработало ни одно, ни другое.

В общем, Фрэнки все равно надо было грохнуть.

— ЕВА! — Ками влетела через двери, как ураган. Ками оттолкнула его с дороги, схватила Еву за плечи и заорала на нее.

— Ты ебаная идиотка! Почему ты не сказала мне, что он делал? Бога ради, Ева, тебе не надо было трахать его! Ты представляешь, сколько грязи я вытерпела от этого заносчивого козла? Тонны, Ева, ТОННЫ! Я бы бросила его в ту же минуту, как узнала!

— У Фрэнки не было времени в запасе! — крикнула Ева в ответ. — Чейз не встречался со мной, пока Фрэнки не загремел в одиночку!

Дьюс пришел в ярость. Этот говнюк не просто сыграл на ее любви к Фрэнки, он загнал ее в угол.

Взгляд Проповедника метался между Ками и его дочерью.

— Ева, что за херню несет Ками?

Они обе игнорировали его.

— Ох, Ева, — заплакала Ками. — Я убью его! Ты слишком хороша и слишком неиспорченна, такой человек, как Чейз, не заслуживает даже слегка коснуться твоей красоты!

Если Ками продолжит плести все это слащавое дерьмо о его женщине, то когда-нибудь она вполне может ему понравиться.

— Как ты узнала? — прошептала Ева.

Ками раздосадовано засмеялась.

— Он пришел домой двадцать минут назад, информируя меня, что наш брак окончен, — она фыркнула. — Можешь верить в это? Я ему, мол, — какой брак-то? И засмеялась над ним. Он разозлился, сказал мне о тебе, сказал, что вы вместе, что ты беременна его ребенком, но не упомянул ничего о Фрэнки. Но я была уверена, УВЕРЕНА, что ты никогда не прикоснешься к нему без серьезной на то причины! И я знала, что причина эта — ФРЭНКИ! Ты избегала меня месяцами, Ев, вся эта одежда, макияж, ебанный Джимми Чу... Я же не тупая!

— Я спрошу еще раз, Ева, — прогремел Проповедник, — о чем блять говорит Ками?

Он смотрел на Еву.

Она была беременна.

Его женщина была беременна. И это был не его ребенок.

Все взгляды были прикованы к Еве, но она смотрела только на него, черт блять поberi ее

глаза, и он не мог отвести взгляда. Он даже моргнуть не мог.

— Мне жаль, — прошептала она.

Он моргнул.

— Ками? — сказал Кокс негромко, его голос был непривычно тих. Он повернул голову к своему Дорожному Капитану.

Ками, впервые заметив Кокса, вскрикнула и попятилась. Затем он увидел маленького мальчика за ее спиной, которого та подталкивала назад. Ева вскочила рядом с ней, создавая стену.

— Подожди, — Ками прошептала, поднимая ладони вверх, — ты не понимаешь.

Сбитый с толку, он посмотрел на разъяренного Кокса, затем обратно на мальчика, жутко напуганного, мечущегося у ног Евы и Ками.

И к нему пришло понимание происходящего. Маленький засранец выглядел в точности, как большой засранец.

— Блять, — пробормотал он. Вот теперь начинались проблемы. Было две вещи на свете, о которых Кокс по-настоящему заботился. Клуб. И его дочь. Если бы он знал, что у него есть сын, то мальчик бы тоже присоединился к этому короткому списку.

— Что я не так понял? — прошипел Кокс. — Я не так понял, что этот гребаный ребенок, стоящий позади тебя, около четырех лет и выглядит в точности, как я? Я недопонимаю, что я трахал его мать тридцатью разными способами в то ебаное воскресенье, когда я блять последний раз видел ее, что было, погоди, когда это было, сука? Пять ебанных лет назад? Что из этого я не понимаю?

Проповедник загородил Ками.

— Ты несешь такое дерьмо о матери мальчика прямо при нем, что уже достаточно плохо. Но эта мать — часть семьи клуба, значит, и мальчик тоже, а в моем ебаном клубе никто не позволяет себе поливать дерьмом мою семью.

— Отъебись, Демон, — сплюнул Кокс. — На тот случай, если ты не заметил, это мой ебанный ребенок!

— Да, говнюк, я нахуй заметил. Трудно не заметить, когда он выглядит, как твоя копия.

— А давайте все сейчас блять заткнутся? — заорала Ками. — Он не знает о тебе! А ты его только к черту пугаешь!

Проповедник встал между Ками и Евой и поднял на руки маленького мальчика.

— Как только я уйду наверх с Девином, и вы, придурки, будете вне ебаной зоны слышимости, можете продолжить блять орать друг на друга, — он посмотрел на Еву. — Нам с тобой, малышка, надо будет поговорить. Если случилось именно то, что я думаю, я собираюсь пристрелить кое-кого немедленно.

Никто не проронил ни слова, пока Проповедник поднимался по лестнице. Как только он исчез, Кокс взорвался.

— Это просто пиздец, сука! Прятать от мужчины его ребенка! Это просто ебанный пиздец!

— Ты чокнутый мудака! — крикнула Ками в ответ. — Ты живешь в Монтане, ты нахуй женат, у тебя уже есть ребенок! Я живу в Нью-Йорке, и я блять замужем! Что нахуй я должна была, по-твоему, сделать?

— Что ты должна была сделать, сука, так это сказать мне, что ты блять родила моего сына!

— Ты омерзительна! — прошипела Ками. — Ебанный байкер, грязный, омерзительный, ведущий себя, как шлюха!

Глаза Кокса полезли на лоб.

— Сука, ты думаешь, я омерзительна? Это ты была той ебаной шлюхой, которая залезла на мой хуй, запихивая свои ебанные сиськи в мой рот и умоляя прикусить их сильнее, пока Рипер просверливался в твою ебаную задницу, или нет?

Ева завизжала, как сумасшедшая, и кинулась на него. Проклиная все, Дьюс попытался схватить ее, но эта чокнутая дрянь сделала обманный маневр вправо, затем метнулась влево и успела врезать Коксу в челюсть до того, как он поймал ее и потащил назад от Кокса.

— Тебе пиздец, сука! — заорал Кокс.

Он ослабил хватку. Оттолкнув Еву в сторону, он повернулся, схватил Кокса за рубашку и впечатал его спиной в стену.

— Сука беременна, а ты пытаешься ей угрожать? Ты нахуй собираешься угрожать моей ебаной беременной женщине?

— Ох, Ев, — застонала Ками, напрочь забыв об убийственно настроенном Коксе. Она обвила руками Еву, и вместе они съехали на пол в один клубок черных и светлых волос.

Он отпустил Кокса и прислонился спиной к стене. Он не спал больше суток, а вокруг шло своим чередом слишком много безумия, чтобы справляться с этим без сна.

— Уже уяснил это дерьмо, — зло выговорил Кокс. — Я забираю моего ребенка домой.

— Ты не отберешь моего сына у меня! — заплакала Ками.

Кокс смотрел на нее.

— Тогда лучше пакуй свои шмотки и ищи ебаную квартиру в Монтане.

Ками вскарабкалась на ноги.

— Монтана! — вскрикнула она. — Девин не поедет в Монтану!

Дьюс не был достаточно быстр, чтобы схватить Кокса, и тот уже держал лицо Ками в руках, смотря на нее.

— Сука, — прошипел он, — я хочу знать моего собственного блять сына. Ты уже украла у меня четыре года. Но ни одним ебанным годом больше.

Нижняя губа Ками задрожала.

— Ты не понимаешь, — прошептала она. — До Девина вся моя жизнь была потрачена на то, чтобы выполнять, что мне говорили, я пыталась найти способы заполнить всю эту пустоту во мне. Наркотики, секс, алкоголь, все это было лишь попыткой понять, что мне делать с самой собой, я не знала, была ли я частью хоть чего-нибудь. В тот миг, когда Девин оказался в моих руках, все, как по щелчку, встало на свои места, и наконец-то я точно знала, что я должна делать и где мое место. Я не могу позволить тебе забрать его у меня, — ее голос дрожал. — Я не могу позволить тебе отобрать единственного человека в мире, не считая Евы, который когда-либо был так важен для меня.

Ева залилась свежей порцией слез. Убежденный, что он остается единственным вменяемым человеком во всем мире, Дьюс, вздохнув, притянул ее к себе и начал поглаживать ее по спине.

Кокс отвернулся от Ками.

— Дерьмо, — пробормотал он. — Дерьмо. Дерьмо. Ебаное дерьмо.

Он повернулся к Ками и взял ее руки в свои.

— Женщина, я не заберу его от тебя, мы придумаем что-нибудь, какое-нибудь дерьмо насчет мотаться туда и обратно. Я бы никогда не забрал моего мальчика от его мамы.

Ками заплакала, и ее колени подогнулись. Кокс поймал ее, прежде чем она приземлилась на пол, взял на руки и ушел с ней по коридору. Он наблюдал, как Кокс наклонил голову и поцеловал Ками в лоб, потом он свернул налево, и они были вне поля зрения.

Он решил продолжить с того момента, на котором остановился.

— Где твоя комната, Ева?

— Мне жаль, — прошептала она.

Его ноздри расширились. Да Бог ты мой, все, чего он хотел, так это увести эту суку в ее комнату и позаботиться о ней.

— Ебанный Боже, о чем ты нахуй опять сожалеешь?

— Мотель, — прошептала она. — Я не подумала тогда и не надела презерватив на тебя, прежде чем я... И ты не вышел из меня... — она прервалась.

Он уставился на нее.

— Ты хочешь сказать мне, что это мой ребенок внутри тебя? Не этого ебаного мальчишки?

— Нет, — сказала она, потупив взгляд. — Я хочу сказать тебе, что мне жаль, потому что я не знаю, чьего ребенка я ношу.

Я не планировала раньше рассказывать Дьюсу о беременности прямо сейчас, я никогда не задумывалась, какой будет реакция. Какую бы реакцию я не воображала в те три секунды, пока признавалась, что ребенок может быть его, фактически я получила совсем не то, что представила.

— Ты можешь идти?

А?

— Что?

— Ты идти можешь? — повторил он. — Или мне отнести тебя?

Я моргнула.

— Отнести меня?

— Да, малыш. Отнести тебя в душ.

О Боже, он пытался заботиться обо мне. Как этот мужчина мог быть таким идеальным для меня и в то же самое время таким неподходящим мне?

— Я отвратительна, — прошептала я.

Он приподнял бровь.

— Да, малыш, вот поэтому я и хочу отнести тебя душ.

— Нет! — вскрикнула я. — Я имею ввиду, что я отвратительна! Я шлюха!

Лицо Дьюса стало каменным.

— Слушай меня блять. До того момента, как ты начала расплачиваться своей киской за одолжения, о которых просила, у тебя было всего двое мужчин. Я и Фрэнки. Ты не ебаная шлюха, ты ебаная идиотка.

Я вытаращилась на него.

— Да, малыш, идиотка. Ты заботилась об этом чокнутом долбоебе так блять долго, что уже почти приняла это за свою ебаную судьбу. Чейз знал это, он увидел лазейку и блять воспользовался ей. И поскольку он воспользовался ей, он нахуй сдохнет. Но малыш, ты не шлюха, вовсе нет.

Я тяжело сглотнула.

— Я все еще отвратительна.

Гнев мелькнул в его глазах.

— Черт тебя побери, Ева! Что блять еще я должен...

— Мне нравилось это! — ляпнула я. — Мне и Чейз-то совсем не нравится, но мне нравилось трахать его, и все такое... Потому что я блять омерзительна! Я делала такие вещи с ним... — мой голос надломился, и я сглотнула. — Отвратительные вещи... И мне это нравилось, и мне нравилось, что это он их делает со мной, — закончила я тихо.

Дьюс глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Вот и оно. Еще две секунды, и он скажет мне, какой мерзкой я была, и больше я его не увижу.

— Ева — прорычал он. Я пыталась держать себя в руках. — Ты в очередной раз ведешь себя, как идиотка.

— Прости, что? — прошептала я.

— Ты слышала меня. Ты идиотка. Но я понимаю тебя. Ты никогда никого не трахала, просто чтобы потрахаться. Я объясню, малыш. Вовсе блять необязательно, чтобы тот, кого ты трахаешь, нравился тебе. Ты можешь даже ненавидеть этого ёбаря, и тебе по-прежнему может нравиться трахать его. Иногда это даже лучший способ потрахаться. Полная ненависти, злости, извращенная ебля. Тебе нечего стыдиться, дорогая. Все это, конечно, не означает, что я не зол: ты была в постели другого мужчины, и тебе это нравилось. И что ребенок внутри тебя может быть не моим, и что ты бегала от меня ебанных восемь лет. Знаю, я ебанный ублюдок с отвратным характером, и я нахуй не заслуживаю тебя, но, черт, Ева, если бы ты только осталась, я бы дал тебе все лучшее, лучшее, чем у тебя когда-либо было. Понимаешь меня?

Я смотрела на него. И я влюблялась в него снова.

— Я понимаю, — прошептала я.

Его взгляд смягчился.

— Малыш, — сказал он нежно, — я знаю этот ебанный взгляд. Блять, ты не можешь сказать мне, что возможно носишь моего ребенка, а потом смотреть на меня так, как ты смотришь сейчас, и ожидать при этом, что я буду держать себя в руках.

Я покачала головой.

— Я так больше не могу.

— Что именно не можешь, малыш? Ты не можешь больше пытаться спасти Фрэнки от него самого? Или ты не можешь больше трахать Чейза? Или не можешь притворяться, что все эта сумасшедшая херня между нами исчезнет только потому, что ты в очередной раз сбежала от меня?

Это даже раздражало, как хорошо он все понимал, толком даже не зная меня.

— Все три, — огрызнулась я.

— Это хорошо, малыш, потому что я тоже больше так не могу.

Я свела брови, нахмурившись.

— Что не можешь?

— Я старею, малыш. У меня дети — две выросших задницы — и седеющие волосы. Провел слишком много времени женатым на суке, которую на дух переносить не мог, слишком много времени, добывая себя самого за то, что желал быть яйцами глубже в суке, которая на восемнадцать лет меня младше. Сложи все это дерьмо вместе, и увидишь меня, долгое время проживающего свою охуенно тоскливую жизнь. Так что да, я больше так не могу. Не могу нахуй жить без тебя. Хочу тебя за моей спиной на моем байке и в моей постели. Хочу моих детей внутри тебя. Хочу тебя рядом со мной так долго, как долго мне осталось.

Рядом с ним.

— Рядом с тобой? — прошептала я.

Его рука потянулась к моей шее и взяла цепочку. На какой-то момент я подумала, что он собирался снова сорвать жетон его отца. Вместо этого он вытащил ее из-под моей футболки и держал перед моим лицом. Медальон крутанулся.

— Думаешь, я просто люблю декорированием заниматься?

Я втянула воздух.

Жетон не принадлежал его отцу. Он выглядел точно так же, как отцовский, только на обороте читалось «Дьюс».

Мой подбородок затрясся.

— Я думала... Я... Я думала, ты надел обратно цепочку своего отца на меня.

Ох. Я снова собиралась плакать.

— Блять, послушай уже, Ева, и слушай внимательно. Слова ни черта не значат, да и я не слишком хорош объясняться. Так что вот ебаная правда специально для тебя, как есть. Мне сорок восемь лет, очень скоро будет сорок девять, и я чертовски хорош в том, чтобы с первого взгляда определять, вижу ли я хорошее перед собой. И ты, малыш, ты — это все, что я нахуй мог видеть. У мужчины не так много шансов в жизни сделать правильный выбор, заслужить любовь хорошей женщины и почувствовать вкус настоящей свободы. И малыш, для меня все эти три вещи соединились в тебе. Уже давно.

Он отпустил мой медальон, охватил ладонями мои щеки и закинул назад мою голову.

— Неважно, что там за хрень происходит между нами, она всегда была там и всегда будет. Я чертовски блять устал, пытаюсь игнорировать это. Я постараюсь сделать все правильно. Ева, ты первая, с кем я попытаюсь, я блять сделаю все лучшим образом. И малыш, настоящая свобода — это чистая дорога, ветер в лицо и хорошая женщина за твоей спиной, крепко обнимающая тебя, словно ты ее причина дышать, ведь она — точно блять твоя причина.

Мой рот открылся. Разве он только что не говорил, что не слишком хорош в объяснениях, и теперь он собрался и сказал все это мне? Я была в шоке. В шоке до самой глубины сознания. Я никогда не ошибалась на его счет.

— Дьюс, — прошептала я, — ты любишь меня.

Он поднял глаза к потолку и фыркнул.

— Малыш. Да. Уже очень давно.

Дьюс наблюдал, как она таяла. Каждая часть ее тела просто обмякла. Блять, он любил этот ее вид. Этот вид говорил ему, что он был всем ее ебаным миром.

— Хорошо, — прошептала она. — Больше никаких побегов.

В его срывающемся вдохе было облегчение.

— Господи, малыш, — проговорил он, пробегаясь костяшками пальцев по ее щеке. — Как раз блять вовремя. А теперь, где твоя ебаная комната?

Глава 14

В компании Кокса Дьюс поднялся на тридцать пятый этаж Башни Мартелло в адвокатский офис «Хендерсон, Фредерикс и Стоунволл» и остановился напротив очень милой и очень юной секретарши, вытаращившей на них глаза.

— У вас назначено? — спросила она.

— Ага, — пробормотал Кокс. Он вытащил из заднего кармана конверт и шлепнул его на стол. — Назначение за тридцать штук баксов, которое удержит тебя от необходимости вызывать охрану и придержит твой рот закрытым. Понимаешь, к чему я веду?

Ее рот открылся, и она вытаращилась на конверт.

— Тридцать тысяч долларов?

— Ага.

— Деньги легальные?

— Они не помечены, дорогая.

Она соскочила со своего стула и обернулась. Оба они смотрели, как юбочка, плотно обтягивающая ее задницу, слегка задралась в воздухе, пока она, нагнувшись, рылась где-то в папках. Она появилась снова к ним лицом уже с сумочкой и свитером и схватила конверт.

— Спасибо вам! — сказала она, запыхавшись. — Я ненавижу мистера Хендерсона! Он худший из начальников, которые у меня когда-либо были! Я собираюсь вернуться обратно за барную стойку!

Она восторженно взвизгнула, подарила им хитрющую улыбку и вылетела из офиса.

Они переглянулись.

— Это было легко, — сказал Кокс.

— Она забыла свои фотки, — ответил он, указывая на ее стол.

Пожав плечами, они направились от опустевшего стола секретаря прямо в офис Чейза.

Он поднял взгляд из-за ноутбука.

Дьюс шагнул ближе.

— Ева Фокс, — прогремел он.

Чейз переводил взгляд между ним и Коксом и остановился на Коксе. Его глаза расширились.

— Иисусе, — пробормотал он. — Самое время тебе забрать твоего ребенка. Не знаю, сколько

еще я еще смогу притворяться, что этот мелкий латинос — мой, тошнит уже.

Руки Кокса сжались в кулаки.

— Ева Фокс, — напомнил ему Дьюс.

Чейз перевел взгляд обратно на него.

— Я немного занят сейчас. Может, в другое время зайдете? Лучше предварительно запишитесь у секретаря.

Кокс сел в кожаное кресло и положил ноги на стол Чейза.

— Мы подождем.

— Да, — сказал он, вертя в руках фотографию Евы. Он взял ее со стола. — Не торопись блять.

Ее выпускной. Она была в мантии, держала в руке конфедератку и ухмылялась, выглядя так, будто ей было по барабану на весь мир вокруг. Во рту у него пересохло, когда он смотрел. Эта фотография была сделана незадолго до того, как он взял ее прямо в том переулке и сделал своей навечно.

— Красивая, правда? — проговорил Чейз.

Да, она была охуенно красивой, но он не собирался тратить на слова. Он был здесь по конкретной причине, и обсуждение того, как красива его женщина, в эту причину не входило.

— Полагал, что тебе стоит беспокоиться лишь насчет Фрэнки Дэлумы, да? И поскольку Дэлума за решеткой, казалось, тебе не о чем больше переживать.

Чейз усмехнулся.

— Полагаю, я был неправ?

— Да, придурок, — ответил Кокс. — Ты пиздец как был неправ.

Чейз указал пальцем на него, затем на Кокса и ухмыльнулся.

— Вы оба сюда пришли отстаивать честь миссис Фокс-Дэлумы? Потому что в этом случае вынужден с сожалением признать, что остатки этой чести я нахрен вытряс из нее.

— Прости, слизняк, — ответил он Чейзу, — но внутри Евы есть такой огонь, которого ты никогда не касался.

Его ноздри расширились от злости.

— О, — насмешливо продолжил Чейз, — а ты не слышал новости? Забавный такой факт о презервативах. Они не работают, если ты проколол их перед тем, как использовать. Так что огонь Евы уже потревожен, и думаю, я монополизировал эту торговую площадку.

— Вот тебе другой забавный факт о презервативах, — прорычал он. — Они не особо хорошо работают, если ты вообще ими не пользуешься.

Он удовлетворенно наблюдал, как ухмылка Чейза исчезала с его лица, и теперь злость

замелькала в его глазах.

— О, ты видимо не знал, — продолжил он. — Я занял эту ебаную торговую площадку двенадцать лет назад.

Кокс наклонился вперед и схватил фотографию в рамке со стола.

— Черт возьми, Ками выглядит сногсшибательно в бикини, — протянул он. — И все равно она мне больше нравится голой. И еще когда кричит мне в лицо мое ебаное имя.

Чейз пожал плечами.

— Если ты думаешь, что Ками кричит, тебе стоит услышать Еву.

Срань Господня, он хотел прикончить этого козла.

Чейз перекрестил руки на груди и откинулся назад в своем кресле.

— Этот ребенок мой, — сказал он, как ни в чем не бывало. — Я позаботился об этом.

Сжав зубы, он досчитал до десяти, прежде чем выкинуть что-нибудь, что отправит его вслед за Фрэнки. Пока он считал, он не сводил глаз с фотографии Евы.

Почему у этого говнюка стоит фотография с ее выпускного? Разве что...

Он снова посмотрел на Чейза. Этот долбоеб был жесток и не гнушался ничем, но если он просто хотел распробовать Еву, он бы не пытался повязать ее беременностью, он бы не поставил ее фотографию на стол. Фотография, снятая двенадцать лет назад, не меньше, и ему было бы плевать, кого еще Ева трахала.

Иисусе...

— Я знаю, как звучат стоны Евы, — сказал он тихо, ожидая ответной реакции, и он был уверен, что реакция непременно последует. — Знаю, каково это — хоронить себя заживо в ее сладкой киске, когда она сжимает меня так охуенно туго, почти до боли.

Лицо Чейза напряглось.

— Но лучшая часть — и тебе стоит знать это, раз уж ты трахаешь ее — это когда она кончает и выкрикивает, что любит меня, и...

Чейз подался вперед, и его кулаки ударили по столу.

— Заткнись блять!

Да... Чейз Хендерсон любил Еву Фокс.

— Презабавнейший факт насчет Евы, — сказал Кокс. — Президент никогда не может заткнуться, когда речь идет о ней. Хер знает сколько мы пытались заткнуть его. Но он всегда возвращается к ее огромным сиськам и тугой киске...

— Пошли вон! — злобно проговорил Чейз. — Или я вызываю охрану!

— Не беспокойся, малыш, — ответил он. — Мы уже убываем. Пришли сюда просто

посмотреть, что ты за фрукт и во что ты блять игрался. А ты не игрался. Все очень просто и понятно: ты хочешь мою женщину. Уже очень давно хочешь ее. Желал ее так, что отчаяние перевесило все, и ты разменял любовь на секс-услуги.

Челюсти Чейза напряженно сжались.

— Мне не о чем беспокоиться. Ева никогда не посмотрит на тебя, как на нечто большее, чем просто еще один опыт.

— ПОШЕЛ ВОН!

Ухмыляясь, он кивнул Коксу, и они направились к дверям. Едва они вышли, в закрывающуюся дверь полетело что-то тяжелое со стороны Чейза.

— Мы не собираемся прикончить его? — поинтересовался Кокс.

— Поверь мне, — ответил он, — это намного блять хуже. Мальчишка живет в мире боли. Он там давно, и мы просто слегка заострили на этом его внимание. Он сам себя сожрет... Если только Фрэнки не узнает и не прикончит его первым.

— Миленько, — кивнул Кокс.

Когда они зашли в лифт, он схватил Кокса за шею и впечатал его в стену.

— Если ты еще когда-нибудь снова заговоришь о сиськах Евы, я тебя...

— Босс! — Кокс засмеялся. — Успокойся блять. Это было просто шоу.

Освежившись в душе и попивая имбирный напиток из высокого бокала, я сидела в кресле, наблюдая, как Ками и Девин свернулись дракончиками в моей кровати, посапывая. Я надеялась, что Девину не понадобится детский психолог после сегодняшнего дня.

Впрочем, уверена, что понадобится.

Дверь в мою комнату скрипнула и тихонько открылась. Кокс вошел первым, за ним Дьюс. Кокс мельком глянул на меня, затем остановился на Ками и Девине.

Он смотрел собственнически. Он не отпустит своего ребенка. Ни при каком чертовом раскладе. Пока было непонятно, чем это обернется для Ками, и мне предстояло узнать это.

— Кокс, — прошептала я. Он обернулся. — Не знаю, какие у тебя планы, но к Ками и Девину прилагаюсь я. Попытаешься все нахрен испортить, и будешь иметь дело с эшеломом Демоном. Это ясно?

Губы Дьюса искривились, но Кокс оставался равнодушным.

— Да, Фокси, — прошептал он. — Ясно. Не беспокойся о своей девочке. У меня было время остыть. Кое-что решил.

Кокс подошел к моей кровати и присел рядом с Ками.

— Эй дрянь, — прошептал он ей на ухо, — просыпайся блять.

Ками сонно моргнула, увидела Кокса, нависшего над ней, и вскрикнула.

Кокс закрыл ей рот ладонью.

— Чокнулась? Мой ребенок спит.

Красивые голубые глаза Ками сощурились, и она проямлила в его руку что-то явно нецензурное.

— Только что познакомился с твоим сраным супругом, и совершенно блять точно не хочу оставлять моего сына рядом с этим козлом, особенно не хочу, чтобы он называл этого долбоеба папой, — он аккуратно убрал локон волос от глаз Ками. — И ты, дрянь, не вернешься к нему. Никогда.

Ками заметно расслабилась и положила голову обратно на мою подушку. Кокс убрал руку.

— Буду честным, детка, — сказал он, — я не собираюсь отбирать моего мальчика у его мамы. Так что нам с тобой надо придумывать что-то вместе. Во-первых, я хотел бы узнать его, хочу, чтобы он чувствовал себя в безопасности рядом со мной, потом мы можем обсудить варианты с поочередным проживанием, хорошо? Или ты можешь упаковаться блять и перетащить свою костлявую задницу в Монтану, я помогу тебе решить вопрос с жильем. Может, между нами что-то наладится, а может и нет, ты же у нас ебанутая. Но ни при каких, черт побери, обстоятельствах ты не будешь ошиваться рядом с Рипером. Точнее говоря, сучка, ты прямо блять сейчас пообещаешь мне, что всегда будешь держаться подальше от него с сегодняшнего дня и всю ебаную вечность.

В шоке я посмотрела на Дьюса. Он смотрел на потолок, кажется, моля небеса о терпении.

— А что насчет твоей жены? — прошипела Ками. — Ты от нее собираешься держаться подальше?

— Я об этом позабочусь, — Кокс вернул ей ее тон.

Она хмыкнула.

— И каким это образом?

— Не твое дело.

Ками подорвалась и села.

— Ты ожидаешь, что я просто упакую всю свою жизнь, оторву от родного места своего сына и перееду в город, где «Супершлюшки» — единственный клуб в округе, просто ради того, чтобы посмотреть получится у нас что-то или нет? Ты, может быть, и чертовски классный и трахаешься, как бог, но — извини — я на это не подписываюсь.

Кокс схватил Ками за плечи и резко придвинулся к ней. Нос к носу, они смотрели друг на друга.

— Хочешь грубой правды? Ни одна женщина прежде не подходила мне так, как подходишь ты. Ни одна, а я перетрахал множество. Выводишь меня из себя, из раза в раз удирая, когда я все еще хочу большего. Теперь у тебя есть мой ребенок, ты по-прежнему убийственно хороша, и я

все еще хочу большего. Ты едешь в Монтану, и мы посмотрим, получится ли у нас с тобой. Получится — я уйду от жены, нет — я ее блять не брошу. Нет желания самому заниматься стиркой и уж точно нет желания платить алименты.

— Бог ты мой, — выдохнула Ками, — никогда не встречала такого феноменального козла!

— А ты чокнутая испорченная сука.

Не знаю, кто метнулся первым, может, оба в один момент. Одна секунда — они смотрят друг на друга, следующая — они целуются. В схватке. Боевой поцелуй?

Слившись в одно целое, они перекатились на кровати, Ками тянулась к пряжке пояса Кокса, пока он разрывал ее футболку.

Я схватила Девина, раз уж ни один из его родителей не принимал во внимание, что их ребенок лежит рядом в полуметре.

— Господи, ебануться можно, какая ты идеальная, — прохрипел Кокс.

— Заткнись, — прошипела Ками, — и трахни меня!

Дьюс придержал передо мной дверь, пока я выносила Девина из комнаты.

Последнее, что я слышала, прежде чем Дьюс закрыл дверь, было:

— Да, ты, сука, точно перетащишь свою задницу ко мне домой.

— Нет, не поеду!

Я покачала головой. Как за один день все может так измениться!

— Ты готова ехать домой, дорогая?

Я посмотрела на Дьюса. Он не отводил взгляда от маленького мальчика в моих руках.

— Да, — ответила я мягко, — я готова.

Он перевел взгляд на меня и улыбнулся.

— Здорово, детка. Это просто охуенно здорово.

Дьюс свернул на шоссе, соединяющее штаты. Ева сидела позади него, надев его шлем, ее ноги прижаты к его ногам, ее руки обвивали его талию, щекой она прижалась к его спине, обтянутой черной кожаной курткой. И это было хорошее ощущение. Правильное. Блять, как давно он этого ждал, и вот сейчас она была за его спиной, и наконец, он мог дышать свободно.

Он вытянул руку вперед ладонью вниз, дав знак своим парням сбавить скорость. Затем он поднял руку в воздух, показывая большой палец вверх. Они притормозили и перестроились в колонну согласно их рангу: Дьюс, Мик и Кокс, замыкающий с тыла.

Они ехали домой.

— Я туда не пойду.

Дьюс скрестил мощные руки на широкой груди.

— Ты собираешься спать под звездами?

Я пожала плечами.

— Ну, раз я не иду туда, значит, да.

Закрыв глаза, он сделал несколько глубоких вдохов. Я знала, что испытывала его терпение, но честно, меня это нифига не заботило. У него были прекрасные намерения, да, но он не прислушивался ко мне, его не волновало, что я чувствую сейчас. Я только что оставила позади все, что я знала, ради него, и он ожидал, что я стану жить с ним и его детьми! С его взрослыми детьми! С его взрослыми детьми, которых я никогда раньше не видела!

Исходя из того, что я могла видеть, у него был красивый дом. Это был двухэтажный коттедж в рустикальном стиле, широченный, с большой верандой и задним двором, растянувшимся на мили. Настоящая глушь, ни соседей, ни дороги рядом. Ничего вообще. Только Дьюс. И двое его взрослых детей.

Срань господня! Мне надо выбираться отсюда, выбираться и подальше.

Здесь в горах есть где-нибудь остановка? Не припомню ни одной. На самом деле я вообще не помню, чтобы видела здесь хоть один автобус. Или людей. Или вообще хоть что-нибудь. Но здесь просто должна была быть автобусная остановка, так? Раз есть дорога, более чем вероятно, когда-нибудь здесь проедет автобус... Так ведь?

— Уймись, Ева, — прорычал Дьюс. — Как далеко, ты полагаешь, ты сможешь уйти отсюда? Ты блять даже не знаешь, где ты.

— Это похищение! — огрызнулась я. — И перестань читать мои мысли!

— Ебать меня... — пробормотал он. — Ты всегда себя ведешь, как сумасшедшая?

— Да! — крикнула я. — Вот поэтому-то ты и должен отвезти меня в аэропорт или до остановки, или до любого клочка цивилизации, и дать мне уехать домой!

Он проигнорировал меня.

— Вроде бы настолько чокнутой ты раньше не была.

— Хочешь знать, почему ты раньше не видел меня такой? Потому за двадцать пять лет, что мы знаем друг друга, можно по пальцам пересчитать, сколько дней мы провели вместе! И некоторые из этих дней даже и не были целыми днями!

— Ева, — сказал он раздраженно, — ты провела четыре дня на моем байке, спала под тентом, тебя блять выворачивало наружу все эти четыре дня. Ты выглядишь, как кусок дерьма и пахнешь так же, и я готов спорить на деньги, что спать ты любишь в нормальной кровати. Так что как насчет того, чтобы мы продолжили всю эту херню обсуждать внутри?

Я молила о спокойствии, молила о сдержанности, чтобы не вырвать ему глотку прямо сейчас,

когда услышала самый ужасный шум во всем мире.

— Пап?

Дьюс в миниатюре спускался с подъездной дороги. Я вытаращилась. Почти также высок, как и его отец, не так хорошо сложен, но все же впечатляюще для восемнадцати лет. Волосы — длинные и светлые — собраны. И когда мне была подарена убийственная улыбка, я будто снова увидела Дьюса в тюрьме Рикерс, когда мне было пять. Но глаза были не такие, как у отца. В то время как глаза Дьюса были морозно-синими, у мини-Дьюса они были карими.

Дьюс указал на его мини-копию.

— Кэйдж, — проворчал он. Затем указал на меня, — Ева.

Неандерталец, блин. «Я есть мужчина, ты есть женщина».

Мини-Дьюс ухмыльнулся снова и кивнул мне.

— Как дела, Ева?

Я спрятала лицо в ладонях.

— О Боже, — простонала я, — мне нужна автобусная остановка.

— Папочка!

Я присмотрелась сквозь пальцы на то, что издало крик. Оно было хихикающим и блондинистым, волосы развевались, пока оно спускалось к нам с дороги. Боже правый. Подростковая дива. Джинсы-скинни и блестящий розовый топ, пушистые розовые ботиночки, переливающиеся светлые волосы, длинные, уложенные, с идеальной челкой. Слишком много косметики. У меня было не очень хорошее предчувствие насчет всего этого.

Я дивой не была. И ни одну мою вещь нельзя было описать, как пушистую.

Она кинулась к Дьюсу и повисла на нем. Поскольку никто на меня не обращал внимания, я решила понемногу отступать к шоссе. Трудно ли будет найти автобусную остановку?

— Ева! — рявкнул Дьюс. — Даже блять не думай.

Я остановилась и оглянулась через плечо. Дьюс, как торнадо, летел на меня, пока его детки с любопытством на нас смотрели.

Так что я сделала то, что любая жертва, принуждаемая жить со взрослыми детьми своего мужчины, сделала бы на моем месте. Я поджала хвост и побежала, сверкая кедами. Понятия не имею, куда я бежала, но там была дорога, а дорога куда-то должна была вести, иначе как люди попадали бы из места в место?

Позади меня раздавались тяжелые удары ботинок Дьюса, нагоняя меня, ближе и ближе, пока он не схватил меня. Я закричала и сделала отчаянную попытку перепрыгнуть через небольшую канаву, чтобы потом убежать в лес.

У меня не получилось.

— Я уверен, что у меня не было галлюцинаций, когда ты, сука, сказала, что устала бегать от

меня, — прогремел он.

— Пошел нахер! — прошипела я. — НАХЕР!

— Ты этого хочешь, Ева? Хочешь, чтобы я трахнул тебя прямо здесь, чтобы ты блять вспомнила, где твое место?

— Папочка?

— Блять, — пробормотал он. — Дэнни, иди обратно домой.

— Я хочу поговорить с Евой.

— Домой, Дэнни. Сейчас.

— Нет, папуль, я хочу поговорить с ней.

Вздохнув, Дьюс отпустил меня. Я отпрянула, не сводя с него глаз. Он тоже впился в меня.

— Привет, — сказала Дэнни радостно. — Папа мне все о тебе рассказал!

Дэнни широко улыбалась мне. Блин, она была великолепна. У нее были глаза Дьюса. Синие, словно льдинки, гипнотизирующие. Но у нее было лицо ее матери, милое, нежное и невероятно красивое.

— Я думала, ты окажешься старше, — сказала она и захихикала. — Может, ближе к возрасту папы или моей мамы. Но ты выглядишь такой юной.

— Блять, — пробормотал Дьюс. — Не такая уж она и юная.

Я глянула на него.

— Мне тридцать.

Дэнни захохотала.

— Да она же ближе к моему возрасту, чем к твоему, пап! Тебе же почти пятьдесят!

Дьюс посмотрел на небо, закрывая затем глаза.

— Я буду на веранде, — проворчал он. — Если она побежит, — он указал на меня, — кричи блять.

Он ушел.

Дьюс сидел на ступеньках веранды, локти на коленях, лицо спрятано в ладони. Он был обречен на сумасшедшую жизнь.

— Она горячая штучка, пап. Охуенно горячая.

Он повернул голову к сыну.

— Ага, — пробормотал он в ответ.

— Охуенно классные ножки, — продолжил Кэйдж, — а ее сиськи, Иисусе, никакого ебаного лифчика и с такими-то огромными сиськами... охуеть.

Он раздраженно на Кэйджа. Если тот сейчас не заткнется нахуй, он его вырубит.

— Как закончишь с ней, отдай мне.

— Угомонись, — сказал он, повышая тон, — или я тебе блять навешаю.

Кэйдж уставился на него.

— Ты это серьезно?

— Серьезен, как полная бутылка текилы.

— С каких это пор тебе не похер, если я подцеплю клубную девку?

— С этих блять самых пор. И она не клубная шлюха. Еще раз назовешь ее так, и будешь ссать кровью.

Кэйдж захохотал.

— Вот дерьмо, — выдохнул он, хватаясь за живот, все еще смеясь, — она тебе блять нравится!

Нравится? Это слово даже близко не охватывало все те чувства, которые он испытывал к этой чокнутой суке.

Он схватил своего бледоватого сына за ворот футболки и дернул к себе, пока они не оказались нос к носу.

— Ты молод, мать твою, ты думаешь, что байк и девки — это все что нахуй имеет значение, я понимаю, я был на твоем месте, но тебе придется пиздец как быстро запомнить: ты обязан проявлять уважение, неважно женщина ли это, шлюха, хорошая девочка, Олд Леди — любая из них, или я прикончу тебя. Понял?

— Да, пап, — сказал он тише, — извини.

Он отшвырнул его обратно и посмотрел на лес. По-прежнему не было видно ни Евы, ни его дочери.

— Пап?

— Да?

— Это из-за нее ты вечно злой?

— Да.

— Из-за нее ты ушел от мамы?

— Да.

— Ты ее любишь?

— Да.

— Здорово.

— Ага...

Настала долгая пауза.

— Пап?

— Господи, Кэйдж. Ну что?

— А это означает, что я могу забрать себе Миранду?

Иисусе.

— Да, ебарь несчастный, забирай.

— Классно.

Мы с Дэнни шли обратно к дому, я молчала, охватив себя руками, она, очаровательный образец девочки-тинейджера, рассказывала мне о летних каникулах. Ей было шестнадцать, в том же возрасте была я, когда впервые поцеловала ее отца, влюбилась в него. Все это было в высшей степени неловко для меня.

Когда мы дошли до подъездной дороги, я смогла разглядеть Дьюса и Кэйджа, сидящих на ступеньках веранды. Кэйдж облокотился о перила, закулив.

Дьюс спрятал лицо в ладонях. Мое сердце екнуло. Он был расстроен.

Кэйдж заметил нас и пнул Дьюса по ноге. Дьюс поднял голову, на его напряженном лице появлялся гнев, и Кэйдж отпрянул подальше, указывая на нас. Наши глаза встретились.

— Дэнни, — крикнул Кэйдж, вставая на ноги, — помоги мне с ужином!

Дэнни коснулась моей руки.

— Ты в порядке?

— Ага, — проговорила я.

— Он никогда не обидит тебя, — прошептала она.

Я посмотрела на нее.

— Да, детка, я знаю.

Она улыбнулась, и я поежилась. У девочки не просто были его глаза, у нее была та же улыбка, от которой замирало мое сердце.

— Папа называет меня так — «детка», — сказала она и побежала. Вместе с Кэйджем они

исчезли внутри дома, оставляя нас с Дьюсом наедине.

Боже, помоги мне. Я не могла этого сделать. И все же — я шла прямо к нему.

Я остановилась напротив него.

— Послушай, я не могу... Эй! Что за чертовщина!

Дьюс сгрел меня и посадил к себе на колени.

— Еб твою мать, — сказал он хрипло. — Ты меня блять с ума сведешь.

Я вздохнула, содрогнувшись, и прижалась к нему. Он крепко обнял меня.

— Ты никуда не уезжаешь, Ева.

Я собиралась уехать. Но я промолчала на этот счет. Вместо этого я сказала ему, что он невероятно отвратительно пах после дороги.

— Да, малыш. Ты также пахнешь.

Дом Дьюса был невероятным. Просто дом мечты. Внутри все было отделано в стиле рустикального кантри. Едва зайдя в дом, ты попадаешь в фойе, открывающее вид на оба этажа, по центру которого висит деревянная люстра ручной работы. Первый этаж с открытой планировкой. Единственное, что делит его — это поблескивающая лестница, ведущая на балкон второго этажа.

Налево от фойе — гостиная, мебелью визуалью от нее отделен семейный уголок. Вся мебель высшего класса, но совершенно необжитая, это напоминает мне о Чейзе. Семейная зона мне больше по душе, потертые диванчики, толстый пушистый коврик под ногами, огромный экран телевизора и консоль для видеоигр, о которой мог бы мечтать любой мальчишка. Фотографии Дьюса и его парней, его детей, его мотоциклов, на которых он гонял в разные времена, занимали две стены. Справа от фойе была невероятно большая кухня и обеденная зона. Кухня была почти такой же, как в его клубном доме. Черная хромированная техника, рабочие поверхности из черного и белого мрамора. Стол был изысканным. Вишневого оттенка мореный дуб, черные стулья с высокими спинками и зеленого оттенка подушечками.

Вверх по сверкающей лестнице были пять спален, три ванных, не считая хозяйской спальни, к которой прилагалась полностью укомплектованная ванная с джакузи и душем таким огромным, что там вместились бы семья из десяти человек, внутри со скамейками и несколькими душевыми лейками. Спальня Дьюса выглядела не менее странно.

Все также скудно декорированная, она выглядела совсем не так, как я представляла себе комнату, где спит Дьюс. Длинный платяной шкаф с огромным зеркалом, зовущим покрутиться перед ним, и совпадающий по стилю стул занимали всю стену. Люстра Тиффани слегка покачивалась. У противоположной стены стояли еще два высоких шкафа. Кровать была королевского размера с пологом на четырех столбиках, заправленная черным шелковым постельным бельем с множеством подушек в изголовье.

Я посмотрела на Дьюса, который пожал плечами и выговорил им бывшей жены:

— Выбор Кристин...

Спальня Кэйджа была обычной спальней мальчишки-подростка. Обои потемней, темные шторы, постеры с мотоциклами и голыми женщинами, позирующими на мотоциклах, и украденный дорожный знак висели рядами на стенах. Пол был завален одеждой, кедами, на его кровати был бардак, грязные тарелки были закинута повыше на шкаф.

Комната Дэнни была самой девичьей из всех девичьих. Все было либо розовое, либо розово-малиновое, и пушистое. В ту же секунду, как я зашла, я почувствовала себя на прогулке в доме Барби и сразу же отступила назад в безопасность.

Когда экскурсия была окончена, Дьюс отвел меня обратно в свою спальню, указал мне на шкаф и сказал распаковывать вещи. Я нахмурилась.

— Я не остаюсь здесь, — сказала я ему, — поэтому и не распаковываюсь.

— Ебанный ад, — простонал он. Схватив меня за руку, он потащил меня в примыкающую к спальне ванную и включил душ. Затем он разделся.

Когда он встал обнаженный, спиной ко мне, я уставилась на татуировку с лицом его жены на руке. Я видела ее раньше, но никогда особо не задумывалась о ней.

До этого момента, пока я не оказалась в ее доме, с ее мужем и ее двумя детьми.

— Ева, не начинай блять, — сказал он, повышая голос. Я прищурилась. Каким образом он всегда знал, о чем я думаю?

Бормоча что-то о сумасшедших женщинах, Дьюс пересек ванную и подтолкнул меня к стене, выложенной керамикой. Он сдернул мою футболку через голову и бросил ее в корзину для грязного белья. Перетряхивала ли его жена эту корзину? Может, тут где-то ее зубная щетка лежит?

Почувствовав руки Дьюса на себе, я моментально отвлеклась от своих размышлений. Рот Дьюса на мне.

— Вот так-то, — промурлыкал он, охватывая мой сосок ртом, — теперь ты здесь, Ева. Собираюсь напомнить блять, где твое место, с этим у меня никаких проблем.

Дьюс бережно перенес меня в душ, его руки сжимали мой зад, он жадно целовал мою шею.

— Блять, — он продолжал мурлыкать мне это, как мантру, снова и снова, — такая охуенно сладкая, — сказал он, не отрываясь от моей шеи, в предвкушении, — охуенно красивая, сладкая, и сумасшедшая, и полностью блять моя.

Я сглотнула.

Полностью блять моя.

Господи, что он делал со мной, какие чувства он дарил мне.

— Этот ребенок, Ева, он мой. Ты поняла?

Я забыла, как дышать.

— Я поняла, — прошептала я.

Его рука исчезла между нами, и он ввел один, затем второй палец в меня. Сжимая его плечи, я отпустила свой разум и отдалась заботе Дьюса, и его пальцам, творившим магию. Отключиться от всего было несложно.

— Теперь ты чувствуешь меня, дорогая? — прорычал он.

Я не ответила. Не могла. Но — да — я чувствовала его. Везде.

— Ты собираешься уладить все вопросы со своим стариком?

Дьюс был в ванной и чистил зубы, наблюдая, как Ева, закутавшись в полотенце, кусает ногти, выглядя при этом так, будто в любой момент готова сорваться.

На этот случай он установил сигнализацию. Она не знала кодов, так что если она попытается открыть двери или даже гребаное окно, он узнает. И затащит ее задницу обратно в кровать.

— Ты всегда называешь моего папу стариком, — ответила она ему. — Но ты же почти одного с ним возраста.

Она думала, что он стар? Он сплюнул зубную пасту в раковину.

— Что ты хочешь сказать мне, дорогая?

Она пожала плечами.

— Мне просто интересно, когда тебе тоже понадобится Виагра.

Он застыл.

Что?

ЧТО БЛЯТЬ?

Метнув зубную щетку, он вылетел из ванной прямо к ней, положил руки ей на плечи, заставляя ее лечь на спину.

— Разве я не закончил только что с тобой?

Эта сумасшедшая женщина сжимала губы. Она смеялась над ним. Смеялась!

Без лишних разговоров он перевернул ее на живот, схватил и вздернул повыше ее задницу и вошел в нее. Господи, она была влажной. Поймала его на удочку. Он покачал головой. Она была сумасшедшей, равно как и повернутой на сексе.

— Как тебе это, моя маленькая? — проворчал он. — Получила, что хотела?

Тяжело дыша, она отрицательно качнула головой.

— Нет. Думаю, тебе надо двигаться побыстрей.

Его ноздри в гневе раздувались, и он шлепнул ее по заднице.

Она захохотала.

— Еще разок, — хихикала она.

Иисусе.

— Если хочешь этого грубо, придется пообещать мне, что ты останешься и попытаешься устроить все это дерьмо со мной.

Она вывернулась, шлепнулась на спину, раздвигая ноги, открываясь для него. Он вошел в нее снова. Их взгляды пересеклись, и они замерли, не отводя глаз.

— Я обещаю, — прошептала она.

— Хорошо, малыш, — ответил он, — охуенно хорошо.

Глава 16

— Я толстая, — захныкала я, уставившись на свой огромный живот.

Дьюс, сидя на краешке кровати и надевая ботинки, посмотрел через плечо.

— Ага.

Я села на кровати, вернее, заерзав из стороны в сторону, едва поднялась.

— Ты только что назвал меня толстой?

— Ага.

Бог ты мой. Невыносимая честность! Ненавижу это!

— Я не толстая! — прикрикнула я на него. — Я почти на восьмом месяце беременности!

Он поднялся и взял дезодорант со шкафа.

— Да, малыш, я знаю. Но ребенок-то не в твоей заднице растет.

У меня отвисла челюсть.

— Ты мою задницу толстой назвал сейчас?

Продолжая собирать свои волосы на затылке, он обернулся.

— Ага.

— Ненавижу тебя! — зло сказала я ему. — Если бы могла сама подняться, то надрала бы тебе задницу!

Он ухмыльнулся.

— Не буду врать, малыш. Твою задницу охуенно разнесло. И это меня совершенно не волнует, потому что у меня для твоей задницы есть две большие сильные руки. Так что все отлично.

Я кинула в него подушку. Смеясь, он выбежал из комнаты.

— Куда ты собрался? — крикнула я.

— В клуб! — входные двери захлопнулись.

Пыхтя, я легла на спину и натянула одеяло на голову. Я так скучала. И это было причиной моей растущей в размере задницы. Дьюс был верен своему слову и прекрасно обо мне заботился... Когда бывал дома, что практически не случалось — ни днями, ни ночами. Два месяца назад у меня начались преждевременные роды, я лежала в госпитале и мне назначили сульфат магния, чтобы тормозить схватки. Это сработало, роды прекратились, но я получила очень строгие инструкции: как можно меньше находиться на ногах, держаться подальше от стрессовых ситуаций и воздерживаться от сексуальных контактов.

После этого Дьюс перестал ночевать дома. Он всегда оставался в клубе, а я не была допущена туда. Дьюс должен был приводить меня лично, но это в итоге так и не случилось ни разу.

Я не глупа. Я понимала, что он спал с другими женщинами. Только вот я не знала, что с этим поделать. Он раскрыл все карты передо мной, сказал, что приложит все усилия, и я обещала, что сделаю то же самое. И я пыталась, но это невероятно трудно — стараться поддерживать отношения с тем, кого никогда нет поблизости.

Несколько раз я была в одном вздохе от того, чтобы высказать все эти вещи прямо ему в лицо, но затем я вспоминала, что он никогда не давал обещания хранить верность и сделать наши отношения единственными для него, он также не обещал, что будет появляться дома регулярно.

Я официально стала Олд Леди. И это было ужасно. Я была жизненно важной частью моего клуба, у меня были такие крепкие связи с моими мальчиками, и от этого я пришла к тому, что имею сейчас. Ни к чему.

Я проводила время с Дэнни, пока она была дома. С Дэнни и с Кэйджем, когда тот оставался дома, а не в клубе, это случалось редко даже в сравнении с его отцом. С ними обоими мои отношения были очень хорошими. С Кэйджем мы стали друзьями, Дэнни уверила себя, что теперь я ее ролевая модель. Мне это показалось плохой затеей, но я промолчала, потому что, если уж честно, эта «плохая затея» была очень милой.

Я могла пользоваться пикапом Дьюса, но здесь некуда было податься. Майлс-сити, штат Монтана, был населен примерно девятью тысячами людей. На нескольких центральных улицах расположились различные магазины и рестораны, вокруг города была пустая земля. Жители этого, казалось, не замечали. Пока на их спинах была одежда, в их животах — еда, а почта исправно работала, они были в полном порядке.

А я нет.

Я родилась и выросла в Нью-Йорке.

Нью-Йорк. Восемь миллионов людей. Самый популярный город в Соединенных Штатах, один из самых известных мегаполисов в мире. Могущественный город, культурная столица, ни в одном городе мира нет такого разнообразия языков, на которых здесь говорят, котел, в котором бурлят бизнес, финансовые структуры, медиа, искусство, мода, научные исследования, технологии, образование и развлечения.

Вздыхая, я свернулась в калачик на своей половине кровати. Я скучала по моему городу. Я скучала по моему отцу, по Ками и Девину. Я скучала по моим мальчикам.

Но я любила Дьюса. И я дала ему обещание.

Уже стемнело, когда Дьюс заехал в свой гараж. Он заглушил байк и направился в дом. Первым делом кухня, вторым — Ева. Четыре дня его не было дома, он так хотел коснуться ее, что зудело в ладонях. Он не мог трахать ее, что-то там насчет ребенка, но он решал эту проблему — с Мирандой обычно. Но Миранда не была Евой. Ни одна из всех этих шлюх не могла затмить Еву. Он не мог просто находиться рядом с ней, он хотел ее, хотел ее рот, всю ее, сладкую, но и этого было недостаточно. Он хотел чувствовать ее изнутри. Он хотел быть внутри нее с того барбекю у Демонов четырнадцать лет назад.

Ебанный ад, у него был стояк просто от мыслей о Еве.

Эта сука сводила его с ума.

Он схватил пиво и уже занес ногу на первую ступеньку, чтобы подняться наверх, как услышал неугомонное женское хихиканье, моментально заставившее его завестись. Это была ночь накануне школы, и Дэнни после двенадцати должна была уже спать. Ева знала это.

Прищурившись, он свернул налево в гостиную, потом прошел в семейную комнату. Ева, Дэнни и Кэйдж, приклеившиеся к экрану телевизора, уместились втроем на «любовном» диванчике, рассчитанном на двоих. Дэнни забралась на левый край, Кэйдж на правой стороне, а Ева свернулась между ними и частично оперлась на Кэйджа. Его пальцы рассеянно поглаживали волосы Евы, ее рука лежала у него на животе. Темно-синий плед накрывал их троих.

Он уставился на них. Что за хуйня тут происходит?

— Господи! — вскрикнула Дэнни, чуть не упав со своего места. — Она и впрямь собирается обратить его в вампира!

— Быть не может, — сказала Ева. — Она не станет этого делать. Не сможет. Это же ненормально.

— Превратила бы она меня в вампира, — проговорил Кэйдж. — Охуенно горячая штучка.

Ева засмеялась.

— Ты свою жизнь готов отдать за пару приличных сисек, да?

Кэйдж опустил взгляд на Еву и улыбнулся.

— За такие сиськи, как у нее, — да, черт побери. И за твои бы тоже.

Ева фыркнула.

— Свинья, — пробормотала Дэнни.

— Ага.

— Можешь оставаться свиньей, сколько тебе угодно, — сказала Ева, смеясь, — пока ты ежедневно продолжаешь массировать мне ступни, — она довольно вздохнула. — Райские ощущения, Кэйдж.

Ухмылка Кэйджа превратилась в мягкую улыбку.

— Все, что тебе понадобится, красавица.

Его кулаки сжались. Массажирует ее гребанные ноги? Каждый день? Красавица?

— Ха! — воскликнула Ева, шлепнув Дэнни по руке. — Я же говорила, не станет она этого делать.

— Ну и ладно, — пробормотала Дэнни, улыбаясь. — Ей стоило это сделать. В конечном счете, он начнет стареть. Будь я на ее месте, я бы этого перца сделала бессмертным.

Он промчался через комнату и остановился прямо напротив телевизора.

— Пап, отойди, — сказала Дэнни, пытаясь выглянуть за него.

Он не сдвинулся.

— Даниэль Уэст, — рявкнул он, — я хочу знать, почему ты до сих пор не в постели.

Он смотрел, как его дочь, принимая хмурый вид, скрещивает руки на груди.

— Сегодня и завтра в школе проходят встречи родителей и учителей, — сказала Ева тихо. — Занятий нет.

Он прищурил глаза. Она по-прежнему лежала на его сыне. Прямо перед ним.

— Ева, — отрезал он, — на кухню.

— Вот, вставай, детка, — сказал Кэйдж. Он сдвинулся из-под нее и приобнял, помогая встать. Она замялась на минутку, затем положила обе руки на раздувшийся живот.

— Дерьмо, — пробормотал Кэйдж. — У тебя снова схватки? Или тяжесть из-за отеков?

— Ой! — вскрикнула Дэнни, вскакивая на ноги. — Таблетки принести?

Отеки? Таблетки? Что за нахуй?

— Ева, — прорычал он, еще больше взбодороженный за последние секунды, — иди на ебаную кухню!

— Пап! — одернул его Кэйдж. — Заткнись нахуй! Блять, она плохо себя чувствует. Давление зашкаливает. Ее медсестра почти каждый день заезжает осмотреть ее!

Что? Что и снова что?

— С чего ты разбираешься во всем этом дерьме? — потребовал он ответа.

— Лучше спроси себя, — бросил в ответ Кэйдж, — почему ты нахуй не знаешь, о чем речь?

Либо его собственный сын будет сейчас лежать на полу, либо он должен разбить что-то другое.

Он бросил бутылку через комнату. Она разбилась в камине, брызги пива полетели в стороны.

— Отвечай мне! — проревел он. — Почему ты в курсе всего этого дерьма? И почему ты ее нахуй держишь?

Губы Кэйджа презрительно изогнулись.

— Как думаешь, а кто возит ее к врачу и в ебанный госпиталь? Кто помогает ей ложиться и вставать с кровати и присматривает за ней в ебаном душе? Уверен нахуй, что это не ты.

Его ноздри раздувались.

— Ты помогаешь ей принимать ебанный душ? — прошипел он.

— Да, папочка, — сказала Дэнни тихо. — Тебя никогда нет дома, а я не могу все время помогать ей. Ее врач сказал, что ей нужно как можно меньше времени проводить на ногах, и нам надо смотреть, чтобы в ее еде было минимум соли, и надо помогать ей расслабляться, если начнутся схватки, делать ей теплые ванны, растирать ей спину. По большей части случаются только схватки Брэкстона-Хикса, но врачи все равно беспокоятся, она ведь уже лежала в госпитале.

— И кто, по-твоему, нахуй отвозит Дэнни в школу? — крикнул Кэйдж. — И забирает ее обратно после тренировок чирлидеров? А отвозит ее на ебаную гимнастику? Мама блять работает по десять часов в смену, Ева этого больше не может делать, тебя нахуй нет дома, выходит, остаюсь только я!

Со слезами на глазах, Ева тихонько вышла из комнаты и исчезла в фойе. Он собирался последовать за ней, но Кэйдж не закончил орать на него.

— Ты снова делаешь это, — бросил он. — Ты все нахуй портишь. Ты сделал это с мамой, ты продолжаешь делать это с Евой. Тебя никогда нахуй нет дома, ты бросаешь ее одну, ей не с кем поговорить, ей нечем заняться, и она уйдет от тебя, папа, если ты не прекратишь ночевать в клубе и трахать шлюх. Похуй на тебя, но я не хочу, чтобы она уезжала, и Дэнни не хочет. Это просто охуенно восхитительно, что она тут, с ней здорово болтать, она блять веселая, и она всю нашу дерьмовую историю превращает замечательную семейную, но ты блять испоганиваешь все, потому что ты ебанный эгоистичный мудака!

Дэнни встала перед Кэйджем, будто защищая его.

— Да, пап.

Он сделал несколько глубоких вдохов, опасаясь сказать что-нибудь, о чем пожалеет. Продышавшись, он повернулся и вышел из комнаты.

Вскоре на кухню зашел Дьюс. Он обошел меня с правой стороны, даже не взглянув, и направился к холодильнику. Я прикусила язык. Последнее время я его часто прикусывала и сейчас тоже, когда не могла подобрать слова, которые затронули бы его сердце. Особенно учитывая, что он только поругался со своими детьми.

Я попыталась поразмыслить, о чем же поговорить с ним, но в голове застыла пустота. Я

понятия не имела, чем он вообще в последнее время занимался — ни о делах клуба, ни о его парнях, ни о чем.

— Мне пришло постановление суда, — выпалила я.

Ничего не достав из холодильника, он закрыл его и обернулся.

— Что?

— Постановление, — повторила я. — Чейз хочет сделать тест на отцовство, в суде вынесли решение, что я обязана подчиниться.

Он моргнул.

— ЭТОТ ВРАЧ-ДОЛБОВЕБ СКАЗАЛ, КОГДА БЫЛА ДАТА ЗАЧАТИЯ?

Я сделала шаг назад.

— Дьюс, почему ты...

— КОГДА, ЕВА, КОГДА БЛЯТЬ?

— В конце июня, — прошептала я. — Но это не всегда можно точно определить.

— Да ну? — фыркнул он. — «Не точно» — это потому, что трахались мы в начале месяца?

Я вытаращилась на него, замолкнув.

— Соскочила с моей ебаной койки прямо к Фрэнки, от Фрэнки ко мне обратно и затем прямо в сраную постель Чейза! Этот ебанный ребенок может быть и от Фрэнки, не так ли?

— Перестань! — заплакала я. — Ты же знаешь, что все было не так! Ты объявился, отправил Фрэнки в тюрьму, а я была потеряна. Ты есть ты, я никогда не могла поступать рационально, когда речь о тебе, я просто хотела хотя бы еще один раз быть с тобой! Чейз был ошибкой! Я пыталась помочь Фрэнки, потом этим же способом пыталась причинить ему боль, а потом просто пыталась наказать себя, и все в моей голове просто блять смешалось в кашу! Так что я не знаю, Дьюс! Я просто не знаю!

— Ты никогда блять не знаешь, что за дерьмо происходит, да? Не знала, что твой старик навешал камер даже на ебанных лестничных площадках. Не знала, что Фрэнки не просто чокнутый, а ебнутый хладнокровный маньяк. Не знала, что Чейз тебя нахуй любил, не знала, что он протыкал ебанные презервативы, чтобы ты залетела и осталась с ним! Даже блять не знаешь, чей это ублюдок в тебе растет.

Что сделал Чейз? Бог мой. Божемойбожемойбожемой...

— Да, — усмехнулся Дьюс. — Теперь ты знаешь. Когда уже слишком блять поздно. Положительный тест на отцовство будет его ебанным козырем. И я блять знаю тебя, как только все усложнится, ты расстроишься и сбежишь.

— И куда я должна убегать? — крикнула я. — Раз уж ты такой умный, скажи мне, куда я должна бежать?

— Обратно к папочке, — сказал он мрачно. — Обратно в ебанный клуб. Обратно туда, где

безопасно, и где тебе не придется самой разбираться со своей ебаной жизнью, потому что у тебя будет херова толпа мужчин, которые будут разбираться с проблемами за тебя. А потом ты снова начнешь пытаться спасать Фрэнки, потому что это единственное, что ты можешь делать. Ты и понятия нахуй не имеешь, чем тебе заняться, когда ты не занята его спасением. И вы с Чейзом сможете снова до бесчувствия трахаться на публике и даже получать от этого удовольствие, потому что вы оба себя ненавидите, и каждый по отдельности ненавидите свою ебанутую жизнь.

Мое лицо горело. Я была зла и смущена одновременно. Дьюс вывалил мое грязное белье в доме, где все слышно. Без сомнения, Дэнни и Кэйдж слышали каждое слово.

— Не надо было даже блять прикасаться к тебе, — сплюнул он.

Мое сердце замерло.

— Что? — прошептала я.

— Ты слышала меня, сука. Хотел бы я никогда нахуй не касаться тебя. Не встречать тебя. Ты сотворила такой пиздец с моей жизнью.

И я попятилась назад, будто он ударил меня, пытаясь нащупать рукой угол стола, чтобы устоять на ногах.

— Дьюс, — прошептала я, — пожалуйста, возьми свои слова обратно.

Он не сделал этого. Он вообще ничего не сказал. Просто отвернулся и ушел.

Глава 17

Я ворвалась в клуб с конкретной целью. Дьюс не был дома больше недели. Он не отвечал на звонки, и его парни прикрывали его.

На подходе к коридору передо мной вдруг появился Кокс.

— Я приведу его к тебе, детка, придержи коней.

— Отъебись, — злобно ответила я, отталкивая его. — Я не тупая. Я знаю, чем он там занимается!

Кокс поморщился.

— Он убьет меня, если я тебя пущу.

— Тогда пиши завещание, потому что меня остановит только пуля.

— Фокси, — сказал он тихо, — я не могу пустить тебя туда.

Я глянула на него снизу вверх.

— Шутишь нахрен?

— Нет, детка. Он снимет с меня жилет, если я сделаю это.

— Отлично, Кокс, хочешь поиграться со мной? У вас с Ками вроде все налаживается, так?

Ездишь туда и обратно, видишься с Девиним, общаешься с ним? Врешь его матери, рассказывая сказки, что уйдешь от жены, и все прочее дерьмо, лишь бы продолжать трахать ее?

Лицо Кокса напряглось.

— Ева, — предупреждающе сказал он, — ты не можешь...

— Заткнись, — прошипела я. — Я могу, и я сделаю это. Я скажу ей, что ты не только не собираешься уходить от жены, но и продолжаешь трахать всех двуногих, что встречаются на твоём пути. Так что, Кокс? Заставишь меня уйти или потеряешь Ками?

Неодобрительно глядя на меня, он отошел с пути, разводя руками.

— Давай, вперед, сука чокнутая.

Дверь в комнату Дьюса была заперта, но замок был дешевым. Два внушительных удара над ручкой двери, и он сломался. Один пинок — и дверь распахнулась, глаза Дьюса открылись.

— Ева! — вскрикнула Миранда, краснея. — Ты здесь!

Дьюс вылез из-под нее и сел. Он никак не мог сфокусироваться, его глаза покраснели — следствие пустой бутылки Джека, валяющейся на полу рядом с кроватью.

— Я не задержусь, — проинформировала я ее. — Просто нужно сказать ему кое-что, и затем я уйду.

Она начала собираться, но я дала ей знак прекратить.

— Тебе стоит остаться, — сказала я ей, — после того, как я закончу, ему, вероятно, захочется трахнуть тебя снова.

— Тупая ебнутая дрянь, — прогрохотал Дьюс, — пошла нахуй из моего клуба.

Это ранило намного сильнее, чем застать его с Мирандой. Если он и вправду любил меня, почему не хотел, чтобы я была частью его жизни?

Миранда сползла с кровати.

— Я... эээмм... Я пойду.

Не став собирать свою одежду, она выбежала в холл.

— Как ты блять прошла сюда? — крикнул Дьюс.

Я пожала плечами.

— Я же шлюха. Запрыгнула в пару коек.

Дьюс мгновенно протрезвел и уже пересек комнату. Схватив меня за предплечье, он начал выдвигать меня из комнаты в холл. Оставаясь при этом с голой задницей.

— Раз уж ты выкидываешь меня отсюда, я буду говорить быстро, — сказала я ему. — Я понимаю, почему ты так зол насчет Чейза, но Фрэнки — это совсем другое. Я любила Фрэнки

так долго, сколько помню саму себя.

Лицо Дьюса напряглось, и он начал идти быстрее, я едва поспевала.

— Мы росли вместе, мы многое вместе прошли. Он всегда был рядом, когда бы ни понадобился мне, и я всегда была рядом для него. Он потерял все, еще когда был маленьким. Он заикнулся на мне, когда был ребенком, в этом не было никакого сексуального подтекста. Не было, пока он не повзрослел, и не начал нуждаться во мне в этом смысле.

Дьюс дернул меня за руку, тормозя.

— Нуждаться в тебе в этом смысле? — прошипел он. — Ты хотя бы понимаешь, насколько ебнуто это звучит?

— Да! — крикнула я в ответ. — Но я любила его! Я хотела помочь ему!

— Ты больная, малыш, — он снова продолжил шагать, потянув меня за собой. — Фрэнки сделал тебя такой.

— Да, — закричала я, — я знаю!

— Что ты нахуй знаешь?

— Знаю, что я ебанутая. Я знаю, что такой была и так вела себя очень долгое время. Еще знаю, что я ничегосеньки не понимаю в нормальных отношениях, потому что ебанутые отношения — это все, что у меня было всю мою жизнь. Но я так сильно старалась, чтобы у нас с тобой все наладилось! Еще я знаю, что меня уже тошнит от всего твоего дерьма! Ты дал мне обещание, и я оставила всю свою жизнь ради тебя, ты увез меня на середину забытой Богом земли, бросил меня в доме с твоими детьми и ждешь, чтобы я исполняла обязанности твоей Олд Леди, хотя ты знал, ты нахуй знал, что это последнее, о чем я мечтала. И я позволила тебе отнестись ко мне, как к ебаной мебели, которая будет стоять ровно там же, где ты ее оставил, пока ты не сочтешь нужным почтить меня своим присутствием, ведь я обещала тебе, что не сбегу. Но я так больше не могу!

— Кокс! — заорал он, заставив меня подпрыгнуть от испуга. Кокс появился мгновенно в дали холла.

Дьюс толкнул меня вперед.

— Выведи ее нахуй отсюда. Убедись, что она доберется до дома и там останется.

Кокс не двинулся.

— Прости, Президент. Я никуда не потащу беременную злющую суку, которая только что поймала своего мужчину трахавшимся со шлюхой. Мои гребаные яйца мне нравятся на том месте, где они сейчас висят.

Я обернулась к Дьюсу.

— Не беспокойся об этом. Я уйду. Шлюхи ждут твоего внимания, а у меня есть моя ебаная жизнь, которую хотелось бы уже начать жить.

Я метнулась к Коксу, и он сделал шаг назад от меня.

— И на твой счет! Мне насрать, как ты обращаешься со своей женой, мне плевать, даже если ты собираешься поиметь каждого мужчину, каждую женщину и каждое животное на этой планете. Но если ты продолжишь гадить моей девочке, я смогу прекратить это! Вы, говнюки, любить распыляться о братстве, о кодексе дороги, но вы ни разу не задумываетесь о толпе женщин, которых оставляете позади, и будь я блять проклята, если Ками окажется одной из них!

— Господи, Ева, — прошептал он, — что я блять тебе сделал?

— Не мне, — прошипела я, — Ками. Она не клубная шлюха, и я не позволю тебе так обращаться с ней!

— УБИРАЙСЯ НАХЕР ИЗ КЛУБА! — заорал Дьюс.

— УЖЕ УХОЖУ! — завизжала я в ответ.

Я сделала два шага, и слепящая боль пронзила низ моей спины. Нахлынуло еще больше боли, перед глазами поплыло, в животе все болезненно напряглось, и затем в спине и животе начало колоть сильнее. Я охватила себя руками.

— Нет! — заплакала я. — Боже, пожалуйста, нет!

— Сука поймала тебя с членом в Миранде и даже не вздрогнула.

Дьюс глянул через бар на Кокса.

— И чья это нахуй вина?

Кокс посмотрел на него.

— Президент, она уже знала, что увидит там. Она узнала твой номер еще до того, как появилась здесь. Сука знает номера всех парней. Я начинаю думать, что она знает нас лучше, чем мы сами себя знаем.

Блу опрокинул рюмку и прокашлялся.

— Разумеется, Фокси видит нас насквозь. Она ребенок байкера, она выросла в клубе с мужчинами, на сто блять процентов обожающими ее, больше чем они любят своих женщин.

— В этом вся ебаная проблема, — пробормотал он. — Сука не знает своего места, и все потому, что Проповедник — ебанный придурок.

Блу покачал головой.

— Сынок, ты долбоеб. Хочешь знать, что вижу я со стороны? Я вижу девушку, не просто обычную девушку, каких много, а ебанный джек-пот, и у меня нет ни одной ебаной догадки, почему блять она выбрала такого говнюка, как ты, которому достанется этот ебанный приз. По мне так — просто глупо с ее стороны. Но ты и это отталкиваешь, потому что не можешь перестать трахать шлюх и отказываешься поделиться с ней частичкой клуба. Если бы ты спросил моего мнения, то не так уж много она просит, но раз моего мнения ты не спрашивал,

то я просто дам тебе и дальше вести себя, как долбоеб.

Он глазел на Блу. Если бы этот ублюдок не был так стар, черт его побери, он бы уже испытал все разнообразие боли, которую Дьюс способен причинить.

— Тебе надо быть честным с самим собой, — негромко сказал Мик, заговорив впервые за все время, что они собрались. — В действительности ты не на нее злишься, на самом деле ты просто пиздец как ревнуешь ее.

Он оглядел барную стойку: его помрачневшие парни собрались вокруг нее.

— Что за нахуй? — рявкнул он. — Чего вы на меня накиннулись?

Мик покачал головой.

— Я просто говорю тебе, как есть, Президент. Имей мужество признать это. Ты ревнуешь, что это Фрэнки был с ней все эти годы, что это он женился на ней, ревнуешь к тому, как неумимо, нестигаемо лояльна она была к этому козлу. Ты ревнуешь ее к Чейзу просто потому, что он смог распробовать ее, дать ей что-то, что ей понравилось, и ревнуешь из-за этого ебаного ребенка. Гадаешь, твой ли он, а сам мечтаешь, чтобы он был от тебя, и жаждешь, чтобы эта сука полностью была твоей. Ты просто не в состоянии видеть эти вещи такими, какие они есть. Ты давно вляпался во все это дерьмо с Евой Фокс, и так привык то трахать ее, то ругаться с ней, то терять ее, что никак не можешь осознать простую вещь — наконец-то она твоя. Эта сука любит тебя, уже давно любит. Ты тут не единственный, кто давно с ней знаком. Я видел, как она смотрела на тебя в Чикаго. Она была всего лишь ребенком, но пристрели меня, если она уже тогда не восхищалась тобой.

Тэп кивнул.

— Он прав, Президент. Не думаю, что в этот раз ты получишь еще один шанс. Она выглядит уставшей, это читается по ее лицу. Готов поспорить, Фрэнки добил ее своими неприятностями. Женщина может столько дерьма вытерпеть, прежде чем с нее будет достаточно... Посмотри на меня. Тара уехала, сбежала в Атланту. Сейчас она с каким-то программистом, которого моя девочка называет жирдяем и придурком — ее слова, не мои. Не думаю, что он бы и от мухи смог отбиться. Но Тара хочет его, не меня. Потому что я не обращался с ней так, как следовало, а он заботится о ней, как о чертовой королеве.

Он не знал, что отвечать — в основном потому, что это все было правдой — и он опрокинул еще одну рюмку. Мик ухмыльнулся его реакции. Ебанный мудака.

Он вел себя с Евой неправильно, он знал это. Его старые привычки боролись до последнего. Он не мог позволить себе смягчиться и немного сдать, а Ева таким его и делала — мягким, не способным сопротивляться.

Если он будет проводить все время с ней, то просто не сможешь отлипнуть от нее. Ему нужно было немного личного пространства. Ему надо было проветрить голову. Он не хотел снова наделать ошибок.

Дерьмо.

Он не знал, что делать. Часть его хотела, чтобы она поехала домой, другая его часть лишалась сознания от одной этой мысли.

— ПРЕЗИДЕНТ! — руки по локоть в крови, Зизер ворвался в комнату.

— Ева! — сказал он, задыхаясь. — Она не говорит... глаза закрыты... просто пиздец сколько крови... вызвал скорую...

Он не услышал окончания, потому что уже мчался к ней.

Глава 18

Дьюс находился в комнате ожидания в госпитале в той же позе, в какой сидел там последние четыре дня — локтями упираясь в колени, лицо пряча в ладонях.

Блять, столько раз он косячил, но никогда прежде он так охуенно грандиозно не разрушал собственную жизнь.

Блять, он довел Еву, роды начались раньше срока, и она почти умерла, истекая кровью. Врач закончил со всеми неотложными процедурами, и теперь в инкубаторе лежала крошечная девочка с трубками в ее носике, потому что не могла сама дышать, и его женщина... Его женщина отказывалась разговаривать с ним, потому что он вел себя, как долбоеб, трахавший других женщин, пока единственная, кого он действительно хотел, была у него дома, в его постели, занималась его детьми.

— Босс? — Джейз толкнул его локтем.

— Что? — негромко спросил он.

— Ками здесь.

Он поднял голову и увидел миниатюрного Кокса, улыбающегося ему. Он улыбнулся Девину и посмотрел выше. Чокнутая мать Девина стояла, нахмурившись на него. Он нахмурился в ответ.

— Чейз мертв, — зло сказала она.

Он моргнул. Окей. Что ж... Это в общем-то неплохие новости.

— Что с того? — спросил он. — Сэкономил мне время.

Ками свела брови, принимая вид скорее удивленный, чем разозленный.

— Это был не ты? — спросила она.

Он подскочил к ее лицу.

— Сука, ты совсем рехнулась? Никогда блять не обсуждай такое дерьмо на людях! Тебе вообще никогда такое вслух произносить нельзя!

— Ну, прости! — рявкнула она. — Ты просто обязан простить меня! Мне, знаешь ли, трудно рассуждать здраво, когда моя лучшая подруга почти потеряла своего ребенка и чуть не умерла сама, и пятью минутами позже этих новостей у моих дверей появляется департамент полиции Нью-Йорка, информируя меня, что моего мужа несколько часов мучали и пытали, а затем выпотрошили! Блять, Дьюс, они сказали, что его внутренности был развешаны на рождественской елке! Он был так обезображен, они даже не позволили мне увидеть его тело!

Кровь в его венах застыла. Превратилась в ебучий лед.

— Рипер! — рявкнул он.

Рипер уже был на ногах, доставая телефон.

— Уже работаю, Президент, — сказал он, направляясь к выходу.

— Что происходит? — потребовала Ками.

— Папочка! — пискнул Девин и кинулся бежать куда-то.

— Вот дерьмо, — пробормотал Тэп, кивая на вход в госпиталь. — Анна с ним.

Джейз пожал плечами.

— Сам виноват, развел детей по всей планете.

— Он все еще с женой? — прошипела Ками.

Коксу понадобилась миллисекунда, чтобы оценить обстановку. Дьюс наблюдал, как он, сдержав закипевшее раздражение, опустился на одно колено.

— Привет, дружище, — сказал он хрипло, крепко обнимая Девина.

— Что это за чертовщина? — вскрикнула Анна.

Не отпуская Девина, Кокс поднялся на ноги.

— Только блять не в присутствии моего сына, сука.

Ками пересекла комнату и протянула руки к Коксу.

— Я смотрю, тебе по-прежнему есть, о чем тут позаботиться, — хмыкнула она. — Так что давай-ка сюда Девина, пока ты этим занимаешься.

Тяжело задышав, Кокс передал ребенка.

— Иди, присядь там, детка, — прошептала она Девину, указывая на стул у другой стены. Девин убежал туда.

— Ты трахал эту тощую суку? — сорвалась на визг Анна. — У тебя с ней чертов ребенок?

Кокс закрыл глаза.

— Господи, Анна, успокойся нахуй, мы в госпитале.

— Ну конечно! — заорала она. — А я едва обнаружила, что ты снова блять наставляешь мне рога!

— Ты что, тварь ебаная, сукой меня только что назвала? — заорала Ками.

Прежде чем это дерьмо окончательно скатилось до мыльной оперы в лучших традициях, он схватил Кокса и увел его в сторону.

— Чейз мертв. Его внутренности развесили на Рождественской елке. Даю три ебанных попытки угадать, кто это сделал. Выводи одну из своих сук, прежде чем в госпитале, где едва не умерла

моя женщина, они устроят кошачью драку. Думаю, той, от кого ты захочешь избавиться, будет Анна, раз уж Ками — подруга Евы. К тому же, единственный способ вытащить ее отсюда обернется для тебя яростным сопротивлением и визгом, что расстроит мою ебаную женщину, а если ты расстроишь мою женщину, то для тебя это хреново закончится.

Вздыхая, Кокс повернулся обратно.

— Уже занимаюсь этим, Президент, — пробормотал он.

— Тэп.

— Президент?

— Вызывай всех. Я хочу, чтобы Ева и мои девочки ежечасно были под охраной. Кэйдж тоже. Сделай все без шума.

— Понял.

Рипер снова присоединился к ним. Одного взгляда на его парня хватило, чтобы понять — новости будут плохими.

— Фрэнки? — спросил он.

Рипер кивнул.

— Убил троих заключенных на прошлой неделе, из-за этого был переведен в другой штат. При этапировании убил всех четверых охранников, исходя из того, что говорят, сделал он это с размахом. Настоящая блять резня. На него уже повесили Хендерсона. Законники открыли на него охоту. Он в бегах. Зная Фрэнки, он должно быть вне себя от счастья. И без сомнений — он хочет найти Еву.

Глаза Ками стали размером с блюдца, и она кинулась к Риперу.

— Он собирается убить мою Еву! — заплакала она.

— Нет, детка, это не случится, — тихонько проговорил Рипер, поглаживая ее по спине и ухмыляясь Коксу через ее голову. Кокс, только что выпроводивший свою истерящую жену наружу и вернувшийся уже один, застыл, увидев их.

— Продолжишь нахуй лапать ее, говнюк, и лишишься рук!

— Отъебись, — прошипела Ками. — Ты трахаешь свою жену, и, вероятно, еще половину Монтаны, а я решила трахнуть Рипера!

Рипер, которому пора было начать беспокоиться из-за Кокса, собиравшегося свернуть ему шею, продолжал гладить Ками и улыбаться, как придурок.

— Если хочешь заставить его ревновать, Ками, — сказал Джейз, — попытай счастья со мной.

Потирая ладонями лицо, он оставил этих идиотов и пошел в палату Евы. Дэнни встретила его в дверях. Она была одета в тот же розовый костюм, что и три дня назад, и выглядела уставшей.

— Нет, папуль. Плохая идея.

Он сделал глубокий вдох.

— Кое-что плохое случилось, детка. Знаю, она меня ненавидит, но я должен поговорить с ней. К тому же тебе надо принять душ и немного поспать. Позвони брату и отправляйся домой.

Она неохотно отошла, и он вошел в комнату, прикрывая за собой дверь. Шторы были плотно запахнуты, в комнате царили тени и темнота. Ева лежала на кровати на боку. Она выглядела бледной, вялой, вокруг глаз залегли темные круги, в вену на руке была введена капельница. Она отвернулась, увидев его.

— Уходи, — прошептала она хрипло.

В его груди все сжалось.

— Не могу, малыш. Нам нужно поговорить.

Он обошел ее кровать так, чтобы видеть ее лицо, и она сразу же перевернулась на другую сторону.

— Нет, не нужно. Уходи.

Ладно, меняем тактику.

— Ева. Чейз мертв.

Он наблюдал, как все ее тело напряглось.

— Он был замучен, — продолжил он, — испорчен. Внутренности висели на его собственной Рождественской елке.

Ева села, придерживая живот.

— Где Фрэнки? — прошептала она.

— В бегах.

— Боже мой. Чейз... Бог мой... Это все моя вина... Он ничего не сделал... Я... Боже...

— Малыш, — он сжал в ладонях ее лицо, заставляя смотреть на него. — Послушай внимательно. Чейз знал, во что ввязывался, когда заключал ту сделку с тобой. Он лично знал Фрэнки, и он работал над его делом, он совершенно точно знал, насколько Фрэнки ебанутый, и на что он способен. По сути, он хотел тебя так сильно, что плевал на последствия.

По ее щеке скатилась слеза.

— Он не заслужил этого, я имею в виду, что никто не заслуживает, но Чейз совершенно точно не заслуживал такого, — прошептала она. — Он был козлом, но он не был ужасным человеком. Он просто хотел, чтобы его любили. Он хотел семью, которая любила бы его, и любить самому... Он просто не понимал... О Господи, Чейз... О Боже...

Она оплакивала Чейза, он понимал ее, но все же он бы предпочел, чтобы говнюк, которого она трахала и к которому у нее были какие-то чувства, был последним, по кому проливались ее слезы.

Чувствуя, как в нем просыпается ревность, а за ней — злость, он сел рядом с Евой, притянул ее рот и крепко поцеловал.

Она не сопротивлялась, и их влажные губы и жадные языки разделили долгий, медленный поцелуй. Когда он оторвался от нее, Ева прижалась лбом к его лбу и выдохнула в его рот.

— Как она? — прошептала Ева.

Он собрался мыслями. Ребенок, она говорила о девочке.

— Все еще не может дышать сама, малыш.

Покусывая губу, она кивнула.

— Это не твоя вина, — прошептала она.

Нет, это была его вина. Он попытался протестовать, но она прижала пальцы к его губам.

— Это была тяжелая беременность. Это не твоя вина.

В груди была тяжесть, и он втянул воздух. Он ее не заслуживал. Никогда. И никогда не сможет заслужить.

— Я дала ей имя, — произнесла она мягко. — Айви [33] Оливия Уэст. Айви — потому что сейчас Рождество, и Оливия в честь...

— ... моей мамы, — сказал он хрипло, чувствуя себя самым большим говнюком на свете.

— Дьюс?

— Да, малыш?

— Свидетельство о рождении. Как ты хочешь, чтобы я поступила?

— Никак, — прошептал он. — Я заполню все бумаги, она моя дочь.

Она замерла, глядя ему в глаза, затягивая его, по-прежнему лишая его движения лишь взглядом, сводя его нахуй с ума. Она всегда сводила его с ума.

— Дьюс?

— Да?

— Больше никаких женщин.

Блять.

— Да, малыш, знаю. Я охуенно облажался.

— Если злишься на меня и хочешь выместить это на какой-нибудь киске, ты идешь ко мне. Неважно, как зла я, я никогда тебя не отвергну, — от ее хриплого смеха все в нем заныло. Блять, сколько боли он причинил своей женщине.

— Ева, малыш, — ответил он мягко, — больше никаких женщин не будет. Уже вышвырнул Миранду, обрубил все связи. Обещаю, я заслужу тебя, и сейчас самое время мне начать.

Она вздохнула, поежившись, что лишь заставило его чувствовать себя еще хуже.

— Я люблю тебя, Дьюс, — прошептала она. — Очень, очень сильно.

Он смотрел на нее, она смотрела на него, и он ясно понимал, почему парни так проехали по нему. Она любила его. Он был всем для нее. Он знал это, он видел это в ее больших серых глазах. И наконец-то прошлое больше не имело ебаного значения. Она не собиралась сбегать, а он собирался заботиться о ней, как о чертовой королеве, которой она и была.

Глава 19

Впервые за долгие годы Дьюс познал настоящее умиротворение.

Прошли три месяца, и Айви была выписана.

Ева превратила половину его комнаты в клубе в ясли.

А затем эта чокнутая сука выделила Дэнни собственную комнату в клубе и помогла обставить каждый сантиметр в ней в ебаном розовом и малиновом цвете. Он был охуенно взбешен. Поставил в ее комнату стальную дверь с засовом. Поставил решетки на ее окно. Не откладывая, выстроил всех своих парней в ряд и прояснил, чтобы не смели нахуй тянуть руки к его девочке. Сказал, если кто-нибудь из них посмотрит на нее так, что Дьюсу это будет не по душе, то он отправит их в землю.

Они старались не смотреть на нее. По факту они вообще перестали с ней разговаривать.

И все дерьмо шло своим чередом.

Жизнь была прекрасна. Охуенно прекрасна.

Ками и Девин переехали в Монтану, чтобы быть ближе к Еве и Айви. Не к Коксу. Ками клялась, что это так, и Кокс не знал, что ему делать с этим решением. Он, наверное, даже поверил бы ей, если бы Ками не сидела в этот момент на коленях Кокса, изливая эту теорию переезда.

Ему исполнилось сорок девять.

Кокс ушел от жены и съехался с Ками.

У Дэнни появился парень.

Парень Дэнни порвал с ней, и Дьюс клялся, что он тут не при чем.

Кокс закончил с бракоразводным процессом и надел на палец Ками бриллиантовое кольцо. Кольцо ей не понравилось, и она купила себе другое — больше и дороже. И сережки в комплект.

И кажется, он слышал, как Кокс бормотал что-то насчет закрыть ей доступ в интернет. Что-то насчет тифель, которые стоили несколько тысяч долларов.

Девину исполнилось пять.

Кокс купил ему кроссовый мотоцикл. За это Ками кинула в него кастрюлю.

Еве исполнился тридцать один год.

Ками выгнала Кокса. Кажется, ей не понравилось, как он посмотрел на кассиршу в супермаркете. Дьюсу было куда интересней, как она умудрилась заставить Кокса сходить в магазин.

Парни заказали ему новый жетон. На обороте читалось «Фокси». Он успел навешать троим из них, прежде чем они, поджав хвосты, сбежали.

А потом он надел жетон.

И ухмылялся.

Лето было щедрым к клубу. Бизнес шел в гору. Деньги сливались в клуб. Двое из его парней женились. Клуб единогласно проголосовал за троих новых братьев.

Задница Евы вернулась к прежним размерам. Не то чтобы его это заботило. Он хотел ее в любом виде, до какого мог добраться. Худой или с изгибами, такой чертовски сочной... Да хоть блять размером с дирижабль. Какая нахуй разница. Никогда это не было ее тело, что так прочно привязывало его к ней. Все их дерьмо с Евой уходило намного глубже, чем могло показаться со стороны. Хотя вот ее сиськи... и ее губы... И только Бог знает, как эти глаза сводили его нахер с ума.

Кокс и Ками поженились. Она позволила ему въехать обратно.

Айви исполнился год. Едва посмотрев на свой праздничный торт «Хеллоу Китти» (идея Дэнни), она шлепнулась в него лицом прямо по центру. И теперь на его рабочем столе стояла фотография, на которой Айви, вся в кусочках торта и глазури, смотрела на него синими глазами с белыми крапинками и улыбалась той же улыбкой, что и он.

Он начал подготавливать кое-что грандиозное. Кое-что действительно охуенно грандиозное для своей женщины.

А потом в один летний день все полетело вдребезги.

Глава 20

Рука об руку Айви, Дьюс и я шли через огромный задний двор клуба. Через несколько колонок, закрепленных по стратегически важным точкам, громко играло кантри, три мощных гриля уже были разогреты, на них обжаривались хот-доги, гамбургеры и стейки, пока байкеры и их жены, подружки и дети толклись группками по двору, попивая пиво или содовую, оживленно болтая друг с другом.

Улыбаясь.

Танцуя.

Все были счастливы.

Дьюс сжал мою руку.

— Малыш, пойдй, разберись с этим женским дерьмом, мне надо поговорить с Рипером.

Не успев назвать Дьюса каким-нибудь словечком из того арсенала, что я припасла на те случаи, когда он нес это шовинистическое дерьмо, я поторопилась к длинному столу, на котором уместились тарелки с несколькими видами пасты, чипсами и крекерами, соленой

соломкой и овощным ассорти. Надев черный фартук поверх ее милого розового платья, Дороти стояла у стола и раскладывала еду.

вернуться

33

Айви — по-русски вроде ласкового обращения «Вьюнок» или «Плющик», распространенное имя. Вьюнок — часть Рождественского антуража на западе.

Я скинула сандалии с ног и пошла к ней, чтобы помочь.

— Эй, — шепнула я, мягко толкнув ее бедром. — Ты в порядке?

Прикусив нижнюю губу, она покачала головой.

— Я никогда не бываю в порядке, когда вынуждена смотреть на них.

Я проследила за ее взглядом к Джейзу, его жене Крисси и троим их детям. Тринадцать лет как он связался с Дороти, ей уже исполнилось тридцать три, и он по-прежнему не выполнил ни одно из тех обещаний, что давал ей. Она оставила мужа ради него. Ее дочери было шестнадцать, следующей осенью она уедет в колледж, и Дороти останется совершенно одна. И то, что это не мое дело, еще не означает, что я должна спокойно относиться к такому положению вещей.

— Передохни, — предложила я. — Я здесь управлюсь.

Ее глаза удивленно расширились.

— Ты Олд Леди Дьюса.

Я пожала плечами.

— Ну и что? Это не означает, что я не могу разложить пасту по тарелкам.

Качая головой, но все же улыбаясь, она развязала фартук и отдала его мне.

— Спасибо, — прошептала она и сбежала. Джейз отвернулся от Крисси и смотрел, как она сбегает с барбекю и исчезает внутри в клубного дома. Нахмурившись, он зашептал что-то на ухо Крисси, которая в ответ кивнула и улыбнулась, и затем ушел вслед за Дороти.

— Ева?

Я повернулась обратно к столу и обнаружила передо мной бывшую жену Кокса Анну. Ей шло то, как коротко она обрезала свои длинные темные волосы.

— Эй, — поприветствовала я ее, — привезла Мэри-Кэтрин?

Она кивнула и указала на свою дочь, уже почти подростка, которая догоняла Девина, смеясь.

— Перекусишь? — предложила я ей, приподнимая тарелку.

Она поморщила нос.

— Нет, спасибо. Пытаюсь сбросить вес.

Я оглядела ее, соображая, в каком именно месте она хочет похудеть.

— Привет, Ева! Анна! — Крисси шагала к нам.

Она была великолепна. Высокая, гибкая, с большой задорной грудью, длинными каштановыми волосами. Идеальный загар и красивые симметричные черты лица дополняли будоражащий образ американской мечты. Она была всем тем, чем никогда не была Дороти. Черт, она была всем тем, чем не была я. К счастью, мне на это было похрен.

— Крисси, — ответила Анна, приветствуя ее.

— Ты идешь завтра на йогу? — спросила Крисси, красуясь в укороченных джинсовых шортах и белом тугом топе, привлекая внимание каждого байкера в радиусе тридцати футов.

Даже Дьюса.

Я предупреждающе глянула на него. Он бросил мне соблазнительную улыбку, прежде чем вернуться обратно к своему разговору.

— Ага, — ответила я. Крисси и ее класс по йоге были благословением для меня. Я смогла сбросить весь вес, набранный во время беременности, и даже немного сверх того.

— Да, — ответила Анна, — Бог — свидетель, мне это нужно.

Я покачала головой. Анна слегка слетела с катушек после того, как Кокс оставил ее.

— Великолепно! — вскрикнула Крисси, подпрыгнув.

— Где Дороти? — заорал Зизер через всю лужайку, пытаясь быть услышанным сквозь музыку.

Я развела руками, показывая ему своим видом, что понятия не имею, и крикнула в ответ:

— Что тебе нужно?

— Жидкость для розжига!

Я показала ему большие пальцы и пошла внутрь клуба.

Наполовину пройдя коридор со спальнями, я услышала громкие стоны, доносящиеся из комнаты Джейза. Я приблизилась, точно зная, что увижу.

Ну, разумеется, со спущенными до колен брюками Джейз прижал Дороти к стене, ее платье задрано к талии.

— Блять, я люблю тебя, — прохрипел он. — Ты и представить не можешь как сильно, Ди. Ты просто нахуй представить не можешь.

Дороти поскуливала, пряча лицо на шее у Джейза.

Я тихонько обошла дверь, чтобы прикрыть ее и нажать на кнопку замка, затем также бесшумно потянула ручку, проверяя, что она надежно закрыта. Не нужно было, чтобы Крисси столкнулась с этим.

Дороти тоже не заслуживала так подставляться.

Но это все было таким обычным делом в байкерском клубе. И я ничего не могла поделать.

Немного позже Дороти вернулась на барбекю, выглядя раскрасневшейся. Вместе с ней мы смотрели, как Джейз вышел из клубного дома и пошел обратно к Крисси. Крисси обвиняла его, пока он глядел на Дороти, взглядом обещая все то, что, я точно знала, он никогда не выполнит.

— Он наконец-то собирается уйти от нее, — прошептала она, не сводя глаз с него.

Я поджала губы и вернулась к сервировочной ложке в моей руке. Он никогда не уйдет от Крисси. Он любил ее в своем ебанутом стиле.

И Дороти он тоже любил. Он отмахнулся от всех своих почитательниц ради этих двоих и не собирался бросать ни одну.

К счастью, Дьюс появился рядом, спасая меня от необходимости отвечать ей.

Он вопросительно посмотрел на нас, затем проследил за взглядом Дороти и нахмурился.

— Ди, — сказал он очень тихо. Она глянула на него и покраснела.

— Прости, — прошептала она.

— Я не могу позволить тебе раздражать моих Олд Леди и портить жизнь моим парням, Ди.

— Знаю, — прошептала она, — я уйду, если хочешь.

Я увела его подальше.

— Это его вина, — прошипела я. — Он сам пошел за ней и делал с ней, сам знаешь что.

Дьюс приподнял бровь.

— «Сам знаешь что»? — повторил он, ухмыляясь.

Я сложила руки на груди, и его взгляд остановился на образовавшемся на моем темно-фиолетовом сарафане декольте.

— А можем мы пойти и заняться «сама знаешь чем»? — спросил он, ухмыляясь.

— Нет, — я закатила глаза.

— Пожалуйста?

Я пыталась бороться с улыбкой и проиграла. Он погладил мою щеку костяшками пальцев.

— У меня есть подарок для тебя, — сказал он мягко.

— Подарок под названием «Большой вспотевший мужчина»? — спросила я.

Дьюс ухмыльнулся.

— И этот тоже. Пойдем.

Он схватил меня за руку и повел внутрь клуба, оставляя позади спальни, жилую зону и, наконец, распахивая передние двери.

— Весь твой, малыш.

Ослепленная, я моргнула. А потом вообще забыла, как моргать. Застыв, я просто смотрела на эту бесценную красоту прямо передо мной.

— Нет, — прошептала я.

— Малыш, да.

Цельнолитые алюминиевые колеса, массивная передняя ось и вилка, широкий топливный бак на пять галлонов. Боковые амортизаторы аккуратно спрятаны с глаз долой, двигатель Twin Cam 96B, соединенный с рамой, и двойная хромированная выхлопная труба.

Я была в шоке.

— Парни, занимавшиеся им, столько дерьма вылили на мою голову по поводу этого блеска, дорогая. Ты мне охуенно должна.

Он не стал делать весь байк сверкающим, лишь частично, но я уже влюбилась в то, что видела.

— Поверить не могу, ты запомнил, — выдохнула я, проводя рукой по собственному байку. Мой идеальный, совершенный байк.

— Самый милый ребенок, какого я встречал. И где — в Рикерс! Болтала о сверкающих Фэтбоях и ебанных розовых шлемах с черепами и прямо в лицо сказала мне, что будешь Королевой Клуба. Такой была твоя мечта, малыш. Я твой мужчина. Чувствуешь, к чему я веду?

Бог мой. Он сделал меня королевой. Потому что он был моим мужчиной, и такова была моя мечта. Мой мужчина исполнил ее.

Он достал для меня сверкающий Фэтбой.

И мой розовый шлем с черепами.

Я повернулась, улыбаясь так широко, что скулы сводило, и ткнула его в грудь.

— Ты любишь меня.

Он фыркнул.

— Малыш. Конечно.

Я прижалась к нему. Он схватил меня за талию, развернул к себе, обнимая. Наши рты сошлись в поцелуе так, как мы всегда целовались, отчаянно, оголодав друг по другу, с таким безумным напором, этой энергии хватило бы осветить весь город.

Ох... Он так любил меня. Просто... Ох...

— Эй, — сказала я мягко, положив ладони на его щеки.

— Да?

— Что насчет твоей мечты?

На его лице появились ямочки.

— Я смотрю прямо на нее, дорогая.

Ох. Вот дерьмо. Мое сердце собиралось взорваться. Я была полностью сражена. Этот мужчина владел мной, моим телом и душой, и всем, что между этим пролегалось.

— Я хочу заняться «сам знаешь чем» прямо сейчас, — прошептала я.

— Прекрасно, малыш, — прошептал он в ответ, — охуенно прекрасно.

Сплетаясь в клубок, мы упали на нашу кровать, лихорадочно целуя друг друга, срывая одежду.

— Люблю тебя, — выдохнула я, — так сильно.

Он сдернул лямки платья с моих плеч и оставлял поцелуи на моих ключицах. Его рот исследовал мое тело ниже, руками он стягивал с меня платье, спускаясь по мне. Я запустила пальцы в его волосы, постанывая, моля о большем.

Кончиком языка он провел по шраму, рассекавшему мой живот.

— Охуенно люблю тебя, малыш, — прохрипел он.

Затем он поднялся на ноги и снял с меня белье. Подняв ноги, я провела ступнями, измазанными в траве, по которой я ходила во дворе, по его обнаженному торсу и хихикнула.

Ухмыляясь, он расстегнул джинсы.

— Хочешь этого грубо? — спросил он, понизив голос.

Я прикусила губу и мотнула головой.

— Хочу медленно, малыш.

Его взгляд смягчился.

— Блять, — пробормотал он. — Я просто хочу смотреть на тебя, малыш. Я просто хочу стоять здесь и смотреть на тебя, пока, наконец, не поверю в то, что ты действительно блять здесь, и ты не собираешься никуда уезжать, и ты действительно хочешь меня.

Я закрыла глаза, впитывая эти слова.

— Слезай с нее нахуй, уебок, иначе я прострелю твою ебаную башку.

Мои глаза открылись. Я знала этот голос.

Фрэнки появился за спиной Дьюса, прижимая ствол пистолета к его голове. Он выглядел кошмарно. Вонял. Его волосы были жирными и грязными, его борода была длинной и неухоженной, а его одежда была в дырах, покрыта пятнами.

— Всадник! — заорал Фрэнки. — Я сказал, отойди нахуй!

Выражение лица Дьюса говорило о его готовности убивать, ноздри расширены, он застегнул

ширинку и медленно отошел в сторону. Я торопливо села и натянула платье.

— Не шевелись блять, пизда, — зашипел Фрэнки на меня. Повернувшись, он бросил в Дьюса пару наручников, которые тот поймал одной рукой.

— Приковывай себя к батарее, — скомандовал он.

Дьюс смотрел на него.

— Да ну нахуй, — прорычал он.

— Нет? — Фрэнки схватил меня за волосы и потащил по кровати. Я почувствовала дуло пистолета у моей шеи. — Хочешь, чтобы она умерла?

Сотрясаясь от ярости, Дьюс наклонился к батарее под окном нашей спальни, пристегнул один наручник к стальному отсеку батареи, другой застегнул вокруг своего правого запястья.

Фрэнки повернулся ко мне, улыбаясь.

— Следил за тобой, детка, — сказал он. — Охуенно долго следил за тобой, — он потянулся к кровати, прямо к моему лицу. — ВИДЕЛ, КАК ТЫ ТРАХАЛА ЭТОГО КОЗЛА!

Трясаясь, я смотрела в потемневшие глаза Фрэнки.

— Ты убил Чейза. Ты разделал его.

— Да, — фыркнул он, распрямляясь. Он покачал головой, смеясь. — Этот уебок тоже визжал, как девка.

Я почувствовала, как по задней стенке моей глотки поднималась обжигающая желчь.

— Ты думала, я не знал, да? Но я знал. Каждый раз, когда он блять приходил поговорить со мной, я видел это в его глазах. Он думал, что обыграл меня. Думал, что сможет отмазаться после того, как трахал мою жену.

— Я сделала это для тебя, — прошептала я.

Все еще сжимая мои волосы, Фрэнки стащил меня на колени перед ним и ударил по лицу.

— Всадника ты тоже трахала для меня?

Схватившись за щеку, я посмотрела на него.

— Фрэнки, — прошептала я, — пожалуйста, не делай этого.

— Ложись на свой ебанный живот, сука, — прорычал Фрэнки, отпуская мои волосы и толкая меня. — Собираюсь продемонстрировать тебе и этому долбоебу, кто тут нахуй действительно владеет тобой.

Из горла Дьюса вырвался хрипящий шум, и я обратила взгляд к нему. Шесть футов четыре дюйма [34] и двести пятьдесят фунтов [35] убийственного гнева. Он с такой силой тянул наручники, что по его руке потекла кровь. Его тело было, как натянутая тетива, вены на руке и шее вздулись, глаза готовы были выскочить из орбит. Его трясло, в буквально смысле трясло, от ненависти.

Дрожа, пытаясь сморгнуть слезы, жгущие мои глаза, я, лишь бы он не тронул Дьюса, легла на живот и повернула голову в сторону, удерживая взгляд на Дьюсе.

— Слишком много ебанных сопливых моментов ты посвятила этому уебку, — пробормотал Фрэнки, задирая мое платье и раздвигая мои ноги в стороны. — Сегодня я положу этому ебанный конец.

Я слышала, как щелкнула пряжка его ремня, звук расстегивающейся ширинки, затем я почувствовала его вес на себе, и он начал проталкиваться в меня. Я прикусила губу, чтобы не плакать, и продолжала смотреть на Дьюса. Он ни разу не отвел взгляда от моих глаз, он держал этот контакт со мной, крепко затягивая меня внутрь своих синих глаз, где было тепло и безопасно, и никто не мог причинить мне боль.

Он был на каждый дюйм побит жизнью.

Его душили, пытались зарезать, в него стреляли.

Он стрелял, душил, зарезал, избивал и убивал.

Он был изувечен, покрыт шрамами, жил со своей толикой безумия, ебаной ярости и убийственными наклонностями.

Блять, он был так охуенно зол, что даже прикончил собственного старика. Плоть от плоти, кровь от крови.

Но никогда, НИКОГДА, он не чувствовал такого.

Не было такого слова, которое могло бы описать то, что он чувствовал, выразить то, что происходило в его душе. Это было за гранью слов, превосходило любые эмоции.

Умереть, оставаясь живым.

Он смотрел на свою ебаную смерть.

Он ни разу не отвел глаз от Евы. Она оставалась безучастной, пока он удерживал ее взгляд, немного потерянной, будто она отделилась от своего тела и искала прибежища в его глазах. Это было единственное, что он блять мог дать ей сейчас, и этого было недостаточно. Этого никогда не должно было произойти. Он проявил небрежность, полагая, что Фрэнки больше не представлял угрозы. Это была его вина, и Ева расплачивалась за это. Он расплачивался за это.

Фрэнки не причинил ей боли, не физически, по крайней мере. Эмоционально, ментально, да, но физически он был нежен, касался ее, как мужчина, который знал, как подарить удовольствие своей женщине, знал, что ей нравилось, что заставит ее кончить, целуя ее обнаженную кожу, неустанно поглаживая ее, делая почти невозможным для нее контролировать реакции своего тела в ответ на то, что он делал.

Хуже всего было то, что это было не в новинку для нее. Фрэнки насиловал ее и раньше, он был уверен в этом. Его Ева привыкла, что ее принуждали к сексу, выучилась делать это лучшим образом, наслаждаться блять этим, потому что она знала, что Фрэнки никогда не даст ей уйти.

Это убивало его. Каждый скрип матраса, каждый хрип Фрэнки, каждый резкий выдох и хныканье Евы... убивали его.

Фрэнки сказал, что наблюдал за ними. Тогда он знал, как сильно Дьюс любил Еву. И он понимал, что это добьет его. Постепенно, день за днем, неделя за неделей, год за ебанным годом.

Чейз отделался легко.

Периферическим зрением он заметил, как Фрэнки встал на колени, поднимая бедра Евы. Его рука обвилась вокруг ее талии и исчезла между ее ног. Ева проиграла свою битву. Ее дыхание замерло, глаза закатились назад, хотя слезы продолжали бежать по ее лицу.

Ее ноги затряслись, она уткнулась лицом в подушку, тихо плача сквозь свой оргазм. Фрэнки накрыл ее, громко застонав, его тело сотрясалось.

Затем Фрэнки повернулся к нему. И ухмылялся.

Умереть, оставаясь живым.

Впервые за сорок четыре года он плакал. Всего три безмолвных слезы. Для него это был ебанный водопад.

Глава 21

18:30

Дьюс сморгнул, глядя на Кокса.

— Президент? — хрипло прошептал Кокс, уставившись на его прикованную руку.

— Мои девочки? — спросил он оцепенело. — Айви, Дэнни?

— С Ками, — прошептал Кокс. — Где Фокси?

— Ее нет, — произнес он разбито. — Фрэнки.

Кокс опустился на колени, осматривая наручники. Как будто он уже не пытался. Как будто он не лишился большей части кожи на руке и не сломал все свои пальцы, пытаясь выбраться. Но его руки были слишком блять велики. И теперь он был прикован к батарее с переломанной рукой и содранной кожей.

вернуться

34

1,93 м

вернуться

35

— Приведу Вольного, — сказал он. — Он единственный, кто сможет открыть наручники быстро.

Он кивнул.

Кокс остановился у двери.

— Дьюс, — сказал он тихо, — мы вернем ее назад.

Он не взглянул на Кокса.

— Он будет покойником, Президент.

Нет. Фрэнки не будет покойником. Он уже покойник.

23:00

Тело Фрэнки ожесточенно скручивало, это всегда случалось прежде, когда наступал приступ ярости. Я оставалась на своем месте, сидя на кровати мотеля, наблюдая за ним с близкого расстояния.

— Больше не могу так, Ева. То, что ты трахалась с Чейзом, сломало меня, а потом ты СНОВА стала трахаться с ублюдочным Всадником, родила ему ебаного ребенка, клянусь тебе, я уже миллион раз почти прикончил тебя. Приезжала в его ебанный клуб, играла с его ебаными детьми во дворе, ездила на его ебаном байке. Я стоял в очереди позади тебя в банке, держа нож у твоего ебаного позвоночника, готовый убить тебя и твоего ублюдочного ребенка. Но я блять не смог этого сделать! Я не смог причинить тебе боль! И ЭТО НАХУЙ РАЗРУШИЛО МЕНЯ, ЕВА!

— Малыш, — прошептала я, изо всех сил пытаюсь не думать о Фрэнки, убивающем мою дочь, — копы знают, что ты убил Чейза. Они ищут тебя.

Он подарил мне такой взгляд, согласно которому единственной сумасшедшей в этой комнате была я.

— Детка. Да кого нахуй волнуют копы?

И внезапно его глаза вытаращились.

— Тебе нравилось трахать его, да, сука? Нравился член богатого паренька?

— Нет, — прошептала я, тяжело сглатывая. — Это то, чего он хотел за возможность вытащить тебя из тюрьмы.

Фрэнки засмеялся.

— Тогда я рад, что заставил его сожрать свой собственный член. Он нахуй заслужил это.

Неспособная прогнать из головы картинку того, что он сотворил с Чейзом, я пыталась давить рвотные позывы, мой желудок переворачивался. Фрэнки присел рядом, наглаживая круги по

моей спине.

— Вот это он и делал, детка, — прошептал Фрэнки, и я могла слышать улыбку в его голосе. — Блевал и визжал.

И мой желудок был опустошен.

9:03

Дьюс смотрел на свою расхераченную руку. Врач скорой помощи не смог наложить ему гипс из-за отсутствия кожи. Им пришлось собирать и фиксировать каждый палец отдельно, после чего его ободранную руку обработали и завернули, и весь этот пиздец был уложен в специальный бандаж.

Прямо сейчас он уже был в клубе, пил скотч из бутылки, наблюдая, как Дэнни играет с Айви. Он и его парни искали на протяжении всех последних часов хоть какие-нибудь следы Евы или Фрэнки и вернулись ни с чем. Выбора, кроме как привлечь копов, у них не оставалось. Копов, которые ни хрена не могли помочь им.

ФБР должно было показаться с минуты на минуту.

Дьюс понимал, что Фрэнки обратно в тюрьму не вернется. Такой, как он, лучше сдохнет, чем будет сидеть за решеткой. И конкретно Фрэнки был настолько ебанутым на всю голову, что с собой он заберет и Еву. И тогда она будет с ним навечно.

Ебанный ад.

Он снова потеряет ее из-за Фрэнки. Снова. И в этот раз по-настоящему.

— Дьюс, — сказала Ками, садясь рядом, — тебе нужно что-нибудь обезболивающее?

Ему нужна была Ева. Она была всем нахуй, в чем он нуждался. Она была всем, в чем он вообще когда-либо нуждался.

— Нет, — хрипло ответил он.

Она обвила его своими тощими руками, и он позволил ей обнять себя, потому что знал, что ей было также больно и плохо, как и ему. И если уж честно, ему так блять нужно было утешение.

Зизер смотрел на мониторы, расположенные за баром.

— Президент, федералы тут.

Рипер появился из коридора.

— Президент, вперед, впускай их.

Он кивнул в сторону Зизера.

— Уведи детей отсюда и запускай этих говнюков. Парням лучше перед ними сильно не светиться.

9:07

Я поерзала в своих оковах, морщась от того, как больно веревки натирали кожу. Я лежала на животе, руки и ноги были связаны за моей спиной, Фрэнки зашел так далеко, что привязал руки к лодыжкам и запихнул край подушки мне в рот.

И все это только для того, чтобы он мог спокойно сходить за едой.

Он не доверял мне, а когда Фрэнки кому-то не доверяет, это никогда не заканчивается хорошо.

Превозмогая невероятное количество боли и изворачиваясь, я смогла откатиться на бок, что немного ослабило давление на мои легкие и живот.

Надо было послушать Дьюса давным-давно. Фрэнки нельзя было спасти. Он был тем, кем был, и всегда таким являлся. Таким он останется навечно.

Я должна покончить с этим раз и навсегда.

9:14

— Итак, вы пытаетесь сказать нам, мистер Уэст, что Фрэнклин Дэлува, несмотря на вашу искусную систему безопасности, сумел проникнуть в ваш клуб незамеченным?

Дьюс, хмурясь, посмотрел на Агента Риккардо Квинтаниллу. Он был низким, толстым и лысым мексиканцем, носившим одежду, на размер ему малую. Ему уже приходилось сталкиваться с ним. Много, много раз он видел его ордера и проходил через неожиданные обыски клуба. У него была новая напарница. Мелкая сексуальная блондинистая сучка с крепкой задницей, большими бодрыми сиськами и плохим настроением. Половина его парней разглядывали ее, будто она была куском ебаного торта. Он же хотел воткнуть ей в глаз отвертку.

— Он, должно быть, обхаживал это место какое-то время, — ответил Рипер, глядя сверху вниз на Квинтаниллу. — Знал, как обойти камеры.

Квинтанилла, разглядывая лицо Рипера, сморщился.

— Ручная работа Дэлувы, я полагаю, — сказал он, указав своим телефоном на лицо Рипера. — Видел такое прежде. Правда, те несчастные ублюдки уже были мертвы.

— Охуенно здорово, — прорычал он. — Давайте просто продолжим сидеть тут и трепаться насчет убекков, которых прикончил Фрэнки, пока он там начинает крошить мою ебаную женщину.

— Ммммммм, — промычала блондинистая сука, постукивая ручкой по своим губам. — Вы имеете ввиду женщину Фрэнклина Дэлувы или, может, женщину Чейза Хендерсона?

Она повернулась кругом, оглядывая комнату и всех людей в ней.

— Вы тут все поймали миссис Фокс-Дэлуву? Она женщина общего пользования?

Он подскочил с дивана, и Рипер с Джейзом повисли на нем, подталкивая его обратно.

— Скажи что-нибудь еще, сука, — проревел он, пытаясь сбросить своих парней, — и ты больше не проживешь ни дня!

— Вы угрожаете Федеральному Агенту, мистер Уэст? — спросила она. — Я всего лишь предположила, что ваша женщина могла добровольно уехать со своим мужем!

— Мари! — рявкнул Квинтанилла.

— Добровольно? — прорычал он. — Он заставил меня смотреть, как он насилует ее! Ты это нахуй понимаешь? Я был прикован к сраной батарее, глядя, как этот ебанный психопат ударил ее, и ни черта не мог поделать!

Он слышал, как кто-то — Ками или Дэнни — вскрикнул, а может обе они. Клуб затих.

Кокс втянул воздух в легкие.

— Президент, — прошептал он.

Он проигнорировал его.

— Слушай меня, Агент Пизда, — прошипел он. — Я тебе не просто угрожаю. Я прямо сейчас нахуй готов грохнуть тебя, так что надейся, что мои парни меня удержат.

— Не отпускайте его, — сухо сказал Квинтанилла. Он обернулся к напарнице. — Пошла нахуй отсюда.

11:55

Я вцепилась в мой чизбургер и картошку. Прошла вечность с того момента, когда я ела в последний раз, и я оголодала. Фрэнки наблюдал за мной из того угла комнаты, что был ближе к двери, между его ног была зажата бутылка водки, его лицо ничего не выражало.

— Можно мне немного? — шепнула я, указав на полупустую бутылку.

Он посмотрел на водку, потом на меня и кивнул.

Я соскользнула с кровати и медленно подошла к нему. Остановившись у его ног, я присела и потянулась к бутылке. Я едва положила пальцы на нее, как его рука сжала мою руку.

Я посмотрела вверх.

По щеке Фрэнки бежала слеза.

— Ева, — прошептал он — не мог спать, детка, не мог нахуй спать. Прошли недели и недели, и недели...

Мое сердце екнуло.

— Малыш, — сказала я, потянувшись к нему, — иди сюда.

Вскарабкавшись на колени, он схватил меня в объятия и зарылся лицом в мою шею. Мое сердце надрывалось, дрожа, я поглаживала его волосы, его спину.

— Помнишь мой выпускной? — прошептала я. — Помнишь, как мы танцевали на крыше потом? Мы танцевали и смеялись, пока не взошло солнце. Это была одна из лучших ночей в моей жизни.

Его огромное тело обвисло на мне, и он зарыдал.

— О Боже, малыш, нет, — я подняла его голову, чтобы видеть его лицо. — Фрэнки, — я выдохнула, вытирая слезы с его щек, — тебе больше не надо плакать. Теперь я здесь. Я никогда не покину тебя, никогда снова, малыш.

— Ты не можешь, — прохрипел он. — Я не могу спать без тебя, и я не могу дышать без тебя, детка, я нахуй не могу дышать. Мой живот скручивает все время.

— Тшш, — успокаивала я, вытирая его слезы, борясь с собственными слезами. — Займись со мной любовью, малыш. Дай мне показать, как сильно я люблю тебя.

Знакомый вкус его слез, смешавшихся с водкой, наполнил мой рот, и я отпустила свой разум ненадолго, в самый последний раз пробуя вкус Фрэнки. Его руки блуждали по моему телу, снимали лямки плаття с моих плеч, и мой сарафан съехал вниз к моей талии.

— Ева, — выдохнул он, охватывая мои груди, — моя Ева.

— Да, — прошептала я. — Я твоя. Навечно.

Я подтолкнула его спиной к стене и занялась его ремнем. Он сел и подался бедрами вперед, чтобы я могла стянуть его джинсы к ногам. Крепко обняв, он подхватил меня, положил на спину и накрыл меня своим телом.

— Я люблю тебя, — я тихо плакала, сжимая его бедра, принимая его внутрь себя. — Я любила тебя столько, сколько помню себя.

— Блять, детка, — простонал он. — Я люблю тебя, я охуенно люблю тебя, я так блять тебя люблю.

Каждым толчком он объявлял о своей любви ко мне, двигаясь быстрее и жестче от раза к разу.

Я потянулась к джинсам Фрэнки, лежавшим рядом, к зубчатому лезвию, которое он держал закрепленным на ремне.

— Сильней, малыш, — прошептала я, нуждаясь в том, чтобы отвлечь его. — Отдай мне всю свою любовь.

Фрэнки спрятал лицо в моей шее, его слезы заливали мои волосы, его тело вдабливалось в мое.

Вцепившись в рукоять кинжала, я вытащила оружие из ножен.

Когда я почувствовала, как он напрягся, почувствовала его оргазм, я пробежалась рукой по его волосам и нежно повернула его лицо.

— Посмотри на меня, малыш.

Он моргнул, глядя на меня.

— Я никогда не покину тебя снова, малыш, теперь ты всегда со мной, — прошептала я, слезы лились по моему лицу. — Больше никаких кошмаров.

Он улыбнулся мне своей утерянной мальчишеской улыбкой.

— Ты всегда прогоняла их.

Я коснулась губами его губ.

Затем я воткнула лезвие в основание его шеи и изо всех сил провернула его.

13:30

— У нас есть сигнал, — сказал Квинтанилла, держа телефон у своего уха. — Местные копы засекли номера Дэлувы рядом с мотелем несколькими городами дальше.

Дьюс не задавал вопросов, он просто продолжал молиться.

— Скажи им ждать, — сказал Квинтанилла. — Без сомнений Дэлува вооружен, чрезвычайно опасен, как черт неуравновешен, и у него есть заложница. Я вызываю команду туда прямо сейчас.

Глаза Квинтаниллы расширились и остановились на нем. Он почувствовал, как его желудок сворачивается.

Она не умерла. Она не могла быть мертва. Нет. Боже, пожалуйста, не дай ей умереть.

— Когда? — Квинтанилла потребовал ответа.

Блять. Ебать его. Ебанный Иисусе. Он не справится с этим. Он не сможет. Его дети не смогут. Ками и Девин не смогут пережить это. Его парни не смогут. Этого не могло случиться.

Квинтанилла отключил звонок.

— Дэлува мертв.

Он подскочил на ноги.

— Ева?

— В истерике, но не ранена.

Жесточайшая дрожь облегчения волной прорвалась сквозь него.

— Как они убили его? — спросил Тэп.

Квинтанилла сжал губы и прицокнул. Он осмотрел клуб, будто размышляя делиться тем, что он знает, или нет. Он шумно вздохнул.

— Они не убивали его. Женщина сделала это. Почти отрезала его голову кинжалом. Вышла из номера, сжимая оружие, полуголая, вся в крови.

У Ками подогнулись колени, и она завизжала во всю мощь легких. Кокс присел перед ней,

обнимая ее.

— Блять... — Кокс посмотрел на него снизу вверх, выражение ужаса на лице его парня отражало его собственные ощущения. — Президент... — прошептал он. — Фокси...

Он сел и закрыл лицо здоровой ладонью. Рука Мика опустилась на его плечо и сжала его.

— Она в порядке, Президент. Она жива.

— Она жива, — сказал он хрипло, — но я прямо нахуй сейчас могу тебе сказать, что она совсем не в порядке.

Глава 22

В облачный вторник Демоны хоронили Фрэнки. На нем был его жилет, мои кольца — обручальное и свадебное — были надеты на его мизинец. Дьюс стоял, удерживая меня в те моменты, когда меня накрывало. Горе и сожаление переполняли меня, перекрывались чувством вины, и в то же время моя голова кружилась от того облегчения, что я чувствовала.

Я надеялась, что в смерти Фрэнки обретет мир, который никогда не мог найти в жизни.

Долгое время я стояла там после того, как служба окончилась. Я немного поговорила с Фрэнки, немного поплакала.

Прежде чем уйти я прочла его имя на надгробном камне.

— Сладких снов, малыш, — прошептала я. — Навечно.

До отъезда домой мы с Ками сходили на могилу к Чейзу. Рука в руке мы сидели на траве, прислонившись к его надгробию. Деля бутылку виски за семьдесят пять тысяч долларов, мы обнялись и плакали. Мы плакали по разным причинам, но обе — по Чейзу. Несмотря на его ебанутые отношения с нами обеими, он был любим. Просто он слишком съехал с катушек, чтобы осознать это.

Потом Ками, Кокс, Дьюс и я отправились домой к нашим детям и нашему клубу, и это было началом исцеления.

С Дьюсом все было плохо. Ему было хуже, чем всем. Еще долгое время он не прикасался ко мне, не мог коснуться меня. Он винил себя за все. Это была его вина, что Фрэнки не нашли, его вина, что Фрэнки смог прорваться в клуб, его вина, что Фрэнки принудил меня, и его вина, что я была той, кто убил его.

Но это было не так. Ничто из этого не случилось по его вине. Только лишь по вине Фрэнки. Поначалу я сваливала все на себя. Мучилась, что позволила моим отношениям с Фрэнки зайти так далеко.

Но я прошла это... Вместе с моей семьей и моими друзьями, и моим клубом... Я прошла это.

То, как смог вернуться Дьюс, — это уже совсем другая история.

Но мы прошли через это. Вместе. Это не случилось за одну ночь, и это было нелегко.

Стоящее никогда не дается легко.

И любовь стоит всего.

Эпилог

Дьюс нахмурился на тестя.

— Ты старше меня, — проворчал он.

Проповедник фыркнул.

— Нам обоим за пятьдесят. Разница лишь в том, что у тебя есть красивая, молодая женщина, чтобы будить в тебе молодость, а все, что есть у меня — это клуб, полный придурков, считающих, что принимать душ можно изредка по желанию, а пердеж — это форма искусства.

Они оба посмотрели туда, где стояла Ева, разговаривая с Ками, очевидно беременной Дороти, Миком, его женой Адрианой, Дэнни и... Зизером, чья ебаная рука повисла на плече его дочери. Его кулаки сжались, но сдержался. Он пообещал Еве, что больше не будет выбивать из него дерьмо. Дэнни исполнился двадцать один год, и как настаивала Ева, Зизер был по уши влюблен в нее. Она продолжала напоминать ему, что Зизер никогда не вел себя по тем же шаблонам, что и другие его парни. Он не пил чрезмерно, его характер не был взрывным, он никогда не позволял себе неуважительно относиться к женщинам, и он не связывался со шлюхами.

И тем не менее... он все еще блять ненавистно относился к факту отношений Зизера и Дэнни. Seriously. Охуенно серьезно.

Он сжал зубы и посмотрел на свою жену.

Ей было тридцать пять, и она была охуительно великолепна. Ее тело было изящным и подтянутым, спасибо йоге четырежды в неделю, но ее изгибы по-прежнему были при ней, так что он был доволен, и в принципе ему было похрен, раз уж ей так хотелось сворачиваться в крендель на этой йоге, что он находил чертовски смешным.

Ее темные волосы были по-новому подстрижены и спадали мягкими волнами до середины спины. Теперь она носила длинную челку, которую сметала в сторону, — работа Дэнни. Она была одета в джинсы, которые, он с уверенностью мог сказать, были старше его самого, и старую футболку Лед Зеппелин, открывавшую ее живот, покрытый звездами. Никакого бюстгальтера.

Боже, он любил ее.

Его жетон на ее шее поблескивал на солнце. Ее Айпод торчал из заднего кармана, наушники болтались до середины джинсов. И на ее ногах — розовые чаксы. И хотя с расстояния было не видно, на пальце ее левой руки было кольцо, которое он надел в тот день, когда женился на ней. Толстая платиновая полоска с их выгравированными именами.

Дьюс и Фокси.

Он смотрел, как она, обернувшись, наклонилась поднять младшего сына Ками и Кокса, Дизеля, и увидел свое имя, вытатуированное прямо над ее задницей крупным прописным шрифтом. Это был подарок ему на прошлый день рождения, и трахал он ее с тех пор на ее коленях.

— Блять, — пробормотал он.

Проповедник глянул на него.

— Просто благодарю Бога, — ответил он, качая головой, — за эту чертову женщину.

Проповедник ухмыльнулся.

— Никогда не забуду день, когда она влетела в мою ебанутую жизнь, тряся своими хвостиками, распевая Дженис, обутая в чаксы, и поделилась со мной орешками, прямо там украв все остатки моего приличия, которого и без того было немного, но она блять забрала все, и с тех пор я навсегда принадлежал ей.

Глаза Проповедника заблестели.

— Хорошо, что я сел в одно время с твоим стариком, — сказал он, и в его голосе что-то надломилось. — Если бы не ты... Если бы Фрэнки...

Он хлопнул Проповедника по спине.

— Знаю, — сказал он грубовато, — я тебя блять понимаю.

— Привет, папуля! — закричала Айви, пробегая мимо них. — Привет, дедушка!

— Привет, красавица, — ответил Проповедник, улыбаясь.

— Вернись назад, маленькая сумасшедшая засранка! — заорал Кэйдж, побежав за ней по лужайке. — И верни мне мои ключи!

Ее светлые хвостики подпрыгивали, ее розовые чаксы были в грязи, Айви захохотала, как маленький дьяволенок, и продолжила бежать. Кэйдж догнал ее, кружа вокруг. Айви остановилась, Кэйдж сделал обманное движение влево, она метнулась вправо, и Кэйдж схватил ее. Раскачав, он подкинул ее в воздух.

— Поймал! — сказал он, подбрасывая ее снова и ловя. Она завизжала и захихикала, и вопила, пока он не поставил ее на землю.

— Айви Оливия Уэст! — крикнула Ева. — Верни брату ключи!

Наклонившись к ней, Кэйдж протянул руку.

— Вот, — пробурчала она, шлепнув ключи. Кэйдж сомкнул ладонь поверх ее ладошки, и подтянул ее в свои медвежьи объятия.

— Люблю тебя, маленькая чертовка, — прогрохотал он. — Даже и просить не смею о лучшей сестре. Дэнни, знаешь ли, та еще сучка.

Дэнни дала ему подзатыльник.

Айви улыбалась. Кэйдж улыбался.

Он закрыл глаза.

Я подал ей руку.

— Меня зовут Дьюс, дорогая. Мой старик — Потрошитель. Был рад поболтать с тобой.

Она протянула свою крошечную руку ему, и он сжал ее.

— Ева, — прошептала она, — это мое имя, и было очень, очень здорово познакомиться с тобой.

Он улыбнулся.

Она улыбнулась.

Конец этой ебаной истории.

mir-knigi.org